

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

7'93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ДОРВОДНА
КАВКАЗА

ФОТО А.АЛЕКСАНДРОВА

В номере:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

КОСОЛАПОВ Ю. «Наш округ – форпост России на юге» 2

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

НЕЧАЕВ Е. Чем слово наше отзовется 5

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

РАПОТА А. Война Алексея Макарова 11

КИСЕНКО А. Зачем изобретать велосипед? 16

БУТОРИНА Е. Глубинка 18

* * *

СЛОБОДЯНЮК В. Восхождение 22

СЫСОЕВ Н. «В помощь исполнению законов»
(Из истории внутренней и конвойной стражи России) 25

КУЗЬМИН С. Элита преступного мира 29

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ПОДНЕСЕНСКИЙ А. Криминальная история
(рассказ) 34

КАРЕВ А. Бродят тучи... (стихи) 39

СЕЙЕРС Д. Чье тело? (роман, начало) 41

Сапоги всмятку (сатира, юмор) 56

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

БАРАНОВСКИЙ В. Сэн'э – путь жизни 58

Рыболовам и охотникам 61

Шахматный клуб 62

Клуб знакомств «Возможна встреча» 63

Главный редактор

ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная

коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.

(зам. главного

редактора),

АФАНАСЬЕВ В. В.,

БОНДАРЕВ П. Т.,

ВОЛКОВ О. Л.,

ВОРОЖЦОВ В. П.,

ДУРБАЖЕВ В. А.,

ЕРХОВ Е. И.,

ЗАЙЦЕВ А. П.,

КАВУН С. Ф.,

КАРЕВ А. Н.

(ответственный

секретарь),

КАРПОВ Б. В.,

КОЗЛОВ И. Т.,

КОНДРОЕВ В. В.,

КОРОВНИКОВ А. В.,

КОТЛЯРОВ А. П.,

КУДРЯШОВ В. И.

КУЗЬМИН Н. П.,

МАЛЮТИН С. Н.,

ОВЧИННИКОВ В. В.,

ПРОКОПЕНКО Н. Н.,

СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.

(зам. главного

редактора),

СМИРНОВ Л. Л.,

УШАР А. Г.,

ФЕДОСЕЕВ В. Ф.,

ЧЕРНЫШОВ П. П.,

ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 16.04.93 г. Подписано к печати 23.06.93 г.
Формат бумаги 70×1081/16. Усл. печ. л. 5, 6.
Уч.-изд. л. 8, 8. Зак. № 1593. Тираж 11000.
Цена по каталогу 50 руб., в розницу – свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление

Э. П. Копылова.

Корректоры

Е. А. Богданова,

Н. В. Емелина.

На первой странице обложки:

фото А. Александра.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

Округа внутренних войск МВД России — новая структура, предусмотренная принятым в конце прошлого года Законом «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации». Первым был сформирован Северо-Кавказский округ. Причем первым он стал не только по времени своего рождения. Северный Кавказ уже долгое время является не очередной горячей точкой, но значительной зоной напряженности на юге России, в которой внутренние войска выступают в качестве основной миротворческой силы. Отсюда и приоритет в создании округа.

Генерал-майор Юрий Анатольевич Косолапов, назначенный командующим войсками СКО ВВ, родился в 1938 году в Полтаве. Окончил военное училище МВД и Военную академию им. М.В. Фрунзе. Службу проходил в Башкирии, Куйбышеве, Саратове, Челябинске, Красноярске, Алма-Ате, Ростове-на-Дону, после расформирования управления внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью получил назначение в Главное управление командующего ВВ МВД России.

Генерал-майор
Юрий Косолапов:

“НАШ ОКРУГ - ФОРПОСТ РОССИИ НА ЮГЕ”

— Юрий Анатольевич, в столице вы прослужили недолго, возвращаться пришлось в Ростов-на-Дону. С каким настроением ехали к прежнему месту службы, на новую высокую должность?

— Настроение рабочее, поскольку неотложных дел невпроворот. Ликвидация управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью отрицательно сказалась на общей обстановке в этом огромном кровотокающем регионе. После развала Союза мы ушли из Закавказья. Огонь подбирался уже к России, а тут войска, имеющие богатый опыт действий в горячих точках, враз лишились устойчивых структур управления. Но, как говорится, что было, то было. Что теперь прошлое вспоминать...

— Тогда давайте говорить о сегодняшних буднях. Какие задачи стоят перед войсками округа?

— Округ внутренних войск является оперативно-территориальным объединением. В его состав входят соединения и части внутренних войск, дислоцирующиеся на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. А что касается задач — они определены Законом России «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», — это оказание содействия органам внутренних дел в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и правового режима чрезвычайного положения (а наш округ единственный, где оно еще действует), охрана важных государственных объектов, ИТУ, конвоирование осужденных и лиц, заключенных под стражу, другие задачи.

Из этих задач в качестве важнейшего направления я выделил бы обеспечение общественной безопасности и обеспечение режима чрезвычайного положения (разумеется, не в ущерб другим задачам). Это диктуется той ситуацией, которая складывается в регионе. Накаляются межнациональные отношения на всем юге России, кое-где они приобретают критический характер: осетино-ингушское противостояние продолжается, близкой к взрыву была обстановка в Кабардино-Балкарии, Дагестане. Но, к сожалению, политики не в состоянии распутать узлы накопившихся проблем, в том числе и в сфере межнациональных отношений. И вновь в роли сдерживающей силы, гаранта мира, стабильности выступают военнослужащие

внутренних войск. К миротворческой миссии в своей собственной стране нам уже не приходить.

— Северный Кавказ в силу геополитического и экономического положения в России становится приграничным регионом. Вице-премьер Сергей Шохрай, возглавлявший временную администрацию в зоне осетинско-ингушского конфликта и как председатель Госкомнаца занимавшийся проблемами Кавказа, назвал его зоной приоритетных интересов России. В связи с этим какие особенности приобретает служебно-боевая деятельность подчиненных вам войск?

— Образно говоря, наш округ — форпост России на юге, форпост по защите интересов личности, общества и государства, конституционных прав и свобод граждан от преступных и иных противоправных посягательств. Отсюда и нынешний состав округа — если прежде управление в основном состояло из конвойных частей, то теперь приоритет за частями и подразделениями оперативного назначения, специальными моторизованными воинскими частями. Вместо прежних полков и бригад теперь имеем полнокровные дивизии. Вернее сказать, должны сформировать их полнокровными...

Сейчас приходится наверстывать то, что было упущено за прошедший после расформирования северокавказского управления год: сколачивать части, отлаживать взаимодействие, обучение личного состава, решать сложные вопросы расквартирования... А обстановка зачастую складывается экстремальная, когда промедление именно смерти подобно.

Я уже упоминал печально известные события в Северной Осетии и Ингушетии. Сформированная здесь группировка внутренних войск, которая обеспечивает режим чрезвычайного положения, живет и действует в очень нелегких условиях просто стoisчески. Обстановка остается довольно сложной, но, думаю, здравый разум победит, лица, ответственные за судьбу своих республик, найдут в себе мужество перешагнуть через националистические амбиции во имя жизни людей.

Особые отношения между Россией и Чеченской Республикой. Не буду комментировать их политическую сторону, скажу лишь о том, что касается внутренних войск. Сегодня на территории объявившей суверенитет республики нет ни одного нашего военнослужащего. Кстати, как нас оттуда "провожали", — тема отдельного разговора, до сих пор сердце болит. А дерзкие провокации в отношении войск по-прежнему вызывают серьезную озабоченность. Было нападение группы вооруженных экстремистов на наш плановый железнодорожный караул, маршрут которого на небольшом участке проходил по территории республики. В начале этого года в Махачкале в здании Верховного суда Дагестана боевики с целью расправы над подсудимыми совершили беспрецедентное по наглости нападение на караул внутренних войск. Только хладнокровие, выдержка, мужество наших воинов при действиях в той непростой ситуации помогли им выполнить боевую задачу с честью. А ведь напали на них далеко не простачки-дилетанты — террористы оказались гвардейцами из личной охраны Дудаева.

Ни для кого не секрет, какое огромное количество оружия гуляет по Кавказу. Вполне очевидно, что "в нужное время и в нужное место" воюющие стороны могут получить его

как из Чечни, так и из Южной Осетии. Все это заставляет нас быть начеку.

— Северный Кавказ сегодня, наверное, один из самых военизированных регионов России. В Ставрополе создан штаб пограничного округа. На самочувствии округа внутренних войск это соседство как-то сказывается?

— Конечно. Хотя недавно принят Закон о Государственной границе Российской Федерации, рубежи с республиками Закавказья, подчеркну — с широкомасштабно воюющими республиками, не очень-то надежно прикрыты, поскольку пограничникам, которых мы по праву называем своими боевыми товарищами, тоже приходится решать многие проблемы становления нового округа. А ситуация, складывающаяся в соседних республиках, оказывает сильное влияние на наш регион. Взять хотя бы Абхазию. Активизация боевых действий там сразу же дестабилизирует обстановку у нас. И так во всем. В целом же на Северном Кавказе явно прослеживается дуга нестабильности — от реки Самур в Дагестане до реки Псоу на границе Абхазии и Кубани. Дуга эта проходит через Северную Осетию и Ингушетию, Чечню и Карачаево-Черкессию.

— Недавно в округе прошли командно-штабные учения. Об их значении говорит тот факт, что ими руководил командующий внутренними войсками МВД России, а на подведении итогов присутствовал министр внутренних дел Российской Федерации...

— На учениях проверялась готовность округа, что называется, полностью взята под контроль ситуация на Северном Кавказе, своими силами обеспечить спокойствие в этом регионе. Вывод был сделан такой: если мы будем всесторонне подготовлены и обеспечены, то снимем нагрузку с других округов российских внутренних войск, и больше не придется перебрасывать через всю страну самолетами части и подразделения в районы чрезвычайного положения, направлять офицеров в длительные командировки. Это ведь ведет к колоссальным материальным затратам и дезорганизует служебно-боевую деятельность войск в местах их постоянной дислокации.

Учения показали, что войска округа к самостоятельному выполнению поставленных задач в основном готовы. Но в помощи нуждаемся, и она нам обещана. В частности, округу отдан приоритет в обеспечении личным составом и материальными ресурсами. Принято решение о досрочном выпуске из некоторых военных училищ. Большинство офицерской молодежи получит назначения в наши подразделения и части. Проблема в том, останутся ли они служить. Ведь поток рапортов от лейтенантов об увольнении не уменьшается. Это огорчает. В иных подразделениях осталось по 2 — 3 офицера. Как при такой нехватке командиров организовать полноценное обучение и воспитание личного состава? А некомплект напрямую сказывается на качестве выполнения миротворческих задач в районе чрезвычайного положения.

— Юрий Анатольевич, не напрашивается ли тут сравнение с миротворческими подразделениями "голубых касок", хотя бы в бывшей СФРЮ? Завидно видеть их оснащенность всем необходимым, какую-то уверенность, основательность...

— Да, тут сравнение, увы, не в нашу пользу. А ведь защищаем мы с о е мирное

население, в своей стране. На государственном уровне надо поднимать престиж частей оперативного назначения, которые месяцами вынуждены находиться в горячих точках. Надо одеть людей в добротную форму, хорошо кормить и платить.

Но речь не только о деньгах. Должны быть предусмотрены реальные льготы, и в первую очередь офицерам. В получении жилья, заботе о семье, служебном росте. Ведь сегодня есть случаи, когда офицеры отказываются даже от повышения в должности, чтобы не ехать на Северный Кавказ, куда в прежние годы прямо-таки рвались. Теперь же порой доходит до того, что мы вынуждены командировать офицеров из конвойных частей в оперативные, чтобы они обучали солдат.

Наш округ, по моему мнению, должен отличаться от Сибирского или, скажем, Уральского. И аппаратом управления, и офицерским составом, и укомплектованностью солдатами и сержантами. Говорю об этом потому, что весьма специфичны и ответственны задачи, которые мы выполняем.

— Нехватка людских ресурсов — общая проблема войск. Здесь, видимо, недостаточно уповать лишь на разнарядки сверху...

— Это верно, мы и не ждем манны небесной, сами выкручиваемся. Нам удалось сохранить боевой костяк из передовых офицеров войск, имеющих немалый служебный опыт. Но даже с учетом этого вакантных должностей сегодня сотни. Особенно трудно с комплектованием должностей офицеров-специалистов: связистов, автомобилистов, медиков. О ротном и взводном звене уже говорилось.

Я пользуюсь всякой возможностью, в том числе и сегодняшней нашей беседой, чтобы обратиться к уволенным по сокращению штатов офицерам российской армии, которые прибыли на постоянное место жительства в северокавказский регион. Если есть у кого-то желание продолжить ратную службу на благо России — пусть обращаются в военкоматы, приходят в части внутренних войск. Кстати, в Краснодарском крае неплохо сработано в плане укомплектования офицерских должностей, здесь результат почти стопроцентный.

Заинтересованы мы и в скорейшей реализации контрактной системы призыва. Дело это новое, большой государственной важности, требует солидного комплекса подготовительных мероприятий. Торопиться здесь никак нельзя, чтобы потом не обмануть волонтеров. Повторю: с введением этой системы мы сможем поднять профессиональный уровень военнослужащих, повысить дисциплину, организованность.

— В последнее время приняты долгожданные документы о социальной защите военнослужащих, в том числе внутренних войск, членов их семей. Как обстоят дела в этом плане в северокавказском регионе?

— Действительно, принятые документы в войсках встречены с одобрением. В них четко изложены гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих, порядок обеспечения их жилой площадью, медицинского обеспечения, социальных льгот. Хотя, разумеется, решить все накопившиеся годами проблемы разом не удастся. Но даже самые малые сдвиги к лучшему радуют. Приведу пример по Ростову: администрация города изыскала в условиях острейшего дефицита

жилья возможность ликвидировать задолженность перед войсками — семьи более семидесяти офицеров и прапорщиков стали новоселами.

— Как строятся взаимоотношения командования округа с администрацией областей, республик Кавказа, представителями казачества?

— Отношения, как и ранее, в большинстве своем остаются деловыми, добрыми. У представителей местных властей мы, как правило, встречаем понимание, поддержку, если хотите, сочувствие к солдатам, выполняющим нелегкую миссию. Хотя по сложившейся недоброй традиции нас порой обвиняют в симпатиях к той или иной из противоборствующих сторон, в зависимости от поворота событий.

Что касается казачества, то и здесь у нас намечается взаимопонимание. Хотя меня порою тревожат процессы, происходящие сегодня в казачьем движении. Известным Указом Президента России казачеству предложено участвовать в существующих структурах управления, они же пытаются создать параллельные органы власти, требуют ввести на Дону атаманское правление.

Доводилось не раз беседовать с атаманами — слушал их, приводил свои доводы. Вот, говорят мне, надо восстановить Область Войска Донского в границах 1913 года. Но что было тогда? Сельские районы, железнодорожные мастерские в Ростове-на-Дону да пороховой завод в Каменске-Шахтинском. А сейчас? Огромные предприятия, выпускающие комбайны, локомотивы, вертолеты, угольная промышленность, металлургия... Вот и спрашиваю атаманов: как вы всем этим будете руководить?

Вообще считаю, что опрометчивые шаги иных атаманов способны оттолкнуть даже сторонников. Мне думается, есть силы, заинтересованные в том, чтобы направить казачье движение по неверному руслу. Последствия же могут быть непредсказуемы.

Некоторые казачьи лидеры против того, чтобы их воинские формирования входили в состав внутренних войск, хотя это и предусмотрено президентским указом. Заявляют, что не к лицу им, дескать, выполнять "жандармские", функции. Наши части формируются по экстерриториальному принципу, поэтому полностью казачьих подразделений или частей в нашем округе, видимо, не будет. Что же касается призыва молодежи для прохождения службы, на то есть закон.

— Юрий Анатольевич, Северный Кавказ традиционно знаменит как всесоюзная, а и ныне всероссийская здравница. Но в разгар курортного сезона сегодня в теплые края не очень-то едут на отдых и лечение россияне...

— И совершенно напрасно. Как командующий войсками округа уверяю, что ничего не мешает полноценному отдыху на курортах Кавминвод, Черноморского побережья России, Нальчика, Кубани. Практически повсюду в этом большом регионе есть подразделения внутренних войск МВД России. А это — одна из гарантий мира и стабильности.

Беседу вели подполковник В. ГОНДУСОВ, подполковник Л. МАЛАХОВСКИЙ. Фото В. УТЕНКОВА.

Злободневные мемуары

ЧЕМ СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ

О ГОРЯЧИХ точках в нашем журнале говорилось много. Освещались самые различные аспекты службы войск в регионах со сложной оперативной обстановкой. Но порой вне поля зрения оставалась разъяснительная работа среди местного населения, контакты со средствами массовой информации, представителями различных общественных движений. Умение вести эту работу во многом определяло тогда, да и сейчас, пожалуй, определяет успех в развенчании злонамеренной лжи, провокационных слухов, в формировании общественного мнения относительно истинной роли военнослужащих внутренних войск в разрешении межнациональных конфликтов.

Генерал-майор запаса Е.А. НЕЧАЕВ — один из тех, кому по долгу службы приходилось организовывать и осуществлять эту работу в конце восьмидесятых годов, по крупницам накапливая опыт, которым он делится на страницах журнала.

СЕГОДНЯ события, о которых идет речь, осознаются двояко: с одной стороны, кажется, все это ушло далеко в прошлое, а с другой — словно только вчера было. Теперь само выражение «горячая точка», стало, к сожалению, таким же привычным, каким раньше было словосочетание «братская республика». Когда оно впервые зазвучало с экрана телевизора, появилось на страницах газет, было непонятно, что это за горячая точка такая. Тем более что информация на первых порах была скудной и крайне разноречивой.

То, что поначалу воспринималось как недоразумение, обернулось пожарами, кровью, сломанными судьбами, толпами беженцев. Пошла цепная реакция: Сумгаит, Нагорный Карабах, Фергана, Баку, Душанбе и так далее. Словно сель обрушился, кровавый сель!

Семьдесят с лишним лет жили бок о бок, не спрашивая друг у друга национальность, и вдруг — нате вам: разбежались по национальным уделам, по национальному признаку определяем врагов, слово «интернационализм», либо вообще не употребляется, либо звучит с сарказмом. Мол, интернационализм — это бумажная утопия, на практике, дескать, интернациональна только торговля. Ничего против честной торговли не имею и в то же время не могу согласиться с противопоставлением ее дружбе, братству, взаимовыручке. Когда строители со всего Советского Союза восстанавливали Ташкент после землетрясения, разве шла тогда речь о расплате? Разве за деньги мы отправляли помощь в Спитак и Ленинакан, укрощали взорвавшийся Чернобыль? Разве поколение, вынесшее на своих плечах тяготы и лишения Великой Отечественной войны, делило страну на свои и чужие пределы? А сегодня что творится? Азербайджанцы воюют с армянами, грузины — с абхазами, осетины — с ингушами... И горько, и стыдно!

Ну а внутренние войска всегда выполняли функцию миротворческую, выполняли честно, но нередко становились заложниками недобросовестных политиков, некомпетентности и трусости властей предрержащих... Наши войска бросали в тот или иной регион, как в котел с кипящим кровавым варевом. Мы худо-бедно гасили огонь, как в Фергане например, или по мере возможности сдерживали его эскалацию, как в Карабахе, но на нас же, на войска, то и дело вешали, как говорится, всех собак. А наверху умывали руки.

Вспомните: съезд народных депутатов СССР требовал от тогдашнего руководства прямого ответа на вопрос — кто дал команду на применение войск в Тбилиси? Горбачев шустренько отгородился государственной границей: я,

мол, был за бугром, с меня и взятки гладки. Остальные мямлили что-то неадекватное, косились друг на друга. Известно, что вначале было слово, но чье, съезд так и не узнал. И тогда ушат помоев и мешок тумачков опрокинули на исполнителей.

Насколько безразличны были Горбачеву и его команде судьбы народов тогда еще единой страны, могу проиллюстрировать таким фактом. Когда конфликт между Азербайджаном и Арменией только разгорался, мне было поручено готовить бумагу за подписью первого заместителя председателя КГБ СССР. Над этим документом трудились и другие люди. Адресован он был Генеральному секретарю и членам Политбюро. В нем нужно было правдиво отразить происходившее в Сумгаите и Нагорном Карабахе, дать прогноз развития конфликта и предложить наиболее целесообразные, на наш взгляд, контрмеры. Мы составили очень откровенный отчет, в котором все вещи назвали своими именами. Я тогда спросил этого большого начальника на Лубянке, достигнет ли наша нелицеприятная правда глаз и ушей, не говоря уже о сознании, тех, кому адресована. Он ответил: "Евгений Александрович, мы с вами не случайно расписываемся на каждой странице. Через час-полтора этот документ ляжет на стол Генеральному.."

Я снова задал вопрос: "И какого же следует ждать реагирования?"

Он с досадой махнул рукой, видно, тоже наболело уже, и откровенно сказал: "Реагирование, как правило, одно: принять к сведению.."

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! С информацией, заложенной в документ, было связано столько надежд, от ее своевременной и достойной оценки столько зависело! А ее — под сукно!

Тогда ведь еще можно было пресечь трагическое развитие событий, а сегодня там идет война.

А сколько потом новых пожаров задымилось! И везде все разыгрывалось по одному сценарию: нагнетание нелепых, но безотказно действующих слухов, провокация в роли детонатора и взрыв. Вспыхивает очередная горячая точка, наш личный состав — по самолетам и в воздух. А через несколько часов солдаты уже стеной стоят, отделяя одну разъяренную толпу от другой. И с обеих сторон в них летят камни, бутылки, обрезки труб и стальной арматуры. Однако сколько упреков раздавалось в адрес войск! Сколько грязи выплеснули на них со своих страниц газеты и журналы! Как только нас не обзывали: и жандармами, и оккупантами, и бронированными монстрами... Некоторые газетчики, недостойные, по моему убеждению, звания журналиста, не гнушались откровенной лжи. На митингах с пеной у рта кричали, что внутренние войска комплектуются парнями из неблагополучных семей, из детдомов, что они, выросшие якобы в жестокости, готовы безжалостно колотить дубинками женщин, стариков и детей. Говорили и о том, что у нас есть подразделения, полностью сформированные из солдат, получивших в Чернобыле большую дозу облучения, жить им, мол, осталось недолго, и потому они будут зверствовать, не боясь ни суда, ни общественного мнения. Ну разве не бред?!

ПО ПРИБЫТИИ в горячие точки мы, как правило, оказывались в незавидном положении. Местные органы управления и правопорядка зачастую только имитировали стремление к сотрудничеству, а на деле либо всячески от него уклонялись, либо исподтишка палки в колеса вставляли. В результате мы не могли сразу получить ни сведений об общественно-политической обстановке в регионе, ни разведанных о действиях экстремистских формирований, ни достоверной информации о платформах тех сил, которые были замешаны в конфликте. Такая позиция властей была на руку организаторам беспорядков, и они всеми доступными средствами насаждали хаос, сеяли панику. Правдивая информация о происходящем нарушала их планы, и не случайно особым "вниманием" экстремистов пользовались журналисты. Сколько было разбито фото- и видеокамер! Многие корреспонденты возвращались домой в синяках и ссадинах, а кое-кто и не вернулся.

Для чего создавался информационный вакуум? С какой целью распространялись провокационные слухи? А все для того, чтобы в мутном потоке легче было ловить политическую рыбку, чтобы бросить тень на местные власти: вот, мол, они такие беспомощные, не могут навести порядок, не проявляют заботы о населении, а мы... И дальше, как из рога изобилия, сыпались щедрые обещания новоявленных вождей, ни одно из которых, как правило, не выполнялось. Могли, правда, напоить толпу вином или водкой из ограбленного под шумок магазина, а потом спровоцировать ее на погромы и убийства.

При этом войска становились практически единственной силой, защищавшей страдающую сторону (а ею во всех случаях оказывалось большинство населения), силой, способной противостоять экстремизму, лжи.

В такой обстановке единственный выход из положения мы видели в том, чтобы самим открыто идти к людям, объяснять свою позицию, отвечать на очень непростые порой вопросы, а главное — делом опровергать всю ту, извините, брехню о нас, которой заморочили головы населению.

В Фергане мы за три дня овладели ситуацией. Шли в махали, во дворы, встречались с тысячами людей. Выступали на предприятиях, разбирались, растолковывали, успокаивали. У нас не было ни теоретической подготовки к такой работе, ни опыта. Опыт приобретался непосредственно в деле, методом проб и ошибок. И побед, очень дорогих для нас побед.

Вот пример.

В одной из махалей Маргилана у нас была назначена встреча с узбекскими аксакалами. Пришли мы, они уже ждут. Спрашиваем: чем вам помешали турки-месхетинцы, какие у вас к ним претензии? В ответ слышим: они захватили лучшие земли, заволокли торговлю, в администрации ключевые посты — за ними... А мы, надо сказать, на эту встречу пришли не с пустыми руками. Подобные высказывания звучали со всех сторон и раньше, явно кем-то подсаженные. Поэтому мы заранее собрали кое-какие статистические данные, в паспортном столе получили справку о том, кто из местных турок-месхетинцев где работал... Словом, подготовились. И вот выложили аксакалам факты: из тысячи

двухсот маргиланских турок-месхетинцев ни один не работал в аппарате управления даже водителем или швейцаром, в торговле «пристроился» только один человек, и то подсобным рабочим в гастрономе, а что касается лучших земель, то и тут сведения стариков оказались липой. Участки турок-месхетинцев располагались в гораздо менее выгодных местах, чем поля узбеков. Все это мы изложили конкретно, с цифрами и фамилиями. И аксакалы вынуждены были признать свою неправоту. Оправдываясь, они говорили: «Нас обманули, нам про них совсем другое рассказывали». Я спрашиваю: «Почему вы так легко поверили кликушам-провокаторам и разуверились в людях, с которыми жили и работали бок о бок многие годы?», Молчат, вздыхают, глаза прячут.

Такими встречами и беседами мы там в конце концов отделили черное от белого, погасили эпидемию националистической чумы. Самое действенное средство в таком деле — говорить правду, горькую, постыдную, но правду. И обязательно нужно считаться с местными обычаями и нравами. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Как-то зашли мы во двор к одному узбеку. Он как гостеприимный хозяин приглашает в дом. А по узбекскому обычаю, входя в дом, нужно обувь оставить за порогом. Возник щекотливый момент: и от чистосердечного приглашения отказаться неудобно, и в военной форме босиком шлепать — тоже ни в какие ворота. Я так прямо хозяину и объяснил причину своей заминки. И вот что он мне сказал: «Вы, товарищ генерал, уважаете наш уклад, а я уважаю ваши армейские традиции». Выход из положения нашли быстро: во дворе на суле — это такой деревянный толчан — расстелили дастархан, по-нашему — скатерть, и за чаем очень хорошо поговорили. Расстались довольные друг другом.

И потом я много раз убеждался: если ты проявляешь уважение к обычаям тех людей, с которыми довелось работать или просто общаться, тебе всегда пойдут навстречу.

Одного нашего офицера аксакал спрашивает:

- Сколько времени ты уже в Узбекистане?
- Две недели, — отвечает тот.
- Почему ни слова по-узбекски не говоришь? Неужели ни одного не запомнил?
- Да я и знаю-то только «салам алейкум» и «рахмат», — смутился военный.
- Ты знаешь самые главные слова! — воскликнул старик.

После этого разговора тот офицер в Узбекистане здоровался и благодарил только по-узбекски и больше ни от кого не слышал упрека в том, что он не хочет говорить на их языке. Оказывается, для взаимопонимания и взаимоуважения не так уж много и надо. Была бы добрая воля.

Нашим военнослужащим сплошь и рядом приходилось решать и социальные, и хозяйственные проблемы, до которых у местного руководства руки не доходили. Совместный труд на виду у людей, пожалуй, лучше любой пропаганды. Мы ремонтировали школы, хлебопекарни, кормили людей из полевых кухонь, охраняли электростанции, водозаборные пункты, пути прогона отар, оказывали медицинскую помощь, транспортом выручали да и просто с оружием в руках защищали от бандитов целые поселки. Не случайно многих командиров войсковых подразделений местные жители звали к себе в председатели сельсоветов.

ИЗВЕСТНО, что общественное мнение во многом формируется прессой. Недаром ее называют четвертой властью. Надо признать, поначалу у нас со средствами массовой информации отношения были весьма

натянутые. Обвинения, претензии и упреки, которые адресовались войскам со страниц различных периодических изданий, редко бывали справедливыми. Чаще они были напеты с чужого голоса. Встречались и такие, с позволения сказать, журналисты, которые свободой слова восприняли как вседозволенность, как свободу от обязательств перед читателями, перед собственной совестью.

А у честных журналистов к нам в ту пору был, пожалуй, один упрек — мы их, случалось, не пускали туда, куда им хотелось. Причин тому было несколько. Во-первых, еще срабатывал синдром, доставшийся нам в наследство от прошлых времен, когда районы не только общественно-политических, но и природных катаклизмов оказывались для прессы закрытыми. Что поделаешь — инерция старого мышления.

Во-вторых, дурную услугу своим коллегам оказали все те же журналисты, освещавшие происходящее тенденциозно, под заранее заготовленную болванку. Не было у нас гарантии, что снова не переврут самые что ни на есть очевидные факты.

А в-третьих, мы чувствовали на себе ответственность за безопасность журналистов. Ведь они прибыли работать в регион, где порядок, а значит, и их неприкосновенность в значительной мере зависели от нас. Вот и приходилось иной раз придерживать особо увлекающихся. Помню, приезжал оператор Сергей Москвич. Вот уж отчаянная голова! Он со своей видеокамерой лез всегда в самое пекло.

А перелом в наших взаимоотношениях с прессой произошел в Фергане. Журналистов туда слетелось видимо-невидимо. Откуда только не было! И "Комсомолка", и "Аргументы и факты", и "Огонек", и "Московский комсомолец"... Не говорю уже об армейских и наших войсковых журналистах. За них-то мы меньше переживали — все же люди военные.

И вот первая встреча с этой щелкающей и строчащей командой — нечто вроде пресс-конференции. Вышли мы к ним, чувствуем, они уже стоят в бойцовой позе, в готовности посшибать преграды и запреты. Один парень — не помню сейчас, из какого он был издания, — бросил пробный шар.

— Вы нас, конечно, — говорит, — к местам событий близко не подпустите...

Все замерли на полувздохе, затаив заранее приготовленное возмущение. И вдруг я им говорю:

— Мы берем вас с собой в любое место, на любую операцию. Условие одно: бронежилет и каска обязательны для всех.

Все еще не веря в нашу готовность идти им навстречу и подозревая подвох, задают вопрос:

— А где ж нам взять бронежилеты и каски?

Я отвечаю:

— Мы выдадим.

Эффект нужно было видеть! Слово бомба разорвалась. Они так радовались, как будто мы их не под пули с собой брали, а на Багамские острова. Эта реакция вызвала уважение. Как не уважать людей, для которых интересы дела важнее собственной безопасности? Многие из них тогда попали в такие переделки, что едва выбрались.

Кстати, там была одна девушка, маленькая, худенькая, почти ребенок. Уж не знаю, какой редактор додумался послать эту пугливу в ферганское пекло. Но настырная! Как мы ни выкручивались, чего только не выдумывали, чтобы ее на операцию не брать, ничего у нас не вышло. Она ночью в БТР залезла и утром выходит из него откалываясь, даже на завтрак не пошла, грызла там какой-то сухарь. С голоду помереть ей, конечно, не дали. Да и экипировку пришлось выдать, как всем. Каска на ней смотрелась вроде крыши на постромке грибка, а под тяжестью бронежилета ее просто качало. Этакая черепашка в панцире... Вскоре она не

выдержала и... нет, не вернулась, а сбросила бронжилет. Тут уж ее наши бойцы щитами прикрывали.

Потом, когда корреспонденты разъезжались, я снова с ними встретился. Они ждали от меня каких-то комментариев и оценок, а я сказал:

— Ничего вам диктовать не буду. Вы все видели и слышали сами. Что и как будете писать и рассказывать — дело вашей совести. Надеюсь на объективность.

Вот так между нами зародилось взаимное доверие. Они увидели, что внутренние войска никакими грязными делами не занимаются и скрывать что-либо у нас нет причин. Со многими из тех журналистов наше сотрудничество стало постоянным. Да и мы научились работать со средствами массовой информации. В традицию прочно вошли брифинги и пресс-конференции. Зачастую в них принимали участие те, кто только что вернулся с проводимых операций, устраивались показы захваченного у экстремистов оружия. Теперь мы уже не ждали, когда у кого-нибудь из пишущей братии появится в нас нужда, а сами предлагали различным редакциям самую свежую оперативную информацию. Тогда же была заложена еще одна традиция — выпуск войсковых печатных изданий прямо в горячих точках, что в условиях дефицита информации было очень важно и для военнослужащих, и для населения. Многие гражданские журналисты до сих пор не забывают наших телефонов.

Но встречались и такие, которых никакими фактами невозможно было переубедить. Когда темный крестьянин спрашивал у Чапаева: «Ты за большевиков аль за коммунистов?», — это было объяснимо, но когда журналист в наше время на пресс-конференции задает вопрос: «Вы за молдаван или гагаузов?», — это нонсенс.

Или вот еще. В Карабахе. Разворачиваю утром местную газету, а в ней — черным по

белому: в селе таком-то военнослужащие внутренних войск производили незаконные обыски, сержант Сидоров изнасиловал женщину. Находим автора. Спрашиваем, откуда информация. Тот в ответ — ни к чему не обязывающую формулу: «Из достоверных источников». Ладно, говорим, поехали проверить достоверность ваших источников. Садимся в вертолет, летим. Жжем топливо, отрываем людей от дел, свое время трагитим... Но правда дороже. На месте выясняется, что обыски производила азербайджанская милиция, об изнасиловании вообще никто ничего не слышал. Потом устанавливаем, что во всем контингенте внутренних войск в НКАО нет ни одного сержанта, ни одного рядового и ни одного офицера или прапорщика с фамилией Сидоров. В редакции скрепя сердце соглашались напечатать опровержение. А через несколько дней — новая клевета. Начинать все сначала. Не обращать внимания нельзя. Тут восточная поговорка «Собака лает, а караван идет, как руководство по действию не подходит. Любая безответственная публикация может послужить толчком к беспорядкам и бойне. Порой даже слуха достаточно».

ВЗЯТЬ ТОТ СЛУЧАЙ, когда мы с Юрием Васильевичем Шаталиным оказались в Шуше в заложниках. Нас тогда лишили связи со Степанакертом. Наши в комендатуре узнали, в каком мы положении. Над Шушой закружились вертолеты. Внизу, под горой, двигатели ревут, гусеницы лязгают... Мы обращаемся к тем, кто нас блокировал: не доводите, мол, до греха, дайте связаться с комендатурой, отменить выдвижение войск, не надо бессмысленного кровопролития! Никакого ответа. Да и чего можно было ждать от напичканных наркотиками боевиков? Они бродили вокруг в полуневменяемом состоянии со зловещими ухмылками на небритых лицах, клацали затворами автоматов

и требовали освободить «студентов», якобы ни за что ни про что задержанных внутренними войсками. Никто из местных этих «студентов», и в глаза не видел. На самом же деле наш спецназ накануне ночью захватил двух вооруженных боевиков, стрелявших по армянскому селу, — преступление было налицо. Однако непримиримым доказывать это пришлось долго. Но все тогда, слава Богу, обошлось — противостояние закончилось без кровопролития.

Почему всегда после очередного побоища виновных ищут в войсках? Да потому что они всегда перед глазами, рядом, на переднем крае. А авторы трагедии в это время, может быть, за тридевять земель сидят.

Вспоминается встреча воинов дивизии имени Дзержинского, участвовавших в тбилисских событиях, с народными депутатами СССР Сахаровым, Карякиным, Васильевым. Разговор шел откровенный, с обоюдным стремлением разобраться в случившемся. Когда все закончилось, я спросил академика Сахарова:

— Андрей Дмитриевич, что вы скажете?

Он ответил:

— Не здесь мы ищем виновников. Среди этих солдат их нет.

Как он был прав! Сценаристов тбилисского кровопролития нужно было искать в кремлевских кабинетах.

А солдат далек от коварства, душа его всегда распахнута для тех, кто нуждается в сострадании, участии, помощи.

В Коканде наши бойцы нашли детский дом. Из своего невеликого жалованья собрали некую сумму, накупили сладостей и игрушек и отправились в гости. Там экспромтом организовали концерт, играли с малышами в различные игры. Сколько было радости в тот день у детей! И пока наше подразделение размещалось в Коканде, солдаты если не каждый день, то через день навещали своих маленьких соседей. А как-то раз получилось так, что, занятые службой, они почти неделю не могли выбраться в детдом. И вот двое карапузов, буквально лет пяти, удрали из-под надзора своих нянек и явились в роту с вопросом: почему дяди-солдаты к ним не приходят?

Разве у этих мальчишек останется плохая память о наших бойцах — добрых, сильных, не выясняющих, кто из них узбек, кто еврей или турок-месхетинец!

А жители Спитака неужели не найдут слов благодарности в адрес наших воинов? Я приведу только один пример. Солдат услышал стон из-под завалин. Что делать? Искать бульдозер или экскаватор? Каждая машина на счету. Просить у кого-то лопату? Так и лопата — на вес золота, а вернее — ценой в человеческую жизнь и, может быть, не в одну. И тогда он принялся копать узкий лаз штык-ножом и голыми руками. Ногти посрывал, чуть заражение крови не получил, но женщину спас. Подобных случаев было не один и не два.

А сколько мародеров задерживали! Эти сволочи колонны с гуманитарной помощью грабили, пострадавших обирали, лекарствами спекулировали, даже с трупов кольца, серьги не гнушались снимать. Однажды наши солдаты, разбивавшие завалины, увидели, на первый взгляд, обычную для Спитака тех дней картину: мужчины несли детский

гробик. Подозрение вызвало то, что четверо крепких мужиков с натугой тащили гроб не больше метра длиной. Военнослужащие потребовали его открыть. Подозреваемые подняли шум, разыграв крайнее возмущение. Вокруг собрались люди, большинство из которых требование солдат показалось кощунством. Тогда сержант, командир отделения, спросил, обращаясь к собравшимся:

— Сколько весит ребенок шести-семи лет?

Все притихли, не понимая, куда он клонит.

А сержант предложил одному из наиболее активно сочувствовавших задержанным поднять гробик в одиночку. Тот попытался, но не смог, после чего крышка была снята, и все увидели, что гроб с верхом наполнен драгоценностями. Мародеры бросились наутек, но далеко не убежали. Тут уж солдатам пришлось их спасать от справедливого гнева земляков. Нет, им не было жалко эту мразь. Но нужно было предотвратить расправу, чтобы преступников судил суд, чтобы люди поняли: никакая стихия, никакое чрезвычайное положение не освобождает их от необходимости соблюдать закон.

На фоне этой грандиозной беды проявления националистического мракобесия выглядели особенно дико. В те страшные дни декабря 1988 года я выступил со статьей сразу в нескольких азербайджанских изданиях. Призывал прекратить распри, навести порядок в тогда еще общем доме, убеждал, что нам нужно собирать камни, а не разбрасывать.

Через некоторое время после публикации в штабе войсковой оперативной группы раздался телефонный звонок. Сотрудница редакции бакинской газеты интересовалась, куда мне переслать гонорар. Я ей сказал: «Перечислите в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении». Надо было слышать, какой раздался вопль! Эта дамочка сразу трубку бросила, и я подозреваю, что телефон у нее при этом разлетелся вдребезги. Вот и собирай камни! Если человеку националистический камень за пазухой заменяет сердце, попробуй докричись до его сознания, призови к состраданию... Ну ладно, нас они не хотели слушать, мы для них не авторитет. С тех пор прошло уже несколько лет. За это время внутренние войска ушли и из Азербайджана, и из Армении, конфликт из отдельных стычек перерос в гражданскую войну, и закусавших удила соседей до сих пор не может вразумить ничей голос, вплоть до ООН.

А страдают прежде всего простые люди. Страдают от того, что хлебобродное поле стало полем брани, стены родного дома — уже не защита, похороны — чаще рождений, да и появление на свет ребенка не радует, а лишь прибавляет тревог, завтрашний день сокрыт чадом сегодняшних пожаров, а воспоминания — лишь повод для сожалений.

Думаю, что многие из тех, кто верил крикунам, обзывавшим нас оккупантами, нынче жалеют о своей доверчивости и неразборчивости.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА,
Б. БУЛГАКОВА.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

ВОЙНА АЛЕКСЕЯ МАКАРОВА

НЕ ОДНАЖДЫ за время журналистской работы доводилось писать о людях, удостоенных высоких государственных наград. Все в этих материалах было разным: и герои, и обстоятельства совершения подвига. Но во многих была общая фраза. Горше всего, когда приходилось сообщать читателям, что описываемые события восстановлены по документам, донесениям, свидетельствам очевидцев. О чем это говорит, думаю, расшифровывать не стоит...

На этот раз, слава Богу, все иначе. Алексей Макаров — живой и с виду невредимый — сидит рядом и неторопливо рассказывает о спецкомандировке в "золотой треугольник" — на границу Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, откуда привез тяжелое ранение и орден "За личное мужество".

Вроде бы спокоен и даже слегка застенчив старший сержант, но нет-нет и забегают желваки на скулах, да побелеют костяшки стиснутых пальцев. Русский парень с болью говорит о России.

— Ну хоть убейте, а не пойму, почему люди друг на друга стеной пошли. Из-за чего все это? Вроде все нормальные, жили по нашим меркам богато, а ныне увидят бывшего соседа другой национальности — аж глаза звериным блеском загораются.

Иногда просто страшно становится. И знаете, когда? Нет, не тогда, когда взрослые друг на друга — с автоматами и гранатометами, а когда детишки в эту свару вовлечены, и сегодня уже они в соседском Руслане-первокласснике или малыше Зауре заклятого врага своего видят. Никогда не забуду: во время марша колонну нашу легковушка обгоняет, из окна мордашка детская высовывается и... давай матом крыть.

Мы с ребятами там, на Кавказе, часто рассуждали, какой же выход из всего этого? Не вечно же моему БТРу между ингушами и осетинами стоять. Конечно, с точки зрения иного политика, сделать это несложно (иногда по нынешнему телевидению такое завернут!). А вот по-нашему, по-солдатски, самое главное — власть должна быть настоящей! Чтобы каждый знал: не только ружье на соседа поднял, а даже лишь словом оскорбил — ответишь! Здесь — дорога к примирению, и не только на Кавказе!

ДО СИХ ПОР хорошо помнит Алексей Макаров свое первое, восторженное письмо домой, в село Сущево Костромской области — отцу, матери и младшему братишке. "Дорогие мои, все нормально, даже не мечтал, что попаду служить сюда — в дивизию имени Дзержинского. Буду водителем бронетранспортера..."

А потом был памятный день принятия военной присяги, родные лица мамы — Алевтины Константиновны, отца — Геннадия Михайловича, приехавших поздравить сына. Да и, честно говоря, наверное, убедиться, действительно ли все у сына нормально. А то об армии разное пишут... Перед отъездом домой отец — сам водитель с многолетним стажем — крепко обнял сына: «Держись, водила!», а мама — они всегда мамы — всплакнула. И кто знал, что предстоит им ровно через год вновь приехать сюда. Но уже по совсем другому поводу...

Конечно, нельзя сказать, что безоблачно началась для Алексея служба. Нелегко было поначалу: необычный уклад жизни, напряженные занятия. Да и рассказы старших товарищей, побывавших в горячих точках, и завораживали, и вызывали какое-то неясное, тревожное чувство: а я как, смогу? Как-то судьба повернется?

Судьба — судьбой, а командиры-начальники, заметив исполнительного, трудолюбивого паренька, рассудили — быть тебе, Алексей Макаров, инструктором практического вождения бронетранспортера. Но, как говорится, скоро сказка сказывается... Предстояли еще месяцы учебы.

Самыми добрыми словами вспоминает сегодня Алексей своего наставника — заместителя командира учебного взвода старшего сержанта А. Левендюка, его наглядные уроки. Именно Александр, не по годам рассудительный и серьезный, как-то раз, проводя занятия в парке, подвел вдруг притихших подопечных к сиротливо стоявшему в углу БТРу с развороченной кормой. Коротко сказал: «На фугас самодельный напоролись!». И добавил: «Чтобы с вами подобного не случилось, учитесь чувствовать машину».

И курсант Макаров учился. Не просто крутить баранку, а слушать, как бьется сердце машины — двигатель, чувствовать, как застонет иногда на бездорожье подвеска, жалеть покрышки, взвизгнувшие на крутом повороте. Он стал настоящим инструктором, благо очень стремился к этому.

И ложилась под колеса его БТРа дорога: нелегкая, ухабистая — полигонная, а потом и огненная — кавказская. Обходили до поры до времени и его, и машину коварные выстрелы из гранатомета, хитроумно заложенные фугасы,кумулятивные снаряды вражеских (а как иначе сказать?) бэмпэшек. До поры до времени...

... Не первой молодости «Москвичок», швыряло на извилистой горной дороге, как спичечный коробок. Но водитель — пожилой осетин — не думал сбрасывать скорость. Быстрее в больницу, в Моздок! И секунды не раздумывал, когда на КПП к нему подбежали военные: «Отец, помоги, тут наших ребят посекло!». Не знаю,

воевал ли он, но когда увидел мальчишек в окровавленном камуфляже, только кулаки сжал — быстрее!

Бережно придерживая ребят — Игоря Мартынюка и Алексея Макарова, санструктор сержант Эдуард Миронец при очередном броске машины только и мог, что приговаривал: «Потерпите! Держитесь! Уже недолго...». Что ему еще оставалось? Только слова, которыми во все времена утешали спеленутых бинтами бойцов медсестры и медбратья.

А держаться и терпеть становилось все тяжелее. Сознание то уплывало, то возвращалось, и тогда накачивала боль: тягучая, нестерпимая. Но еще страшнее в эти минуты просветления была мысль — за скоротечные минуты недавнего боя чего-то не успел, что-то не так сделал. В одном был уверен: его 031-й — по-прежнему на позиции.

НАКАНУНЕ, 31 октября, исполнилось Алексею девятнадцать. Каюсь, так и подмывало покрасочнее живописать: сидят солдаты в окопе (в БТРе, в землянке, в палатке и т. п.), поздравляют именинника, дарят нехитрые подарки (чуть ли не горсть патронов, помните?), а потом накрывают скромный стол. Но не было ничего этого. Как Алексей казал, обстановка не позволяла. А вот что было.

Под вечер с разрешения командира поехали в ближайшее село Малый Малгобек за водой. Остановились у обычного для тех мест двухэтажного каменного дома. Постучали. Старуха-осетинка, выслушав просьбу, молча указала в глубь просторного двора — колодец там. Пока доставали из-под земли хрустальную, ломящую зубы влагу, наполняли фляги, прошло минут двадцать.

Вновь подходит хозяйка подворья: «Сынки, это вам!». И протягивает два объемистых свертка с продуктами: сыр, мясо, хлеб, овощи, банка молока и... жареная картошка.

Это и стало для Алексея самым главным подарком в день его девятнадцатилетия. Нет, не продукты. А встреча со старой женщиной в надвинутом на глаза черном платке.

Остановиться бы на этой благодушной ноте. Но нет. Кроме простого люда, живущего по обе стороны необъявленной границы непростыми своими думами и делами, озлобленного, а порой и запуганного, кропотливо пестующего свои сады и виноградники, есть и другие. Те, кто снимает свою кровавую жатву, будоражит людей, натравливает их друг на друга, рубит по живому семьи, калечит души детей. И никакой самый высокий суд не может примирить враждующих...

Это не досужие рассуждения автора. Не ручаюсь за точность слов, но именно об этом говорили ребята в тот день, 31 октября, воз-

вращаясь на свой КПП—31 на БТРе N 031. Совпадение?

Медленно падало за Черменский хребет красное солнце необъявленной войны. Словно где-то в русской деревне, заголосил уцелевший петух и тут же смолк, налуганный недалеким винтовочным выстрелом... И уже близко было завтра — 1 ноября, 11 часов 20 минут утра.

ОТКУДА взялись эти пятеро в милицейской форме с автоматами в руках, Алексей сразу не понял. И только тогда, когда залегший рядом с его БТРом старший сержант Игорь Мартынюк стал бить короткими очередями в сторону «милиционеров», понял — боевики. А к тем уже прибыло подкрепление — из кузова подрывившего грузовика горохом сыпались вооруженные бородачи.

Уже потом старший сержант узнал, что помогло бандитам: предательство сотрудника местной милиции, несшего службу вместе с военнослужащими на злополучном контрольно-пропускном пункте N 31. Коварно выбранный момент для нападения. Да и подъехали к КПП те, первые пятеро, в форме сотрудников милиции и не на чем-нибудь, а на «уазике», на дверцах которого была нанесена российская символика. Что и говорить, операции по захвату оружия отработаны местными «вооруженными формированиями», до мелочей, недаром опыт богатый. Но все это Алексей узнал потом.

А пока вокруг грохотали автоматные очереди. Упал раненный в июгу Игорь Мартынюк, ранения получили Анатолий Пашкевич, Александр Лукьянов, Сергей Ромашевский. А основная часть войскового наряда во главе со старшим лейтенантом Игорем Белявцевым буквально заперта боевиками в стоящем неподалеку вагончике. Ультиматум к ним состоял из одного пункта: немедленно сдать все оружие, в том числе и бронетранспортер. Но группа прикрытия продолжала бой...

— Что думал в ту минуту? — Алексей задумчиво забарабанил пальцами по столу. — Врать не буду: страшно было. И злость. И за себя страшно, и за то, что уведут мой бэтэр. А, может, уже потом страх пришел. Не знаю...

Может, и потом. Ведь говорят: глаза страшатся, а руки делают. И сержант Макаров решил делать то, что должен был — маневром, броней прикрыть ведущих бой товарищей. Кому, как не ему, водителю-инструктору,

ру, асу своего дела, знать, что для этого надо.

Захлопывая за собой крышку верхнего люка, Алексей каким-то боковым зрением уловил: к машине бежит один из «милиционеров», размахивая предметом необычной формы. Обожгла догадка: «Граната! Противотанковая!». Сержант отлично знал эффект действия кумулятивной струи, прожигающей броню и попадающей внутрь замкнутого пространства. Шансов не было...

Два первых взрыва ударили по броне: машина вздрогнула, словно раненая, жертвуя собой, защищала хозяина. После следующего взрыва перед глазами полыхнуло — третья граната достигла цели, пробив лобовую броню. Сначала боли не было. Была кровь, много крови... И удивление — почему вдруг светло стало в машине? (Как не посветлеть, если в броне — дыра с добрым кулак!)

Дотянулся до рычага раздаточной коробки, выключил ее. Теперь пусть заводят! Подоспевший санинструктор сержант Э. Миронец буквально выдернул Алексея через боковой люк из заполненной дымом машины, стал перевязывать:

осколки брони посекали грудь и левую руку, обожгло плечо.

Справа зашуршали шаги — бородач с лимонкой в руке, палец — на кольце. Почему тогда Алексей сказал ему то, что сказал?

— А ну, дай закурить, сука!

И было что-то такое в мокрых от боли солдатских глазах, что тот попятился, убрав гранату, протянул мятую пачку...

А в БТР тем временем нырнул еще один «борец за независимость», — видно, «специалист», по техннке. Алексей, прислонившись к борту, услышал, как взревели на максимальных оборотах двигателя (подумалось еще — запрет ведь, гад!), машина дернулась — включил передачу. Раз, другой, третий! Неужели уведут? Отлегло от сердца, лишь когда гортанный голос сверху прокричал:

— Эй, слушай, пачему нэ едэт?

Дальше — черный провал в памяти...

В ГОСПИТАЛЕ Алексей лежал вместе с Игорем Мартынюком. Времени наговориться было вдоволь. Говорили о многом: о родителях, девушках, родных местах, да мало ли тем можно найти, коротая дни. Но неизменно почти всегда разговор поворачивался к тому памяtnому осеннему дню прошлого года. Тема одна: можно ли было все-таки отразить нападение бандитов? Такова уж она — логика солдатская — обсуждали не целесообразность расположения КПП в том самом месте, не упущения командиров-начальников, не возможность выйти невредимым из подобной заварухи.

Сходились в одном: дралась группа прикрытия достойно. И не их вина, что захватили-таки боевики несколько автоматов.

Зато ребята все живы. И еще неизвестно, кому больше досталось: то ли им, пролившим кровь, то ли их товарищам, не один десяток минут пробывшим в заложниках, глядевшим в черные зрачки бандитских автоматов и с ума сходявшим от бессилия, невозможности помочь сослуживцам, ведущим бой. То ли их командиру, старшему лейтенанту Дмитрию Беляевцу, решавшему в те страшные минуты самый, пожалуй, сложный вопрос для командира: сдать оружие, подчинившись требованиям боевиков, или положить здесь, на этой пыльной дороге, двадцатилетних мальчишек, долгие годы потом мучаясь (если сам уцелеет) непроходящей душевной болью.

Кто знает, какое из мнений чаще брало верх в этих спорах в госпитальной палате, но один аргумент (пожалуй, самый весомый) у Алексея Макарова все-таки был. Слова его мамы, Алевтины Константиновны, приехавшей с отцом навестить сына:

— Спасибо вашим командирам, что вы, ребята, живы... вернулись оттуда...

После госпиталя Алексею предоставили отпуск. Получил необходимые документы, вещи и уж собрался рвануть на вокзал. Вдруг кто-то из ребят кричит: «Леш! Леш! Быстрее к окну подойди...» Прямо перед окнами казармы проходила колонна боевых машин, вернувшихся с той войны. А в середине колонны... его 031-й. Запыленный, побитый, с пробитой против места механика-водителя. Но идет! Идет! И сердце почему-то екнуло, и затуманило глаза...

СТАРШИЙ сержант Алексей Макаров стоял перед строем однополчан. Командир полка полковник В. Квачев, только что вручивший ему орден «За личное мужество», осторожно обнял (не все раны зажили) и, пожимая руку, сказал: «Благодарю за службу!»

И кто знает, не хотелось ли Владимиру Викторовичу в тот момент произнести совсем другое. Помните царапающие душу слова седого генерала — персонажа известного фильма, — вручающего ордена уцелевшим после боя бойцам: «Все, что могу! Все, что могу!».

Наверное, кто-то скажет, что, мол, перегнул автор палку, нашел не ту аналогию. Но интересно, какая аналогия приходила на ум Алексею Макарову, когда после вручения награды он молча сидел в курилке, затягиваясь почти недоступной нынче сигаретой, сжимая в руках красную орденскую коробочку? Рядом — однополчане: украинцы, белорусы...

Уж не пронзительный ли крик того самого мальчишки-солыка в приоткрытое окно обгонявшего «Жигуленка»:

— Зачем пришел, солдат? Уходи! Чужой ты...

Подполковник А. РАПОТА.

Северо-Кавказский округ внутренних войск не случайно был выбран местом проведения командно-штабных учений. Северный Кавказ – самый взрывоопасный и криминогенный регион России, источник нелегального распространения оружия по всей стране.

Вот на этом фоне и работали командиры и штабы. Офицеры, имеющие большой опыт службы в горячих точках, успешно справились с задачами КШУ, умело управляя подразделениями в чрезвычайных условиях.

Конечно, тактические учения со стороны выглядят эффектнее: там и дробный перестук автоматов, и атаки переднего края, и разведка... Но и у командно-штабных – своя красота. Красота анализа, верного решения...

Фото В. УТЕНКОВА.

ПРОВЕРКА ГОТОВНОСТИ

Продолжаем разговор, начатый майором М.Кобакиным в статье "Замполит умер... Да здравствует „замполуд“?" (На боевом посту, 1992, N 11 — 12)

ЗАЧЕМ ИЗОБРЕТАТЬ ВЕЛОСИПЕД?

ПРОЧИТАВ СТАТЬЮ "Замполит умер...", невольно вспомнил диалог, прозвучавший в одном из выпусков телепередачи "Аты-баты,, где шла речь о проблемах вчерашних замполитов — нынешних "замполудов,,. В ответ на вопрос: "Каким вы представляете современного офицера-воспитателя, помощника командира по работе с личным составом?" — визави корреспондента, полковник из Генерального штаба, решительно отчеканил:

— Командир сам является воспитателем, согласно уставу несет ответственность за дисциплину, морально-психологическое состояние коллектива, и никакие специальные помощники по работе с военнослужащими ему не нужны.

Увы, даже на высоком управленческом уровне встречаются, как видим, чины, готовые без тени сомнения выкопать "братскую могилу" для "замполудов,,. Что уж говорить о некоторых представителях "низов,, сбитых с толку "перестроечными,, и "постперестроечными,, реформами, пропагандистскими и контрпропагандистскими атаками прессы, лишенных ясных перспектив и твердой почвы под ногами! Но, откровенно говоря, нет никакого желания скрестить шпаги с теми, кто настроен против института офицеров-воспитателей, считая его анахронизмом, доставшимся в наследство от "большевистско-комиссарского,, прошлого. Во-первых, жизнь убедительно доказывает: как воздух нужны войскам и высококвалифицированные специалисты по работе с личным составом, и органы, направляющие и координирующие их деятельность. А во-вторых, лучшей формой полемики, убежден, является дело, а самым веским аргументом — его конечный результат. Попробуйте-ка для эксперимента на некоторое время убрать из подразделения "замполуда,, а из управленческого аппарата части группу (отделение) по работе с личным составом, а потом поинтересуйтесь у командира, каково ему без "комиссара,, приходится? Не сомневаюсь, суть предполагаемого ответа выразит пословица "Что имеем, не храним, потерявши — плачем,,. Именно такое ощущение испытывали многие офицеры, когда начались "разброд и шатания,, в разгар реформы системы политорганов. Хорошо ли, плохо работала эта система — отдельный разговор (назовите мне хоть один орган государственного механизма, кото-

рый бы функционировал в оптимальном режиме), главное — она работала. А ликвидация ее без адекватной замены, к чему призывали "крутые демократы,, взвалила б на командно-штабные кадры такой груз новых забот и проблем, что никакие, самые натренированные тяжелой служебной ношей плечи не выдержали бы.

К счастью, полного разрушения не произошло. А нигилистические настроения и взгляды, тиражируемые по инерции некоторыми средствами массовой информации, погоду уже не сделают. Вставил же по сему поводу и свое лыко в строку с единственной целью: показать с невысокой колокольни, чем чревато "хирургическое,, удаление из армейского организма живых узлов, определяющих его духовное здоровье.

А теперь, в продолжение заданной темы, — о деле. Том самом, что является лучшей формой участия в полемике.

Так уж получилось, что "замполуды,, нашего воинского коллектива ощутили тяжесть "пореформенных,, проблем намного сильнее, нежели их коллеги из других регионов: часть сформировали прошлогодней весной для укрепления сил охраны общественного порядка в связи с резким ухудшением криминогенной обстановки, обострением межнациональных противоречий на Кавказе. Войсковым нарядам пришлось нести службу не только в благодатных курортных городах, куда, как мухи на мед, слетается уголовная публика, но и на горных перевалах, граничащих с Карачаево-Черкесией и воюющей Абхазией. И еще одна существенная деталь: примерно 60 процентов военнослужащих срочной службы, пополнивших подразделения части, неоднократно выезжали в горячие точки бывшего Союза, что, естественно, наложило своеобразный отпечаток на взаимоотношения понюхавших порошу бойцов с необстрелянными новичками.

Можно представить, с какими потугами пришлось бы командирам налаживать службу в этих условиях, упраздни власти предержащие вместе с политорганами институт офицеров-воспитателей подразделений (второй ответ, теперь уже на конкретном примере, горе-теоретикам, называющим командиров пахарями, а политработников — дармоедами). А так, по двое в одной упряжке, вытаскивали свой нелегкий воз из топи проблем.

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ перед "замполудами", из управления части во весь рост встала задача создания единой системы планирования и организации воспитательной, социально-правовой работы. Взяться за ее разрешение, находясь в полном юридическом вакууме: старые руководящие документы, до мельчайших нюансов регламентировавшие деятельность политработников всех звеньев, в ходе реформы утратили силу, новых к тому времени в министерской кухне еще не испекли. Лиха беда начало. На базе многолетнего опыта разработали первый "вердикт", (с выходом соответствующей директивы главак этот документ дополнили и подредактировали) — "Положение об общественных организациях подразделений", исходя из того, что после ликвидации в армии политических институтов главной опорой офицеров в работе с личным составом должны стать советы войсковой общности, объединяющие, как говаривали раньше, лучших из лучших воинов. Определили должностных лиц, которые будут координировать усилия общественных ячеек. Провели с ними однодневные сборы. И разработал первый узел новой системы.

Заработал как дисциплинарный допинг (в подразделениях стало правилом на совещаниях советов коллективов и советов сержантов заслушивать разгильдяев, казарменных хулиганов и прочий "несознательный элемент"). Как общественный контролер (кстати, "дозорную" функцию советов не мешало бы закрепить серьезным правовым актом). Как стимулятор добросовестного ратного труда: для повышения роли войскового актива, призванного помогать командиру в этом важном деле. Вспомнив, что новое есть хорошо забытое старое, выпустили, опять же самиздатом, "Положение об организации состоятельности на боевой службе за отличное выполнение 50, 100, 150, 200 боевых задач". Работа, что и говорить, очень кропотливая, но если доводить ее до конца, не губить отравой равнодушия и формализма — толк будет. Хорошо бы еще на войсковом уровне разрешить вопрос о видах и размерах материальных и моральных поощрений за конкретные успехи. Скажем, за 100 отличных нарядов — денежная премия, за 200 — медаль. Такая практика, к слову, во время войны существовала в авиации. Определенному числу сбитых самолетов соответствовала та или иная награда. С переходом на контрактный способ комплектования проблема материального стимулирования под эгидой общественных организаций заявит о себе, если уже не заявила, во весь голос. Стало быть, упреждая события, надо думать и экспериментировать. Параллельно с укреплением общественно-демократических институтов в части шел процесс возрождения, скажем так, системного подхода к организации индивидуальной воспитательной работы. Начали с составления примерного плана и методических рекомендаций для должностных лиц полка, батальона, роты — с тем чтобы каждый офицер курировал определенную категорию военнослужащих. Разъяснили ошибочность позиций отдельных командиров, которые понимают ИВР как про-

стое "высвечивание" негативных событий в воинском коллективе...

Предвижу скептические ухмылки: мол, эти "формы и методы" использовались еще в эпоху расцвета ППР, и вместо того, чтобы творить новое, подставляя паруса "свежим ветрам перемен", специалисты по личному составу двинулись обратным курсом. Отвечу так: зачем изобретать велосипед, упрямо отказываясь от форм и методов работы, универсальность коих только слепой не разглядит, ведь реформы лишь тогда достигают цели, когда идут в русле обновления, а не уничтожения ("до основания, а затем..." мы уже проходили). Очищенное от ржавчины догм, усовершенствованное современными деталями, наше старое доброе профессиональное оружие, вне всяких сомнений, выдержит испытание на прочность и поможет корпусу офицеров-воспитателей уверенно и решительно ответить на вызов времени.

А нынешний вызов — пожестче того, что был брошен в полную наивных иллюзий и надежд "перестроечную" эпоху. Особенно тревожат настроения молодежи. Социологические исследования (вот он, один из современных инструментов работы "замполуда"), проведенные в ряде подразделений, показали: только шесть процентов из числа опрошенных солдат и сержантов мечтали служить во внутренних войсках, более половины респондентов шли в армию под влиянием негативных установок на армейскую службу, каждый третий утвердительно ответил на "провокационный" вопрос о возможности самовольного оставления части, 26 процентов солдат признались, что в их коллективе есть неформальный лидер и его влияние на сослуживцев — отрицательное.

Но не хотелось бы заканчивать письмо мирной нотой. Вот факты, от которых, да простят меня за сентиментальность, теплеет на душе.

"... На их счету десятки задержанных преступников, предотвращенных преступлений. Что же касается нашей "стеклянной" (речь о границе с Абхазией. — А.К.) границы, то без участия внутренних войск ее сегодня трудно представить", — писала о военнослужащих части краевая газета.

Кстати, благодаря специалистам по работе с личным составом установлена тесная связь с местной прессой и телевидением. В прошлом году нашим воинам было посвящено более 30 различных публикаций и 15 телепередач.

По отзывам глав администраций и жителей населенных пунктов, где несут службу войсковые наряды, значительно улучшилась криминогенная обстановка, при виде солдат в краповых погонах у людей появляется надежда: порядок на улицах будет обеспечен. Не боюсь красивых слов, такие отзывы — самая лучшая награда для настоящего офицера-воспитателя.

Подполковник А. КИСЕНКО.

Как тебе служится...

ГЛУБИНКА

Эх, дороги...

АДРЕС КОМАНДИРОВКИ — малозаметная, с булавочную головку точка на карте посреди бескрайнего таежного моря, на просторах которого без особого труда можно разместить среднестатистическое европейское государство: «Широка страна моя родная». Для проводницы московского вагона эта станция — глухомань беспросветная, где и поезд-то останавливается на минутку, и то словно бы нехотя, будто делая одолжение. Но тем не менее всю дорогу словоохотливая проводница рассказывает мне о том, какие замечательные и добрые люди живут тут (и откуда знает?) и как любит она, коренная москвичка, этот маршрут — дальний, нелегкий, но такой спокойный...

Да уж, очень спокойный, подумала я, когда спустя четверть часа через вагонный коридор шумной и хмельной цепочкой прошли азартные картежники, с шиком отпраздновавшие выигрыш, а крохотная бабулька-путчица полушепотом, будто выдавая важную государственную тайну, поведала о чуде, напугавшем до смерти пистолетом соседей по купе: «Ой, его вчера съпрямохонько в ресторане арестовали...».

А вот и станция. Разговорчивая проводница поторавливает, подталкивая к выходу, и поучает: «Поспешай, милая, к автобусу — не то день потеряешь». Ее напарник деловито готовит к выгрузке коробки: московские шоколадные конфеты толкает оптом здешним перекупщикам, естественно, по двойной цене. Поинтересовалась — почему? И прикинула: за одну поездку, помимо чаевых и зарплаты, довольно приличный навар получается. Командиру той части, куда я путь держу, за эти деньги нужно месяц работать в поте

лица своего по десять-двенадцать часов в сутки. А лейтенанту-взводному, пожалуй, два. «Северные», и «лесные», накапливаются долгими и многими годами несладкой службы. Чего уж потом удивляться хроническому дефициту офицерских кадров?

... В автобусе после первой же попытки выяснить, как мне лучше добраться до пункта назначения, — гробовая тишина. Затянувшую паузу нарушили сидящие впереди подвыпившие мужики. Они сочувственно покачали головами: «На свиданку». Не стала переубеждать — растолковали подробно, обстоятельно. Уразумела с ходу — туда уж точно Макар телят не гонял. И почему только эти места в народе называют «не столь отдаленными», — даль-то какая?!

Наконец райцентр. Впрочем, райцентр — громко сказано, ибо за три часа, оставшиеся до прихода катерка, обошла, кажется, весь городок вдоль и поперек.

На лихой, отчаянной посудинке, натужно гудящей, пересекла реку и — о, везение! — увидела у пристани машину с военными номерами. При обычном раскладе прапорщику ли, офицеру отсюда до поселка еще добираться и добираться. Дорога долго петляет по тайге, величественной и угрюмой. А вот и первые деревянные домики. Приехали...

Служить бы рад...

СЕГОДНЯ ДОБРОЙ половины военнослужащих части уже нет. Контролеров передали в ИТУ, сократили ряд офицерских должностей, кто-то ушел на повышение, а кто-то и просто ушел. Куда глаза глядят. А давно ли военный городок гудел как расстреленный улей, пересудам и жарким спорам

183

не было конца. И в кабинетах, и в кулуарах. Судите сами: прапорщикам предстояло сделать серьезнейший выбор. Еще вчера старшина и начальник караула знали: надоест все — рвану в контролеры. Теперь этот путь будет отрезан. Вот и судили-рядили: оставаться ли в части, переходить ли в ИТУ... С одной стороны, чего только не обещают новые начальники: и надбавки, и товары, и зарубежные поставки по бартеру — рай. С другой — народ у нас битый (в пустых заявлениях никогда дефицита не было) и потому обещаниям не верит. Новое принимает осторожно, с опаской, ибо, как правило, каждые изменения штатов, сокращения и прочие кадровые пертурбации влекут за собой волнения и обиды, сломанные судьбы и потерянных для войск людей. С должности на должность перейти — и то надобно семь раз отмерить, а тут — жутко представить: прощай, войска, и здравствуй, администрация, для которой превыше всего план, а контролеры всегда были чужими и, следовательно, крайними.

Вот и мараковали мужики: бросить все и попытаться начать жизнь сызнова — неровен час, окажешься вовсе без куска хлеба, так как в местах этих рабочих рук хватает с избытком. Остаться — как оно еще повернется, посулы-то всегда слаще реальности. Срочно податься в начальники караула — значит, служба через день по двенадцать часов, да, глядишь, еще на вышках стоять придется — солдат явно не хватает, а призыв такой, что курам на смех.

У офицеров — свои проблемы. Не сегодня-завтра часть станет подразделением. Выходит, за каждой бумажкой (без которой, увы, наш гордый россиянин ничто) — в город, да плюс всевозможные сборы, совещания — не наездишься. Некоторые должности сокращаются — не миновать перевода, стало быть, опять несколько лет мытарств с получением жилья. Да еще неизвестно, что предложат.

С другой стороны, и в запас отсюда уходить желающих нет. Вот, к примеру, майор В. Альбах. Четвертый год после академии служит он в этом дальнем поселке. И должность, и ответственность — немалые. Что делать? Рассстаться с войсками? Им отдано столько лет и сил, как говорится, прикипел душой. А если и уходить, то куда? Куда податься семье? Дети растут на глазах, их учить нужно, а в поселке и школьных-то учителей хронически не хватает. И, согласитесь, купить где-то в городе жилье майору в запасе или отставке — не по карману. Куда ни кинь — всюду клин.

А сколько их по войскам, офицеров, годами несущих службу в таежной глубинке? И кто

поручится, что достанет у государства времени вспомнить о них, позаботиться?

У подполковника Г. Агеева своя головная боль. Во-первых, не кому-то, а именно ему решать, кого из прапорщиков и сверхсрочнослужащих в части оставить целесообразно, а кому предложить перейти в ИТУ. Так что все недовольства и упреки падут на его голову. Неизбежно. Каждому, как ни старайся, не угодишь — надобно и интересы службы соблюсти. А во-вторых, чего греха таить: штатное расписание части, мягко говоря, несовершенно. Порой выручали контролеры, мастера на все руки, прикрывали собой кадровые бреши, словно амбразуры дотов. А сегодня как быть, коли призыва практически нет? Приходится всерьез задумываться о прежде невероятном — о том, чтобы на посты ставить офицеров и прапорщиков, раз уж контролеры — отрезанный ломоть.

Хотя, с другой стороны, конечно, некоторые проблемы уйдут вместе с контролерами. Но опять же не будет ни Знамени, ни печати, ни части. Так, отдельное подразделение. Отдельное — слово-то какое...

Офицерские жены

ЧЕМ ХОРОШ небольшой поселок: вольно или невольно, но жить приходится одной семьей — все на виду и просто не с кем, кроме сослуживцев, поговорить, отдохнуть. Субботний вечер — ритуальная баня, ароматный чай с настоем лимонника (волшебный напиток!), традиционные сибирские пельмени и долгие разговоры "за жизнь", на вечные темы. Это — праздник. А поскольку нет в таежном поселке гостиницы и жила я у гостеприимных сослуживцев — попала буквально с корабля, то бишь с катера, на бал, вернее, на посиделки, где узнаешь порой больше о людях, чем в официальных беседах.

Говорили о многом, в том числе и о том, что жить здесь, в глубинке, как ни странно, проще, чем в большом городе. Худо-бедно, но паек военнослужащие получают — весомое подспорье. Почти в каждом дворе — свое подсобное. А без мороженого и трамвая и обойтись можно...

Ефрейтору Надежде Агеевой довелось и в городе пожить, и в Богом забытых поселках на краю земли. Всякого повидала, но вот о том, что самой доведется свиной разводить — скажи кто — не поверила бы. Труд, конечно, каторжный. Да еще для городской женщины, непривычной, мало приспособленной к деревенской жизни. А что поделаешь? Мало того, что жена офицера (тяжкий крест), так еще и времена настали трудные. Сначала на службу пошла — писарем роты, затем обзавелась подсобным хозяйством, огоро-

дом. Исправной крестьянкой стала. Нужда заставила.

— Жить можно, — улыбается Надежда. — Все под боком, очень удобно: прибегу в обед, грядку прополю, живность покормлю — и опять на службу. Поросят вот сейчас увезли — так с утра хожу сама не своя, будто недоделала что-то важное. Привыкла уже спозаранку кормить их, убирать... Зато без мяса не сидим и гостей, если заглянут, всегда есть чем попотчевать. А места какие — красоты! Честное слово, я бы еще послужила, жалко будет, если сократят должность. На работу тут не устроишься, а на мужнину офицерскую зарплату — сама знаешь... — махнула рукой.

Завернувшись в простыни, сидим с Надеждой в предбаннике. После парилки чай кажется вкусным вдвойне. А за дверью скребется «малышка», Лайма — московская сторожевая: обидно «крошке», — ушли женщины в баню, а про нее, подругу верную, забыли...

Пока парились, исчезли очки ефрейтора Тамары Альбах. Как и не было их. Вот тебе и поселок — одна семья...

— Ничего, — не унывает Тамара, — это — счастливая примета. В девятом классе доверила малышке одному очки подержать, а он по случайности сломал их. Так ему потом неудобно было... До сих пор прощения просит. Сколько лет женаты, а очки мои бережет.

— Неужто опять к свадьбе потеря? — шучу.

— Что ты, — смеется, — думаю, в город переедем. Хотя мне и здесь нравится, но надо о будущем детей думать. Знаешь, я когда из Москвы сюда ехала, очень боялась — глушь, тайга, никакой цивилизации и элементарных бытовых удобств. Думала, зачахну здесь. Но привыкла на удивление быстро — человек ведь ко всему привыкает. И ребятам тут раздолье — воздух чистый, здоровый. Даже снег — белый. В городах-то он черный... Годы бегут, нет — летят. Дочери — тринадцать. Просится в клуб на дискотеку. И удержать не могу — других развлечений нет, разве что кино в солдатском клубе. А как уйдет — места себе не нахожу: там же пьяных мужиков полно, половина из них через колонию прошла. Господи, кто знает, что им в голову втемяшится. Дерутся, черти, друг с дружкой постоянно — душу отводят или от скуки бесятся? Да что дочь — если мужа долго нет, тоже от окна не отхожу, страсти всякие придумываю — хоть беги встречай. В городе, наверно, спокойнее будет. А что касается продуктов — есть у нас огородик, ведь в магазине ничего не купишь, кроме консервов. А свиней мы не держим. Понимаешь, у Володи должность такая, что обязательно шепотки пойдут: где, мол, корма берет, не

из войсковых ли закровов? От греха подальше — без животины. Потерпим. Для жены офицера самое важное — терпение. Надо уметь ждать и прощать, а это искусство. И понимать: коли муж — военный и серьезно относится к своему делу, у него не всегда хватает времени на тебя, на семью. Вот уж где оно просто незаменимо — женское терпение. А иначе, наверное, нельзя...

Увы, еще как можно, Тамара. Тебе ли рассказывать, как не только в глухих поселках и деревушках, но и в крупных городах приходят офицерские жены к командирам с ультиматумами: дескать, устали от такой жизни — муж с утра до ночи на службе, даже в кино не сходишь... А сколько у нас соломенных вдовцов, жены которых не торопятся разделить нелегкую судьбу мужей, страшась лишиться привычных удобств. Но это так, к слову... А тогда, глядя на своих собеседниц, слушая исповеди, невольно вспоминала беседы с их мужьями. Будто сговорившись, повторяли офицеры: главное в службе — надежный тыл. Он не только силу и уверенность дает, но и от бед хранит.

Любопытно: судьбы у всех разные, а жизненные выводы сходятся. Александр Столбов пошел в училище после армии. Сняв комнату в Орджоникидзе (или Владикавказе?), храбрый курсант заметил пылливый взгляд черных глазенок из-за занавески соседней. Позднее познакомился с ней, симпатичной школьницей. А через четыре года увез с собой юную жену к первому месту службы.

— И не страшно тебе было, Ирина, сразу после школы в чужой-то город? Муж, лейтенант, на службе дни и ночи, а ты одна-одиношенька, без друзей...

— Нет, — смеется черноглазая, ничуть не изменившаяся, точь-в-точь как на школьных фотографиях, Ирина. — Какие страхи, если дел невпроворот: дом, хозяйство?! А потом Олежка родился, забот поприбавилось. Вот только по дому скучаю. И тревожусь, особенно сейчас, когда в моем родном городе так неспокойно. А вообще-то я быстро с людьми схожусь, когда уезжать приходится — до слез жалко расставаться. Но что поделаешь — судьба такая.

— И не жалеешь, что замуж вышла за офицера и что в тайге не только до магазина — до больницы не добраться? Если бы все сначала, пошла бы за Столбова? Зная, что и вечера будут долги, и ночи бессонные, и пугающее одиночество, когда он в командировках?

— Пошла бы, куда б я делась, — улыбается ефрейтор Ирина Столбова. — Ты думаешь, только с офицером трудно? Замужем вообще нелегко.

— Ты счастливая?

— Наверное, коль на мужа повезло.

И глядя на эту никогда не унывающую женщину, наполняющую все вокруг своим жизнерадостным и радушием, думаю: уж с таким надежным тылом майору Столбову любые трудности ничем.

Жили-были ефрейтор и прапорщик

ПО ЗВАНИЮ, понятно, прапорщик — выше. Да и по возрасту Владимир Комаров старше. Невысокий, крижистый, неразговорчивый. Скорее всего, о таких людях и говорят: не человек — гранит, ибо какой-то особенной силой веет от него. Тамара рядом с ним — что березка у подножия утеса, хрупкая, маленькая, с мальчишечьей фигуркой. Смех — копокольчиком, и голос ее звонкий не умолкает, кажется, весь день. Слово птица порхает она по дому, невероятным образом успевая всюду. Она — душа этой семьи. Итак, жили-были ефрейтор и прапорщик, Тамара и Владимир Комаровы.

Он — начальник караула. На службе: по теории — через двое суток, на практике — через день на ремень. Бойцов не хватает, нагрузка увеличивается, жалко ребят, выручать надо. Тем более что Владимир сам начинал службу солдатом конвойной части в таком же таежном поселке. Пареньку из обласканного солнцем Фрунзе (или Бишкека?) в диковинку были суровые морозы, таинственный, манящий мир тайги. Это сегодня Владимир — опытный охотник: сутками пропадает в заснеженной тайге, находя в своем увлечении и интерес, и отдых, и выгоду. Пожалуй, единственное, чем можно его разговаривать, — вопрос об охоте. Только спроси — и уже ни за что не поверишь, что в обыденной жизни он предпочитает слову молчание... или дело. В руках — все спорится, за что ни возьмется. Там, где другой будет терпеливо объяснять, Владимир подойдет и сделает. Молча. Но так, что переделывать не придется. Он и на службе такой — спокойный, деловитый, аккуратный, солдаты любят заступать с ним в караул.

А Тамара — хохотушка. Честное слово, не подумаешь, что у этой, на первый взгляд, беззаботной девчонки дочь — невеста. В роли матери семейства ее, как ни старайся, не представишь... Но вот печь, к примеру, выложена ее руками. И пристройку к дому сделали вдвоем, не нанимая строителей. И немалое свое хозяйство, ремонт, заготовки, не считая прозаичных обедов на четыре персоны, успевает вести.

Так уж повелось в этой семье, что обычно к возвращению Тамары из отпуска Владимир подарок покупает. На радостях. То духи, то косметический набор. В этом году вернулась от свекрови из Бишкека — в стайке стоит корова. Подарочек...

Ефрейтор Комарова — кинемеханик. Профессию получила сразу после школы. И показывала фильмы в той самой части, где служил солдатом Владимир. Раз повстречались, два — и тут закрутилось такое кино, что забыл парень о своем солнечном Фрунзе и остался в тайге. Скоро уж пятнадцать лет как в Сибири. И не жалеет. Потому что счастье человека, в конечном итоге, от географии не зависит...

— Иди сюда, моя ласточка. Красавица ты моя, — слышу голос Владимира из сеней.

Смотрю на Тамару — не двигается с места. И, перехватив мой удивленный взгляд, смеется.

— Ты думаешь, это он меня зовет? Да ни в жизнь! Это он своих собак кормит, — и лукаво косится на вошедшего Владимира.

А он, подыгрывая, деловито кивает:

— Ясно дело. Собачки, они хоть охотятся. А жена — какая от нее польза?

Но глаза — зеркало души — смотрят на Тамару и лучатся радостью. И не нужно больше никаких доказательств, чтобы дописать фразу: «Жили-были ефрейтор и прапорщик. И были они очень счастливы».

... Уезжала из поселка рано, до восхода солнца. Редкие огоньки светящихся окон казались такими одинокими в темноте сибирской ночи. Слово перемигиваясь с лампочками, сияли в вышине гордые звезды. Сегодня, в суете большого города, когда спешу по делам, как всегда срочным, неотложным, бывает, всплывает в памяти картинка далекой деревушки. И становится на душе тепло и радостно оттого, что на этой земле, в таежной глубинке живут такие замечательные люди, посвятившие свою жизнь служению Отечеству.

Прапорщик Евг. БУТОРИНА.

Память

ВОСХОЖДЕНИЕ

Факт: ушли под крыло администрации колоний контролеры, вписавшие в историю войск немало славных страниц. Но вправе ли мы забыть о тех добрых, подчас героических поступках, которые они совершали, находясь в войсковом строю? Однозначно — нет! Остались традиции, осталась память...

ним на днях с глазу на глаз, и знаешь, думаю, Бороды, то бишь Боровикова, он уже не испугается, плясать под его дудку не станет.

— А тот случай?

— Все мы не без греха, — махнул рукой Владимир. — Ну дал слабину: Боровиков на испуг взял. С тех пор много воды утекло.

«Не так уж и много», — подумал Кузнецов...

Тогда они дежурили в паре. После отбоя молча и настороженно шагали по территории колонии. Темные квадраты окон тускло глядели в полярную ночь. Вдруг Владимир резко остановился. Николай, шагавший следом, чуть было не налетел на него.

— Ты что?

— Глянь-ка, — Рудак посторонился, пропуская напарника вперед. Внимательно приглядевшись, Кузнецов заметил, что из углового окна жилого блока пробивается узкая полоска света.

То, что эта вечерняя поверка не совсем обычная, было видно по напряженным лицам военнослужащих. Старшина роты прапорщик Г. Кириллов, внешне бодрясь, неумело пытался скрыть волнение.

— Прапорщик Рудак! — голос Георгия чуть дрогнул.

— Прапорщик Рудак Владимир Тимофеевич пал смертью храбрых при исполнении воинского долга...

Ему не исполнилось и сорока пяти. Правда, уже подумывал об увольнении в запас, но не так-то просто было решиться на такой шаг: словно в омут головой. «Может, и послужу еще, — признался как-то прапорщику Н. Кузнецову. — Сам посуди, Антоныч, войска-то без меня обойдутся, а вот я... Кто я без войск? Понимаешь?»

Николай понимал. Двадцать лет контролерской службы на грани риска, порой смертельного, когда нервы напряжены до предела: кажется, дотронушь — зазвенят, как струны. И вдруг — покой, неожиданный, непривычный и потому пугающий. Оставить в одиночестве по ту сторону КПП части долгие годы службы, надежных товарищей, с которыми делил и радости, и горести, — жутковато от одной такой мысли. И все же однажды Кузнецов, войдя в дежурку, увидел Рудака, склонившегося над листом бумаги.

— Матери письмо решил черкануть? — спросил наугад.

Рудак встал и, скомкав листок, бросил в урну.

— Вот и все, — спокойно сказал. — Точка.

— О чем ты, Тимофеич?

— Рапорт это, Коля. Был. На увольнение. Накатило что-то, — и, выдержав паузу, уже весело добавил: — Забудь. Еще послужим с тобой, старина.

Ненароком заглянув в блокнот, лежащий на столе, Кузнецов прочитал: «Мохов», и восклицательный знак.

— Опять ты за свое, Володь. Да выбрось из головы этого Студента. Ничего путного из него не выйдет.

— Само по себе, может, и не выйдет, а ежели поможем? — то ли себя, то ли товарища спросил Рудак. — Есть в нем что-то такое... — он замаялся, подыскивая нужное слово, — живое, что ли. Без черепашьего панциря на душе он. Потолковали мы тут с

— Маскировка — окна одеялом занавесили.

Осторожно подошли ближе. Послышались приглушенные голоса. Вот кто-то засмеялся, затем ругнулся. Рудак прошептал Николаю:

— Не иначе как Борода что-то затевает. А ну пошли проверим. Только тихо.

Две тени неслышно скользнули к двери.

... Осужденный Боровиков шлепнул замусоленной картой по табурету и довольно почесал волосатую грудь:

— Гони монету, Студент. Шоментом!

Мохов поблдевел:

— А уговор? Мы же...

Глаза Боровикова сузились, стали колющими:

— Уговор, фуфлошник, на воле дороже бабок, а в академии свои законы. Да и передумал я. Может же батя передумать, а, корешки? — Он подмигнул дружкам, приглашая их стать участниками "спектакля".

— В натуре, — осклабил осужденный Котьяков.

— Нет у меня денег, — упавшим голосом произнес Мохов. — Погоди до завтра. Найду, с процентами отдам.

— Не заправляй арапа, Студент, — лениво протянул Боровиков. — Бабки у лохов не водятся. Я рву свой клок шерсти, усек? Хотя...

Он уселся поудобней на кровати и изобразил на лице добродушную мину:

— Лады, раз нет знаков, тогда... — смачно сплюнул на пол, — тогда сгребь языком вот это и ла-ти-ты.

— Что? — Мохов чуть не поперхнулся. — Чтб я...

Его затрясло. Боровиков не спеша спрята под матрац карты, укоризненно покачал головой:

— Дурку косишь. Всего лишь какое-то пятнышко. А кенты ждут.

«Кенты», — преданные Бороде люди — отвели взрывом хохота.

— Все, что хочешь, только не это. — Мохов с мольбой взглянул на Бороду. Тот побарговел:

— Я долго буду ждать, амеба? — и, повернувшись, отрывисто обронил: — Подсоби карифану, Черныйяй, чтоб не мурыжил.

— Щас заделаем. — Тагиров достал из-под подушки рукавицу.

Мохов похолодел. Знал — в ней свинцовая пластина. Такое некоторые уже попробовали. Сейчас он размахнется...

Скрипнула дверь, и на пороге выросли две фигуры. Осужденные бросились враспынную. Не сдвинулся с места лишь Мохов.

— Что здесь происходит? — Рудак быстро подошел к кровати Боровикова.

Тот притворно зевнул:

— Не спится, начальник. Кумекаем, как к честной жизни стопы направить. Самое времечко — днем-то вкальваем.

— А окно зачем занавесили?

— Дует. Радикулит затрахал. Вот! — Он деланно поморщился. — Опять в поясницу стрельнуло.

Рудак взглянул на стоявший между кроватями табурет, на сжевившегося от страха Мохова и все понял.

— Не юлите, Боровиков, в карты играли, новичку, как я понимаю, свои шулерские науки преподавали. А ну, встань!

Боровиков нехотя повиновался. Владимир взялся за угол матраца, с силой тряхнул — на пол посыпались карты.

— Собирайтесь, Боровиков. И вы тоже. — Прапорщик повернулся к Мохову. — Остальным — спать.

В ДЕЖУРКЕ было жарко, и Мохов попросил разрешения расстегнуть рубаху.

— Значит, не хотите говорить правду? — Владимир Тимофеевич вытащил из ящика стола распечатанный конверт. — А я был о вас лучшего мнения.

— Клянусь матерью, мирно беседовали. — Мохов старательно разглядывал носки своих ботинок.

— А карты?

— Для души играли.

— Почему же вас трясло как в лихорадке? Молчите? Хотите, отвечу? Проигрались вы, Мохов. Крупно проигрались. С этой компанией вам не по пути. Знаете, за что Боровиков и Тагиров сидят? За убийство. Оба не раз судимы. А вы с ними — для души.

— Что вам от меня надо? — взорвался Мохов. — Виноват — накажите, а нотации читать...

— Добра вам желаю, — Рудак взял в руки конверт. — И не кипятитесь, посмотрите лучше вот это. — Он протянул фотографию.

Мохов подался вперед, его губы мелко задрожали.

— Откуда это у вас? — всхлипнул, прижал карточку к груди. — Родные мои...

По его впалым щекам покатились слезы. Владимир Тимофеевич отошел к окну, оставив Мохова наедине с личным. И вдруг услышал:

— Спасибо, гражданин начальник, за свидание с семьей.

С фотоснимка девять на двенадцать смотрели симпатичная женщина, улыбающиеся девчонка и мальчишка — точные копии Мохова. На обороте крупным почерком: «Ждем, думаем о тебе и скучаем. Людмила и твои „моховички“ — Света и Игорь».

Наконец Мохов выдохнул:

— Можно у себя оставить?

— Письмо пришло на имя начальника отряда, — сказал Рудак. — Завтра он побеседует с вами. Попросите — думаю, не откажет. А теперь идите.

Мохов шагнул к двери, но на пороге остановился:

— Вы спрашивали о Бороде. Проигрался я. Страшный человек. Денег не нашлось, вот и придумал такое... — и выложил все как на духу.

В ТОТ ДЕКАБРЬСКИЙ день прапорщик Рудак уходил на службу раньше обычного: командир просил заглянуть в роту, чтобы еще раз уточнить обстановку на объекте. В последнее время осужденные Боровиков и Тагиров вели себя вызывающе нагло, угрожали свести счеты кое с кем. Владимир Тимофеевич улыбнулся: «Кое-кто — это я». Уж на что матерые преступники, а побивались его, начальника войскового наряда. Не за крутость нрава, а за то, что тверд как камень и гаек не отпускал...

Бросив взгляд в зеркало — все ли ладно сидит? — Рудак виновато посмотрел на провожавшую его дочку:

— Ты уж извини, Лариса, что не выкроил время «Чудака из 5-го „б“» посмотреть, как обещал. Но завтра точно сходим в кино — слово!

— А можно я Ленку Волкову пригласу?

— Конечно, Лариска-ириска, — поцеловал дочку в щеку. — Поужинать не забудь.

У ротного Рудак пробыл минут сорок, зато обстановку на объекте разобрали, что называется, по косточкам.

— Разрешите идти! Служба...

— Не разрешаю. — Командир высыпал из куля конфеты. — Передайте Лариске.

— Товарищ капитан... — Владимир Тимофеевич смущенно кашлянул в кулак. — Ну что вы...

— Берите, берите. «Северянка», ее любимые.

Ларису в подразделении знали все и в шутку называли дочкой полка. Жалели: когда девочка была совсем маленькой, из семьи ушла мать. Все заботы о воспитании сына Володи и дочки легли на плечи Владимира Тимофеевича. Правда, и сослуживцы помогли, чем могли: то куклу подарят, то другую игрушку смастерят. Глядя на ласковых дядей в военном, Лариса и сама росла доброй, отзывчивой. Не по годам рано повзрослела — дом требовал женского догляда. Однажды, вернувшись с дежурства, Владимир Тимофеевич увидел накрытый белой скатертью стол, а на нем кастрюлю с дымящимися щами.

— Неужто сама? — удивился.

— А то кто же?! — Дочка деловито положила перед отцом ложку, ровными ломтиками нарезала хлеб.

Щи Лариса явно пересолила, но он и виду не подал — попросил добавки. Лицо девочки засветилось радостью.

— Могу и уху приготовить, — похвасталась она. — Ты же любишь, я знаю.

... По дороге к колонии Рудак думал о дочке и сыне, проходящем службе на флоте. Впрочем, вне дежурства он думал о них всегда. Почему-то вспомнилось и свое детство, трудное, голодное. Родился в белорусской деревне с чудным названием Осье. Отец, Тимофей, не вернулся с фронта, оставив жене шестерых ребятишек мал мала меньше. С утра до поздней ночи крутилась она, зарабатывая на хлеб. Иногда, не выдержав, тихонько плакала, хоронясь от детей. Случалось, маленький Володя дергал ее за подол:

— Не надо, мам. Помогать тебе буду, смотри, какой я большой.

И становился на цыпочки, чтобы казаться выше ростом.

— Помощник ты мой. — Екатерина Спиридоновна улыбалась сквозь слезы и гладила сына по курчавой головке. — Только на тебя и надежда.

Тринадцати лет от роду мальчишка уже приглядывал за коровами на ферме, а в хлебную страду садился на трактор. Домой приходил черный от копоти и пыли. Хватал ведра и бежал к колодезю за водой. А после брал в руки топор, колол дрова. Соседи уважительно говорили:

— Хозяин. В кого такой, Спиридоновна?

— В отца, в кого же еще? — не скрывала гордости мать.

... Прапорщик Рудак упрямо мотнул головой, словно отмахиваясь от накотивших не-

ожиданно воспоминаний: старое ворошить — плохая примета. Да если б верил он в эти приметы — всю жизнь смурной ходил бы.

СЛУЖБА. Знакомый маршрут: сначала обход территории, затем — в цехи. Навстречу попались двое осужденных. Один вежливо поздоровался, другой посмотрел настороженно, в глазах — злые огоньки, одернул первого:

— Чего ты с этим...

Хмурий. Ничего не скажешь, точны порой на клички осужденные. Прямо в яблочко. Сколько раз встречался с ним — ни тени улыбки на лице. Впрочем, чего уж ему улыбаться Рудаку: как-то прапорщик встал осужденному поперек дороги. Тогда напарником Владимира был старший прапорщик Валерий Волков. Оперативники проинформировали: у Хмурого, по всей вероятности, крупная сумма денег. При обыске нашли у него не только деньги, но и нарисованную от руки карту местности. Когда спросили, на что собирался тратить на воле, в ответ услышали: «Детский вопрос. Взял бы таксо и махнул подальше. Костюмчик приличный приобрел бы, билет до Крыма, чтобы на солнышке всласть погреться. Конечно, можно было бы магазин грабануть или тетку какую-нибудь от сумочки облегчить. Да ведь отловят не ровен час и годков пять накиннут. А мне хотелось по-умному». Вот этого «умника», и стреножил Рудак аккуратно перед побегом.

... За служебными работами время летит незаметно. Уже ближе к полуночи Рудак решил еще разок наведаться в производственные цехи. Редко он уходил оттуда, не иззяв у кого-нибудь из осужденных запрещенные к хранению предметы. «Заодно и Боровикова с Тагировым поповедаю, — решил. — Что-то давненько не виделось... Признаться, особого удовольствия эти встречи Владимиру Тимофеевичу не доставляли. Не всегда Боровиков сыпал пустыми угрозами, однажды в слепой ненависти бросился на контролера, выхватил из рукава фуфайки остро отточенный штырь, замахнулся. Выручила прапорщика реакция — перехватил руку, завернул за спину. Остальное было делом техники.

Да что штырь — как-то осужденный Федотов кинулся на него с топором. И здесь не оплошал Рудак. Затаил на Владимира Тимофеевича злость и осужденный Николаев по кличке Цыган.

— Встречаемся — отворачивается, — поделился Рудак с прапорщиком Лищуком.

— Ты поосторожней с ним, Тимофеич, — обеспокоенно сказал Николай. — Кровь у него горячая, цыганская.

Первое столкновение с Николаевым произошло при досмотре осужденных после возвращения бригады с работ. Когда дошла очередь до Цыгана, контролер обратил внимание на его левую руку: кисть забинтована, сквозь марлю проступают красные пятна.

— Что случилось?

— Болванкой стукнуло, начальник. Едва копыта не откинул. Шмоной быстрее, да пойду к костоправу.

Посочувствовав Николаеву, прапорщик быстро проверил его и вдруг уловил запах краски. Откуда? Явно от бинта. А кровь ли это?

— Снимите с больной руки верхний слой бинта. Помогите ему, — обратился прапорщик к стоявшему рядом осужденному.

— Думаешь, баки заливаю? — зло прищурился Цыган.

— Почему же? — спокойно возразил контролер. — Я вам верю, просто потуже перевяжу и сам отведу к врачу. С травмой шутки плохи.

Чем больше разматывали бинт, тем меньше «крови», на нем оставалось.

— Ладно, хватит комедию ломать, Николаев, — нахмурился Рудак. — Снимайте повязку.

Из-под бинта выскользнул выкидной нож. Цыган кинулся было за ним, но контролер опередил его.

— Больному, вредно делать резкие движения.

С тех пор Рудак стал Николаеву, что называется, поперек горла. И когда подвернулся случай, тот попытался полоснуть его зажатым между пальцами лезвием. Да нашла кося, то бишь бритва, на камень.

... Два цеха уже были осмотрены, оставался один. А вот и он. Дверь чуть приоткрыта, из-за нее доносятся чьи-то голоса. Или показалось? Подошел, прислушался — тишина. Оглянулся: шагах в двадцати мелькнул фонарик напарника — и чего задержался? Ну да ладно, сейчас подоспеет, тыл прикрыт — и то хорошо. Решительно шагнул в темный проем, и тут к нему метнулись двое. Руку Боровикова с напильником Рудак успел перехватить — подскрестника ногой и... перед глазами полпыли красные круги: Тагиров металлическим прутом ударил его по голове и тут же выхватил из-под полы фуфайки самодельный пистолет.

— Без шума, дура! — прошипел Борода. Глаза его налились кровью. Он резко взмахнул рукой, целясь контролеру в грудь. Рудак уклонился, но удар в спину вырвал землю из-под ног. Теряя сознание, успел дотянуться до рации.

В помещении часового-оператора настойчиво звучал зуммер. В трубке послышался шепот:

— Пуль... Слышишь, сынок? Нападение! Напа...

Голос оборвался. Не теряя времени, рядовой Вугар Акперов сообщил о ЧП в дежурную комнату контролеров. Короткая, как выстрел, команда «В ружье!», бросила военнослужащих в темную ночь, навстречу упругому, студеному ветру...

ПОХОРОНИЛИ Владимира Тимофеевича с воинскими почестями. А на следующий день у ротного собрались контролеры. Командир обвел взглядом присутствующих и без обиняков, напрямую спросил:

— Кто приютит Ларису?

Желающих оказалось больше чем достаточно.

— Нет, — поднялась жена старшего прапорщика Волкова, — девочка будет жить у меня. Дело решенное.

— Да у вас же своих четверо, Надежда Михайловна!

— Вот и хорошо, будет еще одна дочка. Спорить бесполезно.

И по тому, как она это сказала, все поняли: спорить действительно бессмысленно.

Я побывал у Волковых. Лариса Рудак, симпатичная девчушка с голубыми глазами, раскрыла передо мной семейный альбом:

— Это Володя, мой брат. Служит на Северном флоте. Отличник! — с гордостью. — Обещал после увольнения стать контролером. Как папа, — ее глаза увлажнились. Перевернула страницу. — А вот это мы с папой в Сочи на пляже сфотографировались. Он тогда спас одного мужчину. Понимаете, тот заплыл очень далеко и стал тонуть. «Помогите!», — кричит. Все стоят, разводят руками, охают, а толку-то? Папа тут же бросился в море...

Со временем многое меняется. Но неизменно на вечерней поверке старшина роты берет в руки список личного состава:

— Прапорщик Рудак!

— Прапорщик Рудак пал смертью храбрых при исполнении воинского долга!

Зачислен навечно... А значит, остался в строю.

Старший прапорщик В. СЛОБОДЯНЮК.

"В ПОМОЩЬ ИСПОЛНЕНИЮ ЗАКОНОВ"

Из истории внутренней и конвойной стражи России

ИМПЕРАТОР Александр II, выступая за реорганизацию вооруженных сил, вынашивал мысль об удешевлении их содержания. В январе 1862 года военный министр генерал-адъютант Д. А. Милютин представил царю "всеподданнейший доклад", с проектом преобразований по военному ведомству. Предлагалось: всю территорию империи поделить на военные округа по типу округов внутренней стражи; экономии военных расходов осуществлять за счет сокращения небоевого элемента армии, в связи с чем упразднить отдельный корпус внутренней стражи как самостоятельную единицу.

В 1864 году в составе вновь созданных округов формируются бригады местных войск для несения гарнизонной и караульной служб, подчиненные губернским воинским начальникам. Им и передаются конвойные команды. Задачи управления этапно-пересыльной службой, входящие ранее в компетенцию штаба отдельного корпуса внутренней стражи, возлагаются на Инспекторский департамент Главного штаба.

Экономия на конвойных "штыках", дорого обошлась державе. Военной инспекции Военного министерства, по горло загруженной собственными делами, команды стражников были нужны как телеге пятое колесо. Губернские начальники тоже считали их пасынками, отдавая предпочтение организации гарнизонной и караульной служб, часто привлекали конвоиров к выполнению несвойственных им задач. Это приводило к сбоям в движении партий арестантов, нарушению взаимодействия между тюремным ведомством, конвойными и этапными командами. Резко снизилась надежность охраны заключенных.

Забив тревогу, армейское руководство стало искать пути выхода из неожиданного кризиса, вызванного реформами военного управления. Изучение сложившейся ситуации и выработка предложений по улучшению

этапно-пересыльной службы поручается опытному чиновнику генштаба полковнику А. И. Беленченко. Выводы по материалам проведенного им инспектирования с выездом на места и послужили основой дальнейшей реорганизации конвойной службы.

Прежде всего улучшили материальное положение чинов конвойных и этапных подразделений. Приказом военного министра устанавливается ежегодная выплата наградных денег по представлению местного командования "за успешное препровождение арестантов". Размерам премиальных и сегодня можно позавидовать. Ober- и штаб-офицерам причиталось около трех годовых жалований, унтер-офицерам и рядовым — половина. Однако за "упуск", заключенных и другие нарушения предусматривалось лишение тринадцатой зарплаты полностью или частично.

Существенно повышался статус начальников этапных команд. Их уравнивали в правах с начальниками уездных подразделений местных войск.

В качестве справки необходимо пояснить: этапные команды численностью от пятнадцати до тридцати человек возглавляли, как правило, низшие чины. Уездными же подразделениями командовали офицеры.

В декабре 1865 года для централизованного управления конвойной службой в составе Главного штаба учреждается этапно-пересыльная часть, в круг задач которой входило: заведование вопросами пересылки арестантов, выработка и изменения этапных маршрутов, издание правил конвойной службы, формирование конвойных команд, их вооружение, обмундирование, довольствие и т. д. Во главе нового руководящего органа поставили полковника Беленченко.

О незаурядных способностях шефа конвойной стражи свидетельствуют такие факты его биографии. В двадцатилетнем возрасте прапорщик Беленченко поступает в Николаевскую академию Генерального штаба. А спустя два года молодой подпоручик — выпускник элитарного военного вуза — причисляется к корпусу офицеров генштаба, высшей офицерской касте русской армии.

Около одиннадцати лет он прослужил во внутренней страже, последовательно занимал должности старшего адъютанта штаба и обер-квартирмейстера корпуса. "За отличное исполнение возложенных обязанностей, удостоен ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степени, "за отличие по службе", произведен в чин полковника.

В течение тринадцати лет возглавляя конвойную стражу, А. И. Беленченко дослужился до чина генерал-лейтенанта. Итог его деятельности — создание стройной и четкой системы службы конвойных подразделений, их тесное взаимодействие с тюремной администрацией и командованием местных войск.

Проведенные мероприятия не замедлили сказаться на качестве пересылки осужденных к местам отбывания наказания, но поиск новых форм управления продолжался еще несколько лет. В феврале 1867 года «высочайше», утверждается должность главного инспектора по пересылке арестантов при Главном штабе с правами начальника местных войск округа по отношению к конвойным командам, которая совмещалась с должностью заведующего этапно-пересыльной частью.

В О ВТОРОЙ половине XIX века возрастают авторитет и влияние Министерства внутренних дел, совершенствуется его структура. В 1879 году «заведование», местами заключения из Департамента полиции исполнителем выделяется в самостоятельное главное тюремное управление. Спустя год ему переподчиняется и главный инспектор по пересылке арестантов «с оставлением в непосредственном ведении Военного министра». По замыслу реформаторов пенитенциарной системы, двойное подчинение шефа конвойной стражи должно было способствовать более тесному взаимодействию подведомственных подразделений с тюремным начальством, особенно на местах.

Работа главного инспектора была очень ответственной и хлопотной, поэтому доверялась она в высшей степени достойным генералам с большим опытом военной службы на различных командных и штабных постах. Вот пример: в аттестации на помощника начальника штаба Московского военного округа генерал-майора Н. В. Левицкого, назначенного в 1892 году шефом конвоиров, отмечено, что «названный генерал рекомендуется как выдающийся по своим способностям, усердию, безукоризненной честности и обладающий большим тактом и разнообразною опытностью...» (разрядка моя. — Н. С.).

Справедливости ради следует сказать: руководство конвойной службой сулило не только хлопоты и многотрудные заботы. Приносило оно и выгоды немалые. Из послужного списка главного инспектора по пересылке арестантов генерал-лейтенанта И. Д. Сапожникова узнаем: как генерал Главного штаба получал он жалованья в год 1356 рублей да от Министерства внутренних дел выплачивали ему еще по 3500 целковых ежегодно. Вот и выходило, что глава конвойных команд в сравнении с сослуживцами по штабу имел денежное содержание чуть ли не втрое выше.

В декабре у тюремного департамента МВД появляется новый хозяин — Министерство юстиции. «Высочайший», указ объяснял очередное реформирование следующим образом: «Для надлежащего... сближения тюремного дела, в его законодательной поста-

новке и практическом осуществлении, с важнейшими интересами уголовного правосудия представляется благовременным объединить заведование местами заключения с управлением судебным...».

Сложившаяся структура «заведования», конвойными командами и этапированием арестантов без существенных изменений просуществовала вплоть до апреля 1918 года.

Совершенствование системы управления в верхних эшелонах сопровождалось реорганизацией подразделений, выполнявших задачи по конвоированию осужденных и внешней охране мест заключения. Мелкие этапные подразделения на больших трактах заменялись конвойными командами, на железнодорожных и водных маршрутах создавались специальные конвойные отделения, на основных этапных трактах пешее «препровождение», окончательно вытеснялось конвоированием с помощью конного транспорта, включающего в себя телеги и сани, предназначенные «для возки пассажиров». Их переоборудование осуществлялось за счет подрячика — тюремного ведомства. На каждой повозке предписывалось размещать по четыре арестанта и одному вооруженному конвойному.

На открытие конного этапного маршрута между Нижним Новгородом и Тюменью командировали уже известного нам полковника А. И. Беленченко. Он остался весьма доволен организацией перевозок заключенных. Но в своем отчете предложил делать остановки для отдыха конвойных в большие праздники. В числе таковых Беленченко назвал Новый год, восшествие на российский престол государя императора, тезоименитства их величества, Благовещение и другие — всего более десяти праздников. Предложение полковника было удовлетворено.

Рост числа заключенных вызвал необходимость строительства новых тюрем, или, как их тогда называли, тюремных замков. Однако при проектировании «узилищ», не всегда учитывались требования по обеспечению безопасности воинских караулов и противопобеговой надежности.

О том, как разрешались подобные вопросы, исходя из интересов двух министерств — военного и внутренних дел, рассказывают архивные документы.

Из рапорта командующего Московским военным округом министру от 8 октября 1865 года: «Начальник местных войск вверенного мне округа донес, что при объезде им частей войск, расположенных в Калужской губернии, он заметил, что вновь строящиеся тюремные замки в г.г. Боровске, Медыни и Жиздре представляют мало удобств для охранения в них арестантов, так как самое расположение построек будет непременно способствовать покушениям делать бегеи из этих острогов. Так, например, с внутренней стороны пристроены здания для бани, прачешной и квартиры смотрителя, с крыш этих невысоких строений спущены водосточные трубы, по которым весьма легко влезть на внешнюю стену...».

Кроме перечисленных недостатков командующий обращал внимание на то, что помещения для караула расположены рядом с арестантскими камерами, имея с ними общий коридор. А это не обеспечивало безопасности конвойных солдат.

Министр внутренних дел отреагировал на замечания со свойственным тому времени этикетом.

Из ответа МВД военному министру от 11 ноября 1865 года:

«...Признавая удобнейшим при рассмотрении в техническо-строительном комитете вверенного мне Министерства планов островов и тюрем приглашать в заседания комитета представителя от Военного министерства, имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением, кто именно будет Вами для сего избран».

Для согласования данных вопросов был «избран» все тот же незаменимый полковник Беленченко, которому старший начальник предложил «незамедлительно явиться к его превосходительству Министру внутренних дел».

И все же, несмотря на взаимные усилия военного и тюремного ведомств, места заключения зачастую находились в состоянии, весьма далеком от идеального. Особенно это касалось тюрем на окраине империи.

Начальник главного тюремного управления действительный статский советник А. П. Саломон, совершив инспекторскую поездку на «каторжный», остров Сахалин, был крайне удручен убожеством местных тюремных учреждений. В первом номере журнала «Тюремный вестник», за 1899 год опубликован текст его выступления перед сахалинским тюремным начальством и чинами конвойной стражи. Свою речь Саломон закончил резкими критическими оценками: «...Не могу и не считаю себя вправе скрывать от Вас, что общее мое впечатление от сахалинских дел неблагоприятное... Скажу лишь, что тюремная учреждения острова в отношении внутреннего порядка и дисциплины, в отношении всех отраслей хозяйства и довольствия, в отношении, наконец, постановки работ, не выдерживают даже снисходительного сравнения с наименее благоустроенными из мест заключения Европейской России».

Расширение тюремного «хозяйства», обернулось дополнительной служебной нагрузкой на конвойных, которых и без того катастрофически не хватало. Для «препровождения», осужденных нередко приходилось использовать караулы от частей полевых и местных войск. «Для исполнения полного караульного наряда по г. Киеву, — доносил военному министру командующий Киевским военным округом, — в настоящее время от полевых войск требуется ежедневно до 686 нижних чинов...».

Привлечение к службе конвоирования неподготовленных к этому солдат и унтер-офицеров зачастую приводило к плачевным результатам. «К неудовольствию, тюремного ведомства, по вине конвойных участились побеги из-под охраны.

Один из таких фактов дошел до сведения военного министра. В декабре 1873 года к

нему поступила письменная информация из МВД об «упуске», двух ссыльно-каторжных. Произошло ЧП во время этапирования партии из шести арестантов в г. Глазов. Вроде бы рядовой случай. Но почему он получил столь громкий резонанс?

Возмущение министра внутренних дел объясняется материалами расследования происшествия: «Дознанием, проведенным по этому делу, обнаружено, что виновными в допущении побега оказываются сопровождавшие их (заключенных. — Н. С.) конвойные, которые с общего согласия посылали из среды своей за вином и пили вместе с арестантами... Независимо этого дознания обнаружено, что не пройдет ни одного этапа, чтобы конвойные не пили водку и не играли в карты...».

Военный министр потребовал от командующего Казанским военным округом принятия строгих мер по наведению «должного», порядка в этапной службе. Началась длительная бюрократическая переписка. В конце концов командующий отрапортовал: «...Долгом считаю доложить, что во вверенном мне округе приняты зависящие меры к образованию в местных войсках надежных и соответствующих своему назначению унтер-офицеров...».

Далее последовало заверение: впредь старшими конвойными будут назначаться исключительно унтер-офицеры «вполне хорошего поведения», а вятскому губернскому воинскому начальнику, которому были подчинены конвоиры из местных войск, допустившие побег, строго указано, чтобы он «не упустительно следил за строгим исполнением конвойной службы...».

Как похожи эти отписки военачальников прошлого века на докладные иных нынешних командиров!

Важный этап в совершенствовании «служебно-боевой», деятельности — учреждение 16 мая 1886 года конвойной стражи как самостоятельного объединения в составе местных войск. На базе существовавших этапных, конвойных и местных подразделений предписывалось сформировать 567 команд с единственной задачей: несение конвойной службы. Теперь полностью исключалась возможность привлечения в караулы по охране и конвоированию заключенных «непрофессионалов», от полевых и местных войск.

Согласно приказу военного министра генерал-адъютанта П. С. Ванновского, на конвойную стражу возлагались следующие обязанности: сопровождение арестантов всех категорий по этапным трактам и по Главному сибирскому тракту; сопровождение арестантов на внешние работы и в присутственные места; содействие тюремной администрации при производстве внезапных обысков и подавлении беспорядков в местах заключения; наружная охрана тюрем там, где это признавалось необходимым.

Наименования новых команд конвойной стражи определялись по местам их дислокации (например: Московская конвойная команда и т. д.). Комплектовались эти подраз-

деления на общеармейских основаниях. Однако "в виду особенностей крайне тяжелой и ответственной службы, предпочтение отдавали сообразительным, расторопным, физически развитым новобранцам. Офицеров для службы в конвойной страже переводили из местных бригад или армейских частей. А вот что касается проштрафившихся конвойных, то их направляли для дальнейшего прохождения службы в полевые войска. Это считалось суровым наказанием для нижних чинов.

В ноябре того же года военный министр издал еще один приказ, упорядочивший принцип подчиненности команд конвойной стражи.

Они делились на две категории: небольшого состава, возглавляемые унтер-офицерами сверхсрочной службы, и насчитывающие до ста и более человек — под началом офицеров. Команды первой категории подчинялись непосредственно уездным воинским начальникам; второй — начальникам местных бригад или губернским воинским начальникам.

Существенно повышалась и заинтересованность офицеров в дальнейшем продвижении по службе. Достигших в конвойной страже чина подполковника и положительно аттестуемых, как правило, назначали воинскими начальниками "уездного масштаба".

Этим же приказом для отличия чинов стражи от военнослужащих полевых и местных войск вводился темно-синий цвет выпушек на погонах, воротничках мундиров, шинелях и фуражках стражников при сохранении общеармейской формы одежды. Выпушки такого же цвета носили на своей униформе чиновники тюремной администрации.

Организуя службу, начальники конвойных команд руководствовались многочисленными циркулярами и инструкциями военного ведомства, главного инспектора по пересылке арестантов и главного тюремного управления. О мудреные положения сих вердиктов, рожденных в недрах высоких штабов и департаментов, частенько спотыкались не только малограмотные солдаты, но и офицеры. Специального устава, в сжатой и общедоступной форме отражающего конвойные постулаты, права и обязанности должностных лиц, еще не было. Пробел восполняли на местах, составляя различного рода памятки о том, как "надобно справлять" конвойную службу.

Одна из таких "памяток конвоиру", подготовленная штабс-капитаном Дроздовским (к сожалению, не удалось установить его должности), называлась "Держи ухо востро". Она была издана типографским способом солидным тиражом и в качестве пособия широко использовалась при обучении нижних чинов.

Изложенные в ней требования и сегодня, на наш взгляд, сохраняют актуальность. Впрочем, судите сами:

"Конвоир есть тот же часовой, а потому так себя разумеет и так себя соблюдает должен..."

Сопровождая арестанта, помни, что он думает о том, как бы убежать или

обмануть тебя, а ты должен думать о том, как бы не упустить его...

С арестантами ни в каких разговорах и шутки не вступай и никакой пищи от них не принимай, обращайся с ними ласково, без грубости, но если придется иметь дело с закоренелыми преступниками — сам погубай, а арестанта из рук не выпускай...

В походе держи себя чисто, одежду и обувь в порядке. Ружье и ноги береги лучше глазу...

Конвоиру надлежит быть здоровым, честным, неподкупным...

Помни, что за всякое нарушение правил конвойной службы ожидает тебя военная тюрьма или дисциплинарный батальон, а за точное исполнение — похвала от начальства".

Но не только устная похвала ждала добросовестного служаку. Тюремное ведомство, обеспокоенное возросшей побеговой активностью уголовной публики, не скупилось выделять Военному министерству денежные средства для поощрения нижних чинов "за ревностное исполнение долга". В приказах по местным войскам часто встречаются сведения о награждениях деньгами конвоиров за пресечение побегов заключенных. Учитывая, что месячное жалованье штаб-офицеров к концу прошлого века составляло около 50 рублей, суммы "премиальных", выдаваемых нижним чинам, были весьма значительными: от 3 до 10 рублей.

Изучая архивные документы, наткнулся на прелюбопытнейший факт. В августе 1884 г. при сопровождении караулом по железной дороге в Одессу партии опасных преступников численностью 260 человек ефрейтор Харьковской конвойной команды Федор Карташев обнаружил "покушение арестантов совершить побег через искусно подготовленную пропилку наружной стенки вагона". Бдительного конвойного решили поощрить производством в унтер-офицерское звание (этап находился на особом контроле высокопоставленного тюремного начальства). Но по существовавшему положению повысить солдата в звании имели право только после двух лет службы, а Карташев, как на грех, был первогодком. Решив не отступать от принятого решения, военный министр представил царю подготовленный этапно-пересыльной частью доклад и испросил "высочайшего соизволения на производство Карташева в унтер-офицеры сверх вакансий и не ожидая окончания двухлетнего срока его службы...". Император Александр III лично распорядился произвести бдительного конвоира "за особые отличия, выходящие из ряда обыкновенных служебных отличий", в унтер-офицерский чин...".

Интересно, удостоили бы вниманием подобное прошение нынешние руководители государства?

Майор Н. СЫСОВЕВ.

(Окончание следует)

В прошлом году в нашем журнале появились первые материалы под рубрикой "Законы беззакония". Сегодня один из ведущих специалистов по этой теме доктор юридических наук, профессор Академии МВД России полковник внутренней службы С. И. КУЗЬМИН рассказывает о высших эшелонах преступного мира — ворах в законе. В последнее время отдельные отрывочные сведения об этой криминальной касте появлялись в периодической печати, однако по мнению многочисленных профессионалов из уголовного розыска, которых мы познакомили с публикуемым материалом, более аргументированной, объективной и полной работы о сфере деятельности воров во время отбывания наказания еще не было. Усиление борьбы с коррупцией и организованной преступностью делает эту тему еще более актуальной, так как в создании мафиозных структур, разделении экономических регионов России на сферы влияния не последнюю скрипку играют нынешние воров в законе.

УТРО расцвета воровской идеологии в местах лишения свободы относится к началу 30-х годов. Благодатной почвой для этого послужило создание исправительно-трудовых лагерей. До этого времени профессиональные преступники-рецидивисты отбывали наказание в изоляторах особого назначения (практически в условиях тюремного режима) и не могли оказывать широкого влияния, проявлять свою власть в других местах заключения. Лагерь, представляющий собой конгломерат отбывающих наказание практически по всем статьям уголовного кодекса, создавал некоторым преступникам идеальные условия для того, чтоб паразитировать в этой среде.

Однако в 1937—1938 годах физически была уничтожена наиболее активная часть уголовно-бандитствующего элемента и воров-профессионалов, точнее, воровских авторитетов. Удалось выжить только тем, кто сумел бежать из лагерей в период массовых расстрелов или глубоко законспирироваться на свободе. Некоторое оживление воровской идеологии в лагерях началось во время присоединения к СССР Прибалтийских республик, Западной Украины и Западной Белорус-

ЭЛИТА ПРЕСТУПНОГО МИРА

ЗАКОНЫ БЕЗЗАКОНИЯ

сии, так как с этих территорий были вывезены заключенные с большими сроками наказания.

После окончания войны все бывшие советские уголовники, освобожденные из концлагерей и тюрем Германии (часть из них использовалась там в качестве провокаторов и информаторов), а также лица, проходившие службу в составе советских воинских формирований и совершившие корыстные преступления на территории других стран, были этапированы в места лишения свободы в СССР. Среди этих людей было немало бывших воров (ст. 35 УК РСФСР и аналогичные статьи уголовных кодексов союзных республик), которые, прибыв на лагерные пункты, стали объявлять себя авторитетами в масти "вор". Однако они начали получать отпор со стороны воров, отбывавших во время войны наказание в лагерях или проживавших на территории СССР. Прибывших не признавали авторитетами в силу того, что они, выразив желание пойти на фронт, нарушили неписанные воровские законы и предали воровскую идею — не состоять на государственной службе и жить только за счет воровства.

Воры из новой категории по-прежнему стремились к получению в лагерях "положенных", привилегий и занятию подходящего им места в воровской среде лагеря. В силу возникающих конфликтов по всем лагерям проводились большие сходки, на которых обсуждался правовой статус пришлых, часто

происходили расправы. На сходках все прибывшие из-за рубежа объявлялись вне воровского закона.

В места лишения свободы поступали также лица, содержавшиеся в фашистских концлагерях или работавшие на немецких предприятиях во время войны, служившие в фашистских воинских формированиях и не прошедшие в силу тесных связей с фашистским режимом фильтрацию. Эта категория осужденных стала опорой воров, отлученных от воровских законов. Конфликты между четко обозначившимися воровскими группировками привели к тому, что пришлое, названные "польскими ворами", отделились от общих зон. Этому способствовала и администрация лагерей, поскольку только таким образом удавалось избежать больших человеческих жертв в результате межгрупповых конфликтов.

В условиях разделения воров на враждующие группировки авторитетами уголовного мира принимались меры, направленные на повышение престижа воровской идеологии с применением суровых санкций к инакомыслящим. Среди воров была установлена целая система взаимопроверок, получившая название "ломка". По вновь установленному правилу, срок пребывания вора на свободе не мог превышать шести месяцев. Особое внимание стало уделяться подросткам с целью их приобщения к воровской жизни. В результате "ломки", т.е. проверки образа жизни и поведения как на свободе, так и в лагерях, стали выявляться нарушители традиций уголовного мира, по тем или иным причинам "предавшие идеи". Об отошедших от воровской идеи стали говорить, что они "ссутились", и из этой категории стала формироваться еще одна группировка, получившая название "суки".

Появилась в лагерях и такая группировка — "мятежники". Она состояла из бывших военнослужащих, осужденных за бандитизм и измену Родине, которые не признавали в лагерях никаких авторитетов. Против воров они вели борьбу своими методами. Узнав о том, что в каком-либо из лагерных пунктов нет воров, они всеми правдами и неправдами переводились на такой лагерный пункт. Здесь они объединяли вокруг себя всех недовольных ворами и понимавших, что если сегодня здесь воров нет, то они могут появиться с этапом в любой день. Заручившись поддержкой основной массы осужденных, они вступали в схватку с ворами, если те объявлялись в зоне. Поступали по-разному. Их били, но не до смерти. Заходили в баню в тот момент, когда этап проходил санитарную обработку, и с помощью кирпича оттирали у воров наколки на теле. Применяли и другие меры.

Воры все свои жизненные вопросы в лагерях решали на сходках. Если вопрос касался наказания вора и его решали убить, то поручали это сделать кому-то из воров, ибо по воровскому обычаю вор должен умереть только от руки вора. Любой вопрос на сходке решался общим мнением, но последнее сло-

во принадлежало самому авторитетному. Резал вора вор, но отвечать за убийство полагалось фраеру — лицу, стремящемуся получить звание вора. В условиях отмены смертной казни вопрос решался довольно просто. Дневальный шел на вахту и говорил надзирателям, чтобы забрали труп. Те приходили в барак к ворами и спрашивали, кто пойдет. Фраер ворами был уже собран в дорогу, снабжен всем необходимым и уходил с надзирателями. Сколько бы ни было совершено убийств, никто больше 25 лет срока наказания не мог получить в те годы и только после ряда аналогичных действий направлялся для отбывания наказания на тюремный режим.

Междоусобная война воровских группировок носила жестокий характер. В качестве примера можно привести событие, происшедшее в Ивдельском ИТЛ. В этом лагере группу воров возглавляли Пивовар и Асман. Последний отличался коварством и ненавистью к ворам противной группировки, и в особенности к русским. Противники вели за ним самую настоящую охоту, и однажды появилась реальная возможность расправиться с Асманом. Он тогда попал с язвой желудка в больницу. Правда, воровская традиция запрещает вести разборы конфликтов в больницах, но такой случай нельзя было упустить. Несколько человек, симулируя болезнь (а возможно, и не без помощи врачей, значительная часть которых состояла из заключенных), были этапированы в стационар. Асман лежал в палате на втором этаже под присмотром администрации, но и она не смогла предвидеть развитие событий. Ночью под окном его палаты был разложен большой костер и одновременно подождены второй этаж и коридор. Двери палаты оказались запертыми. Асман понял, что ему нет спасения. Не желая сдаваться живым, он влез на подоконник, вынул из-за голенищ сапог два ножа и проткнул себе живот, за смертью свалившись в пылающий костер. Воры не нарушили традиции, а случившееся списали на пожар. То, что при пожаре пострадали другие больные, воров не волновало.

В 1956—1957 годах в исправительно-трудовой системе началось наступление на наиболее опасный контингент уголовников. Вопрос перед теми, кто причислял себя к ворам, был поставлен ребром. Те, кто подписал обязательство и отказался от своего воровского звания, переводились в обычные лагерные подразделения. "Неразоружившиеся", этапировались в тюрьмы и, не имея там возможности вести паразитический образ жизни, постепенно сдавали позиции.

В последующие годы администрация удалось создать в подразделениях довольно крепкий актив из самих осужденных, которые повели активную борьбу против притившихся носителей воровской идеологии, и в течение примерно двух десятков лет воровская идея не имела необходимой почвы для возрождения.

В НАСТОЯЩЕЕ время преступный мир живет несколько иной жизнью, уже не существует специально установленного стажа для вступления в касту воров. Допускается даже прием не отбывших наказание в местах лишения свободы. Не существует и никакой системы поручительства.

Для того чтобы претендент на звание вора был коронован, он обязан вести правильную воровскую и арестантскую жизнь, показать свою честность, уметь расположить любого человека к себе. Предварительно выясняется место рождения претендента, чем занимался на свободе, наличие связей с милицией и т. п. Выяснение не может ограничиваться рассказом самого претендента о себе. Принимаются меры по проверке биографии по месту рождения и проживания. После принятия в воровскую касту о нем сообщается по местам лишения свободы и на волю.

В местах лишения свободы все больше усиливается консолидация осужденных на платформе воровских идей. В лесных исправительно-трудовых учреждениях на сходках воров принято решение об установлении контроля за ИТК, где они отбывают наказание, а также за отрядами, бригадами и т. д. Решающим фактором влияния одного режима на другой (строгий, особый, усиленный) является то, где более авторитетное лицо содержится.

Вор может приблизить к себе только тех, кто занимается кражами и грабежами или сидит за них. И только в том случае, если у этих преступников по воровской жизни все правильно: никого не предал, в ИТУ конфликтует с администрацией из-за общего блага (борется за смягчение режима), не допускает необдуманных поступков и т. д. Такие лица в местах лишения свободы называются козырными фраерами, и вору всячески содействуют укреплению их авторитета среди осужденных.

На свободе у каждого вора имеется воспитанник, сопровождающий его в поездках по стране. Это дает вору возможность "засветить" данное лицо перед другими воровскими авторитетами. Если тот попадет в ИТУ, а это неизбежно должно случиться рано или поздно, то он числится там молодым воровом, но не автоматически, а только после коронавания.

Среди воровской элиты царит авторитарный стиль руководства. Решения вора не подлежат обсуждению, и никто не имеет права рассуждать. Разумеется, и между ворами бывают конфликты. Дело может дойти и до драки, но вмешаться в этот конфликт кроме вора никто не имеет права. Вору не возвращается унижить достоинство фраера и даже оскорбить его, но только в присутствии воров, и за это никто из воров не может к оскорбившему предъявить претензий. Вор вправе изменить или отменить любое решение осужденных, принятое без его согласия. Вор может организовать массовое неповиновение осужденных, но по возможности он должен посоветоваться с другими ворами. Если такой возможности не представится, то

за все последствия в этом случае несет персональную ответственность.

Вор не имеет права на человеческие жертвы. Если это произошло в силу стечения каких-то обстоятельств, то он будет найдется "под выяснением", и доказывать, что иного выхода не было. Если он будет признан виновным, его лишают титула (дают по ушам).

С администрацией и фраерами в присутствии осужденных вор обязан быть вежливым. В кругу своих собратьев может вести себя как угодно, но не допускать хулиганских выходов даже в нетрезвом состоянии.

Наказание провинившемуся вору определяют на сходках и тут же могут зарезать, но по обычаю должен это сделать близкий к нему человек. В отношении же фраеров наказание может применяться любой вор.

За одну и ту же провинность могут зарезать, дать по ушам, поставить на вид, оставить вора на положении "до выяснения", или оправдать. Все зависит от того, кто и сколько знает его по воровской линии и как личность характеризуется.

С прибытием в колонию вора жизнь осужденных сразу меняется. Отрицательно характеризующиеся лица начинают проявлять активность в сборе денег, приобретении спиртных напитков и наркотических веществ. Вокруг вора моментально сплачивается группа, которая всячески оберегает его. Фактически все нити управления внутренней жизнью осужденных в местах лишения свободы сосредоточиваются в руках вора. С помощью своих помощников он устанавливает контроль за всеми лицами, занимающимися изготовлением для продажи или обмена предметов ширпотреба, играющими в азартные игры, каналами нелегальной связи, уходящими за пределы исправительно-трудового учреждения.

Среди осужденных ведется работа, направленная на внушение каждому веры в то, что если они будут делать так, как требуют воровские законы, то жизнь для всех изменится в лучшую сторону. Дается установка быть благоразумными, бдительными, не спешить с принятием решений и быть дружнее. Выступая в роли верховного судьи в колонии, вор единолично рассматривает все спорные вопросы и принимает по ним решения.

Осужденные, пытающиеся противодействовать установленным воровским порядкам, сначала предупреждаются, затем их могут подвергнуть избитию, а в отношении не сделавших для себя правильных выводов прибегают к провокациям, с тем чтобы добиться их водворения в штрафной изолятор.

Со стороны воровских авторитетов ведется тотальная обработка контролерского состава. Первоначально просьбы сводятся к передаче невинной записки из камеры в камеру. Затем следует просьба что-либо передать в карцер. В разговорах прощупываются жилищно-бытовые и материальные условия. В зависимости от оценки личности предлагаются деньги за пронос чая. Дальше — больше. Выполнение мелких поручений создает у

вступивших в связь с осужденными иллюзии безопасности. Затем попавшихся на удочку склоняют к получению переводов, проносу спиртных напитков, продуктов питания и т. д.

В следственном изоляторе кипит мало видная для администрации работа, суть которой сводится к следующему: принимаются меры по очищению рядов воровских авторитетов, налаживаются и поддерживаются «дорога», на волю, назначается ответственный за всю подпольную жизнь с подчинением ему ответственных за корпуса, определяются общаковые хаты (камеры), налаживается межкаммерная связь. Общаковые хаты подразделяются по выполнению своих функций. Одни обязаны «греть», (оказывать материальную помощь) больничные камеры. Другие «греют», карцеры. Третьи обеспечивают необходимым «достойных», этапированных в «крытку» (тюрьму).

В обязанности «смотрящего», следственно-го изолятора входит установление связей с женскими камерами и теми, в которых находятся несовершеннолетние. По возможности им оказывается моральная и материальная поддержка, даются наставления знающих людей, как себя вести. И представьте себе состояние этих подследственных, до сознания которых доводится проявленная забота со стороны вора в законе. Практика показывает, что в дальнейшем ему достается лучшая из получаемых ими передач.

В свою очередь «смотрящий», в центральной больнице помогает администрации и медицинскому персоналу поддерживать порядок. В отдельных случаях принимаются решительные меры по отношению к тем, кто себя ведет некорректно.

Между свободой, колониями, следственными изоляторами, центральными больницами областей и тюрьмами постоянно циркулирует информация, интересующая воров. Это позволяет знать всех воров не только по кличкам, но и по положению в воровской среде и делам.

Получаемые сведения используются не только для установления личных контактов и преследования отступников от воровских идей. К примеру, в следственном изоляторе информация с указанием, из какой камеры и каким образом можно совершить побег, позволила сделать это квалифицированно. Довести же дело до конца не удалось по независящим от организаторов обстоятельствам. Тем не менее из камеры беглецы вышли и сумели захватить дежурный наряд в корпусе.

Ужесточение требований режима содержания в местах лишения свободы с конца 70-х и в начале 80-х годов позлекло за собой необходимость внесения корректив в воровскую этику. Стало допускаться ношение нашивок на одежде (бирок). Был разрешен выход в зону на производственные работы.

Стремление расширить влияние воровской идеологии заставило пересматривать ранее существовавшие нормы. Прежде на воровской сходке никто не мог присутствовать из

посторонних. Сейчас на сходку допускаются те, кому небезразлична «воровская честь».

Если раньше не допускались контакты с представителями правоохранительных органов, то в настоящее время, особенно если грозит серьезная мера наказания, стараются использовать все рычаги. В обыденной жизни стало престижным общаться с учеными, военными, сотрудниками МВД, коммерсантами, цеховиками.

Раньше, как только вор переступал порог КПП, весть об этом со скоростью пожара распространялась среди осужденных, и недоразумений никаких не возникало. Теперь случаются казусы.

ВОРОВСКАЯ СРЕДА никогда не была и не может быть однородной в силу объективной борьбы за право жить за счет основной массы осужденных. По оценке воровских авторитетов и администрации, в местах лишения свободы в настоящее время ведущую роль играют так называемая «пиковая масть», или «лавровые», т. е. выходцы с Кавказа. Объясняется это тем обстоятельством, что наибольшее число воров в законе в последнее время появилось в этих регионах. Их породила широко развитая теневая экономика, позволившая отдельным группам граждан сосредоточить в своих руках огромные ценности.

Усиление борьбы с преступностью в этих регионах повлекло за собой осуждение воровских авторитетов и направление их в места лишения свободы. Однако в силу связей новоявленной воровской элиты, в том числе и родственников, с сотрудниками правоохранительных органов, работниками государственных структур администрация мест лишения свободы оказалась не в состоянии содержать этих осужденных в жестких рамках законных требований. И тогда их были вынуждены этапировать на территорию России. Имея одну, реже две судимости, эти лица в соответствии с исправительно-трудовым законодательством направлялись в колонии усиленного и строгого режима. Вирус воровской идеологии, занесенный с Кавказа, начал быстро распространяться по многим территориям, которые давно уже не знали такого явления. Еще большей активизации воровской идеологии на территории России способствовала тотальная война, объявленная ворами в законе в Грузии. В ультимативной форме от них потребовали прекратить деятельность или покинуть пределы республики. Поскольку никто из них не собирался порывать со своей преступной деятельностью, некоторые из них вняли совету и покинули пределы республики. Другие почитали себя неуязвимыми и просчитались. С ними расправились ежовско-бериевскими методами: одним подбросили наркотики, другим — ценности с квартирных краж, третьим — оружие и т. п. По сфальсифицированным делам их осудили и этапировали на территорию России.

Одним словом, кое-где оздоровление обстановки произошло за счет все той же многострадальной Российской Федерации. Исправительно-трудовые учреждения республики оказались заложниками воровских авторитетов нерусской национальности.

Указанной выше группировке противостоят арестанты-воры, придерживающиеся издавна сложившегося кодекса воровской чести. Они считают, что "пиковая масть", "лавровые", нарушают арестантскую порядочность в силу того, что имеют одну-две судимости, осуждены, как правило, за насильственные преступления, некоторые из них имеют семьи и т. д.

В свою очередь "пиковые", "лавровые", предпринимают всевозможные меры к тому, чтобы привлечь на свою сторону российских воров. Если тот или иной из них не поддается "приручению", то среди осужденных распространяются ложные слухи, что он не является вором.

Помимо междоусобной войны обе группировки вынуждены бороться и с так называемыми "сухарями", т. е. выдающими себя за воров в законе и стремящимися в отсутствие воров воспользоваться их привилегиями.

По оценке самих воров, идейных из них остались считанные единицы, и поэтому в воровском мире нужна революция с целью очищения своих рядов от всякой нечисти.

Воры и сами заботятся о своей рекламе. Они прекрасно знают: чем больше громких имен, тем легче вести работу среди преступного мира. Эту же цель преследуют ежегодно устраиваемые на свободе и в местах заключения поминки. Бриллиант, Жид, Нос, Старуха, Тарелочка — все они покойники, но их память чтут. Стремящиеся попасть в воровскую касту, допущенные к обслуживанию поминок не остаются равнодушными. Каждому из них хочется стать легендой, оставить в жизни такой след, чтобы братва и о нем вспомнила.

Еще при жизни каждый вор стремится сделать на благо преступного мира больше, чем другие, оставить о себе зарубку на память. Достигается это многими путями. Они стремятся как можно больше втягивать в свой круг лиц из бывших осужденных, придерживающихся воровской идеологии. В сферу их влияния попадают подростки, склонные к правонарушениям. Воры прекрасно понимают: дай подростку деньги на карманные расходы, помоги хорошо одеться, подари мотоцикл — и он твой. Такой подросток не только станет исполнять волю вора, но и будет держать язык за зубами.

Этапирование воровских авторитетов в другие исправительно-трудовые учреждения или в больницу представляет большую сложность и для администрации, и для войсковых нарядов. Приходится применять такие меры безопасности, которые в пору лишь особо высокопоставленным лицам в государстве. Причем информация о их перемещении, несмотря на предпринимаемые меры, уходит по линии следования спецвагонов. При плановых остановках на станциях следования их

нередко встречают друзья, предпринимающие попытки оказать материальную помощь, сообщить или получить информацию. Необходимо отметить и такой факт. Раньше осужденные не прибегали к зашифровыванию своих посланий. Теперь это становится обязательным, и используются различные способы.

Из освобожденных (как, впрочем, и из судимых) подбираются хранители общаковых средств. Такое лицо может быть устроено на работу, хотя может и вовсе не работать. Независимо от этого хранителю выделяются средства — прожиточный минимум. На такую ответственную должность подбираются те, честность которых не вызывает сомнения. Как на свободе, так и в ИТУ хранитель обязан вести образ жизни, не бросающийся людям в глаза. Хранитель не вправе быть замешанным в противоправных действиях. Знают о нем только особо проверенные в воровском мире люди.

Определенной суммы отчисления в воровской общак нет, и каждый вносит сумму в зависимости от доходов. Если возможности сделать это не было, вор обязан объяснить хранителю общаковых средств причину, не позволившую внести взнос. Значительная часть средств в воровской общак поступает от рэкетиров, барменов, проституток, игроков, спекулянтов и прочих "деловых" людей. Это позволяет сосредоточивать в некоторых случаях огромные средства.

Одна из причин активной поддержки воровских авторитетов в местах лишения свободы — разочарование в коренной перестройке мест лишения свободы. Отсюда попытки улучшить положение посредством давления на администрацию ИТУ, убийств, захватов заложников и других противоправных действий.

Сегодня очевидно: эра милосердия, о которой мечтал один из литературных героев братьев Вайнеров, наступит не скоро, и обострение криминогенной обстановки в некоторых регионах России тому весомое подтверждение. Поэтому знать оборотную сторону взаимоотношений в уголовном мире необходимо не только тем, кто по велению профессионального долга ведет нелегкую борьбу с преступностью и охраняет осужденных в исправительно-трудовых учреждениях, но и всем людям, дабы уберечься от ложного понимания воровской идеологии.

Анатолий ПОДНЕСЕНСКИЙ

КРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

МОЙ ПЕРВЫЙ офицерский отпуск пролетел быстро и незаметно. Так не хотелось расставаться с городом детства – тихой и прекрасной Речицей, с родными и друзьями, но, увы...

К месту дальнейшего прохождения службы добирался вторые сутки: фирменный поезд "Вятка", подходил к Кирову, где меня ждало окончательное назначение. Тешить себя надеждой, что судьба оставит в городе, а не забросит в захолустье, даже не пытался: нашего брата выпускника, как правило, ждали глухие поселки с поэтическими лесными названиями.

В купе подобралась приличная, довольно интересная компания: пожилая интеллигентная пара и вчерашний студент столичного юрфака.

Лешка – так звали моего сверстника – был невысокого роста, худощавый, весьма энергичный, жизнерадостный парень. Он много суетился – перезнакомился буквально со всеми пассажирами, мучая их при этом анекдотами и страшными криминальными историями, в которые якобы попадал во время стажировок.

Лешка врал самозабвенно, сюжеты закручивал до того лихие, что становилось немного стыдно за его вранье. Однако разоблачать новоиспеченного "работника правоохранительных органов", как он сам себя отрекомендовал, не хотелось. Выручил сосед – Петр Григорьевич. Он сначала улыбался, слушая Лешку, но потом, не выдержав, несколько раз вполне профессионально поправил рассказчика и наконец представился. К великому удивлению и огорчению Лешки, наш сосед оказался прокурором с весьма солидным стажем...

ВКИРОВ ПОЕЗД прибыл в седьмом часу вечера. За окнами накрапывал дождь. В серых сумерках сновали автомобили, спешили люди – шла обычная жизнь обычного города.

Немного помокнув на привокзальной площади, мы с Лешкой узнали адрес ближайшей гостиницы. Нужный нам троллейбус подошел минут через десять.

Я смотрел в окно и думал о завтрашнем дне, пока мои размышления не прервал восторженный Лешкин полусшепот:

– Андрей, ты только посмотри, какая девчонка!

Она стояла недалеко от нас, у кабины водителя. Длинные светлые волосы ниспадали на плечи, подчеркивая красоту загорелого лица. Тонкую фигурку девушки ничуть не портило платьице, которое было

Полковник Анатолий Владимирович ПОДНЕСЕНСКИЙ — участник VII семинара литераторов внутренних войск, автор повести «Красные капли дождя», названной в числе лучших литературных произведений, опубликованных в журнале за 1991 год.

чуть мало и, как мне показалось, не очень модное. А глаза... Огромные голубые глаза ее были почему-то наполнены грустью и тревогой.

Она взглянула на нас, и это привело Лешку в неописуемый восторг:

— Видел, как она посмотрела? Я как под рентген попал! Ты вот что, охраняй чемоданы, а я пойду уточню нашу остановку.

Он суетливо подошел к девушке, о чем-то спросил, усадил ее и тут же плюхнулся на сиденье рядом. Что-то, а болтать Лешка умел. Если бы ему не на следователя учиться, а на адвоката, — вышел бы второй Плевако. Сказать по правде, впервые за два дня я позавидовал его удивительной общительности, благодаря которой он сидит рядом с прекрасной незнакомкой, а я стерегу наши пожитки.

Минут через двадцать они встали, и Лешка, встретившись со мной взглядом, кивнул в сторону двери. Так мы и вышли — Лешка с ней, а я с чемоданами.

— Ну вот и ваша гостиница, — сказала девушка, показывая на старую, обшарпанную пятиэтажку с вызывающей надписью: «Отель „Спорт“».

— Андрей, знакомься — это Вера. Она, как и ты, тоже служит, но только в войсках связи. Здесь проездом. Ее поезд нескоро, и она согласилась разделить с нами скромную вечернюю трапезу по случаю прибытия в старинный город Вятку, — залпом выпалил Лешка. — Ты, надеюсь, не против?

Конечно же, я был не против. К нашему удивлению, в номере, который мы получили на втором этаже, было тепло и уютно, стояла вполне приличная мебель и даже старенький, но рабочий телевизор. Лешка по-хозяйски уселся в кресло, поставил на колени роскошный кожаный чемодан и стал вытаскивать из него «пищевые подарки капиталистического мира»: копченую колбасу в целлофановой оболочке с белыми надписями, несколько банок с консервами, коробку конфет. Потом он медленно и торжественно извлек новенький, сверкающий лаком и никелем японский магнитофон.

— Тут вам и еда, и песни, — победно заключил наш коробейник. — Я ведь житель столичный, где, как известно, черта с рогами, и того можно достать. Ах, Москва! Как ты там будешь теперь без меня?! Впрочем, больше года здесь, в этой дыре, сидеть не собираюсь. Предки выручат, и вновь мы встретимся с тобой, — патетически заключил он, оглядел стол и уже вполне серьезно обратился ко мне: — Андрей, нам не хватает вина и хлеба. Узнай, пожалуйста, внизу, есть ли здесь буфет или хотя бы магазин поблизости.

КОГДА Я ВЕРНУЛСЯ, то увидел, что между Лешкой и Верой что-то произошло. Она сидела потупившись, опустив глаза, а Лешка старательно, хоть и неумело, пытался скрыть свою растерянность.

— К сожалению, буфет закрыт, а магазин в четверти часа ходьбы отсюда, — сказал я и предложил: — Может быть, вы сходите с Верой, пока я распакуюсь?

— Нет, Андрей, — быстро возразил Лешка, — это дело мужское. Мы с тобой сходим, а она пока все приготовит.

Он демонстративно вытащил несколько крупных купюр, а портмоне небрежно бросил на диван.

— Вера, мы скоро вернемся, — голос Лешки дрогнул, и я почувствовал в нем какую-то фальшь. — Не скучай, — и он включил магнитофон.

Мы спустились по лестнице вниз. В дверях гостиницы Лешка схватил меня за руку и потащил к трансформаторной будке, стоявшей чуть в стороне от входа.

— Ты чего? — удивился я.

— Послушай, лейтенант, кажется, я ее расколол. Она никакая не военнослужащая, а воровка или проститутка. Помняи мое слово; и десяти минут не пройдет, как она выйдет с нашими чемоданами. Моя интуиция еще ни разу меня не подводила. — Глаза Лешки лихорадочно блестели.

— Ты, наверное, спятил! Ничего о ней не зная, подозревать? А если почувствовал что, зачем тащил в гостиницу?

— Наблюдать надо, Андрей! Я еще в троллейбусе понял, что она девочка стреляная. В лексиконе масса блатных слов, к тому же долго уговаривать не пришлось, чтобы поехала с нами в гостиницу. А на деньги как смотрела, на магнитофон?! Я специально оставил и то и другое.

— Слушай, да ты провокатор, — начал было я.

— А ты чересчур добрая душа, — оборвал меня Лешка, кивая на блондинку, мелькнувшую в дверях гостиницы.

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО была Вера. Но в руках ее кроме небольшого трубчатого свертка ничего не было. — Как же так? — растерянно пробормотал Лешка. — А где же чемоданы?

— Пошли, Шерлок Холмс, — я не отказал себе в удовольствии поддеть его.

Мы вышли из-за трансформаторной будки. Увидев нас, девушка от неожиданности застыла, и только сверток быстро спрятала за спину.

— Что это у тебя там? — спросил Лешка. — Дай сюда! — И он схватил ее за руку.

В свертке оказался Лешкин импортный сервелат.

— Ну вот видишь, — обрадованно повернулся он ко мне. — А ты сомневался.

Вера молчала. Лицо ее было бледным, губы подрагивали, да и всю ее словно бил озноб.

— Пойдем в номер, — скомандовал Лешка. — Взяла колбасу, могла взять и деньги. И помни: я работник прокуратуры, не вздумай бежать.

Мы поднялись в номер. Лешка деловито пересчитал деньги и с сияющим лицом произнес:

— Не хватает полсотни. Выходит, и деньги взяла! А это уже уголовное преступление — кража. Где деньги? — спросил он у Веры. — Надеюсь, мы не будем прибегать к такому мероприятию, как личный обыск?

Лешка торжествовал, а она стояла какая-то униженная и подавленная.

Вера вытащила из кармашка платяной сумочки пятидесятирублевую бумажку и положила на стол. Лешку охватил азарт охотника, который явно не хотел упустить близкую добычу.

— Как ваша фамилия, гражданка? Попрошу документы.

— Нет у меня их, — тихо ответила девушка. — Они на вокзале в камере хранения.

— Ну вот видишь, это «гастролерша»! — воскликнул Лешка, мельком глянул в мою сторону и тут же продолжил допрос: — Номер вашей ячейки и шифр? Я обязан произвести выемку ваших документов для установления личности.

Вера назвала.

— Слушай, а ты имеешь право изымать личные вещи? Это, по-моему, дело милиции, — попытался я как-то повлиять на ситуацию.

— Имею! Я работник правоохранительных органов. И сейчас поеду на вокзал. Как ты не понимаешь — она совершила преступление. И, к твоему сведению, еще в троллейбусе выпытывала, много ли у меня денег.

— Пусть едет, мент поганый! — вдруг со злостью выдохнула девушка. — Пусть! Мне некуда бежать.

МЫ ОСТАЛИСЬ вдвоем. Она стояла и тихо плакала — маленькая, беззащитная девчонка. Мне до ужаса стало жалко ее. Но что же делать? Лешка заварил эту кашу, а я, дурак, ничего не предпринял, чтобы дело не зашло так далеко.

— Садись, чего стоишь, — злясь сам на себя, сказал я. — Зачем ты это сделала? Зачем тебе его деньги? Ты что, правда «гастролерша»?

Она села, как-то по-детски рукавом вытерла слезы и посмотрела на меня.

— Зачем, спрашиваешь? Да затем, что я два дня уже ничего не ела. У меня нет ни копейки. Ты хочешь знать, кто я?

Так вот: я — преступница. Твой дружок прав. Меня только-только освободили из колонии.

Чего-чего, а этого я не ожидал, не мог поверить. Выходит, Лешка не только прав, но и прозорлив?

— За что же это тебя? — вопрос слетел у меня скорее невольно.

— За что? — она горько усмехнулась. — За покушение на убийство. Я отчима своего хотела убить, и жалко, что не сумела.

Я вытащил сигареты, закурил. Попросила и она. Протянул ей пачку.

— Все началось давно, — прерывая затянувшуюся паузу, заговорила Вера. — Была у нас хорошая, дружная семья. Папа служил в войсках связи, офицер. Ушел на пенсию по болезни, вскоре и умер. Мать погорела года полтора и привела в дом этого... Просто не знаю, где она такого нашла: маленький, плешивый. Поначалу разыгрывал из себя добрячка, угождал, а потом обнаглел: выпивать начал, мать бить. Я просила ее: выгони его ради памяти отца, меня ради. А она как загипнотизированная. Он в дом, она стол накрывать и бутылку ставит. Напьются и в кровать. А жили мы в однокомнатной квартире. Меня поначалу на кухне оставляли, а потом совсем замечать перестали. Да и отчим к тому же невзлюбил: «Верка — то, Верка — се», а пьяный, так и матом...

Так вот и жили. На улице мне стыдно стало выходить: надеть толком нечего, среди девчонок я — как гадкий утенок.

Однажды пришел он пьяный, матери дома не было, я полы мыла. Разделся, полез в холодильник, вытащил бутылку, добавил. Потом подходит ко мне и говорит: «А ты ладная стала, настоящая баба. Хочешь, я тебе джинсы куплю?». Я от волнения дыхание затаила. Джинсы. Да это же моя мечта! Тут же представила, как на меня одноклассники смотреть будут. Господи! У меня от радости слезы навернулись. А он наливает в стакан водку и говорит: «Вижу, что хочешь. Ну так давай подарок и обмоем». И протягивает мне стакан. «Никанор Борисович, — говорю, — джинсы я очень хочу, но пить не стану. Я и так все-все для вас сделаю». Тогда он выпил и усталился на меня, как удав на кролика. «Я, — говорит, — многого от тебя не прошу. Иди-ка сюда, и завтра же будут джинсы и еще кое-что». А сам улыбается и тянет меня к постели. Я остолбенела: «Зачем это?». А он смеется: в наше время, дескать, за все платить надо — где деньгами, а где и натурой. Меня как током ударило, когда он облапил и валить начал. Не знаю, как вырвалась, оттолкнула его — и на кухню. А он кричит: «Не хочешь за джинсы, так я тебя, суку, бесплатно возьму».

Закрыв он входную дверь на ключ — и ко мне. А я как отключилась: ничего не вижу, только чувствую, как он приближается, ремень расстегивает... Что я против него?!

Подвернулся под руку столовый нож. Схватила и кричу: «Не подходи, убью!». А ему наплевать, идет и смеется: «Не посмеешь». Не человек — зверь. Вот зверя я и ударила...

А тут мать пришла. «Скорую» вызвали, милицию. Она мне и говорит: «Если заявишь, что он хотел тебя изнасиловать, — повешу». На следствии и в суде я молчала...

Он жив остался, а меня упекли в колонию для несовершеннолетних. Ну а что такое колония, ты, наверное, и сам знаешь. Освободили меня досрочно — за хорошее поведение. Мне в тот день как раз семнадцать исполнилось. Вышла я счастливая и несчастная одновременно: куда теперь? К матери — не могу: она ведь с ним так и осталась, ребенка прижила. Решила ехать к бабушке — недалеко от Кирова есть такой городок Кирс.

Когда мы с папой ее навещали, всегда на денек-другой останавливались здесь, в этой самой гостинице. Бродили по городу, музеям. Он всегда покупал мне мороженое, лимонад...

Приехала я в Киров, денег не ахти. Хотела сразу билет до Кирса купить, но тут, гляжу, мороженое продают. Папку вспомнила. Взяла две порции, стою довольная такая в очереди к билетной кассе. Человека два до окошечка осталось, я руку в карман, а кошелек нет. Может, выронила нечаянно, а может, и вытащила.

Пошла в милицию, рассказала все как есть. Старшина там сидел — мордастый такой. Он меня недослушал, документы потребовал. Я ему справку об освобождении, а он как зарел: «Что, зечка, деньги прогуляла, а теперь в милицию за милостыней пришла?!» Словом, выбежала я из отделения и хоть под поезд бросайся. А тут вскоре вы и подвернулись. Этот твой дружок — интеллигентный такой, веселый, уговаривать начал: «Поедемте, посидим, перекусим...». А мне поесть страшно хочется. На тебя смотрю: военный, значит, думаю, ничего плохого не позволит. Вот и согласилась. А что про деньги у него спрашивала, то верно — в долг хотела взять.

— Ну а почему же сразу не объяснилась? — не удержался я. — Помогли бы. Что мы, не люди?!

— Помогли бы, — Вера усмехнулась. — За помощь, лейтенант, нужно рассчитываться.

— Ну так что ж, выслала бы потом. И все.

— И все?! Не будь наивным. Ты внизал ходил, а я у твоего Алексея попросила. Так он мне денег без отдачи пообещал, если, разумеется, останусь с ним в номере до утра.

ТАКОГО ПОВОРОТА событий я никак не ожидал. Ну и Лешка! Ну и поборник права! Хорошо, нечего сказать. Как такому с людьми работать, преступления расследовать?!

Впрочем, я вспомнил, какими глазами он смотрел на Веру. Конечно, такую девчонку... Но чтобы вот так?..

Но и она хороша — взяла Лешкины деньги. И вообще — можно ли ей верить? Не знаю почему, но мне этого очень хотелось.

Что же делать? Если Лешка сейчас все закрутит, ее наверняка опять посадят, и тогда... Она же никогда и никому больше не поверит! У нее никогда не будет ни друзей, ни семьи! Все люди будут казаться ей врагами, и она будет мстить им всем — без разбора — за загубленную молодость, сломанную жизнь!

— Вот что. Когда ближайший поезд на Кирс?

— Часа через полтора. А что?

— Ты поедешь к бабушке, поняла? Мы купим билет, и ты уедешь к своей бабушке.

— Андрей, — она впервые за все время назвала меня по имени, — а как же он?

— Я объясню ему все и заберу твои документы.

В коридоре послышались торопливые шаги, и в комнату влетел Лешка с небольшой сумкой в руках.

— Вот смотри, — он радостно сунул мне бумажку, — это справка об освобождении. Читай: Ананьева Вера Михайловна. А статья-то у нее какая! Статья! — Он повернулся к Вере, и я не узнал его лица. В холодном взгляде промелькнуло что-то похожее на презрение и торжество одновременно.

— Леша! Вера мне все рассказала, — как можно спокойнее начал я. — Считаю, что ее нужно отпустить. По-моему, ей и так в жизни досталось.

— Отпустить? Преступницу?! Ну ты, лейтенант, даешь. Она совершила преступление и должна отвечать. Закон есть закон. И вообще — газеты надо читать, товарищ военный. Мы ведь строим правовое государство. — Лешка патетически поднял руку с оттопыренным указательным пальцем. — А то, что она тут тебе сейчас насочиняла, — сказки. Послушать уголовников, так они все сидят безвинно, уж поверь мне.

— Значит, за полсотни ты готов ломать судьбу человека? Но если она такая преступница, то почему не взяла

все твои деньги? Ты как хочешь, а я лично ей верю и никаких претензий не имею.

— Ты не имеешь, а я имею! — упирался Лешка. — Она не твои деньги взяла, а мои. Кроме того... я вынужден был оплатить такси до вокзала и назад.

— Хорошо, если хочешь, я возьму на себя твои дорожные расходы, — оборвал я его. — Ну а если ты такой законник, то ответь: что ты предлагал Вере, когда она попросила у тебя займы? И как юридически это мотивировать?

Лешка побледнел, потом покраснел и вдруг, подозрительно посмотрев сперва на Веру, потом на меня, закричал:

— Шантаж! Она тебя окрутила! И я, кажется, начинаю догадываться... Пока я за этой справкой мотался, гражданка Ананьева с тобой по-свойски рассчиталась.

Наступила тишина. Мы стояли с Верой как оплеванные, а Лешка, видно, так ничего и не понял, потому что, повернувшись к ней, неожиданно хмыкнул:

— Что ж, с ним ты в расчете, а со мной? Я-то должок не получил. Отработай, может, дело и прикрою.

Я всегда был противником драк и разбирательств с помощью кулаков. Но здесь... Со всей злостью двинул правой Лешку в челюсть. Он рухнул на кровать, дико заорав на весь номер:

— Да я тебя... Да я вас обоих засажу! Сговорились...

— Добавить?

Но Лешка не дожидаясь, пулей выскочил за дверь.

— Пошли, Вера, — я взял ее за руку. — Он, скорее всего, сюда один не вернется.

ТАКСИСТ, молодой разговорчивый парень, лихо вел машину к вокзалу, успевая не только рассказывать свою биографию, но и, как мне показалось, бросать на Веру восхищенные взгляды.

Уже совсем стемнело. Дождь прекратился. Как ни странно, но царящая в зале ожидания суета как-то успокоила нас.

В воинской кассе почти никого не было. Симпатичная кассирша, протягивая мне билет, заметила:

— Вам повезло, его только что сдали.

— А на балет билета нет, — почему-то сказал я Вере, протягивая картонный прямоугольник и деньги.

Мы вышли на перрон и прошли чуть ли не до конца, пока не попала старая скамейка — странного вида, какие обычно бывают только в парках.

— Ну что ж, времени осталось немного, присядем на дорожку, — предложил я.

— Мне кажется, что наконец-то кончился кошмарный сон, — сказала Вера. — Но, знаешь, Андрей, я так боюсь опять заснуть.

— Это зависит от тебя. Только не думай, что все такие, как Лешка и твой отчим.

Вера открыла сумку, достала авторучку и клочок бумаги:

— Это мой адрес. Как устроишься, обязательно напиши. Обязательно! Ты слышишь? Чтобы я могла выслать тебе деньги.

Невдалеке послышался гудок теплового вагона, и вскоре вдоль перрона полплыли зеленые вагоны. Состав дернулся и остановился. У дверей появились проводники, деловито протирая поручни. «Киров — Лесная», — тускло мерцало на вагонах.

— Ну вот и все. Давай садись, а то, черт его знает, вдруг этот тип сюда припрется.

— Андрюша, ты только верь мне. Я ведь... Я даже... — Она вдруг обхватила меня за шею, неумело поцеловала и быстро, не оглядываясь, поднялась в тамбур.

Проводник, пожилой усатый мужчина, проводил ее долгим взглядом:

— Эх, лейтенант! Как же ты такую красавицу отпускаешь?

Когда последний вагон утонул в ночной темноте, я повернул к вокзалу.

В гостиничном номере было пусто, лишь на столе возвышался Лешкин красавец чемодан.

— Вы от нас уходите? — удивилась администраторша.

— Да вот, вызывают, — улыбнулся я ей в ответ. — Служба...

ЗДЕСЬ, В ВЯТКЕ, осень наступает рано. Свежий утренний ветер срывал желтые листья и, словно играя, стайками гонял по привокзальной площади. Ну вот и пришла пора мне прощаться с этим городом. На этот раз к новому месту службы перевозил семью.

— Андрюша, а ты помнишь эту скамейку? — улыбаясь, спросила жена.

— Какую?

— Ну вот эту — странную, нашу. Ты же меня отсюда впервые провожал семь лет назад. Мы тогда еще присели на нее. На счастье... Присядем все вместе?

— Конечно!

— Смотри, Сашок, папа и мама целуются! — счастливо засмеялась Наташка и закрыла лицо руками.

Алексей КАРЕВ

Подполковник Алексей КАРЕВ родился в 1952 году в Калужской области. В 1975 году окончил Высшее политическое училище МВД СССР и с тех пор служит во внутренних войсках. Неоднократно участвовал во всеармейских совещаниях молодых писателей, семинарах литераторов внутренних войск. Автор книги стихов "Я из Подгоричей".

БРОДЯТ ТУЧИ...

ДЕНЬ ПРОШЕЛ

День прошел. Таких немало
Надо мною растворилось.
Все как будто повторилось,
Но ничто не взволновало.
Ветер, непогодь пророча,
Гонит листья по аллею...
Отчего же это к ночи
Думы стали тяжелее?

* * *

Кто путь наш
камнями раздора выстлал,
в бесовском кружась кураже?
Брат с братом
иначе, чем через выстрел,
общаться не хочет уже.
Кто тризну вершит
на руинах Союза? —
Подручные Сатаны!
И кровные узы кровавым узам
в жертву принесены.
Народы —
заложники безвременья —
сшибаются рать на рать,
бросают, бросают
друг в друга каменья...
Придется ль кому собирать?

* * *

Что-то ветер
разгулялся целиной.
Бродят тучи
над родимой стороной.
Деревенской
тихой улицей иду
у минувшего-былого на виду.
«Здравствуй, тетушка Прасковья.
Как дела?
Помню, ты
такой веселою была...»
«Здравствуй, бабушка Настасья.
Где же ты?
Где твои на подоконниках цветы?...»
«Здравствуй, дед,
ты разлюбезный мой сосед.
По грибы
ходил ли нынче или нет?...»
Я иду, а вдоль деревни —
ни души...
Не суши мне, ветер, слезы,
не суши.

* * *

Утешь меня,
гармонь моя забытая.
Который год,
лишь радио включу, —
события, события, события...
А я событий больше не хочу.

Кровавые, бескровные,
скандальные —
им несть числа и — горько —
нет конца.
Давай уйдем с тобою
в поле дальше,
пусть маме спится
в сумерках крыльца.
Давай с тобою,
никого не мучая,
поговорим тихонько ввечеру.
Я все лады, лады твои певучие,
как годы, что ушли, переберу.
Умрет закат,
затопит ночь округу,
неясный свет
над полем протелькнет.
И, словно друг
к вернувшемуся другу,
моя душа
к твоей душе прильнет.

* * *

Когда декабрь пытался
лапу холода
протиснуть в дом
и все тепло отнять,
нам стало вдруг
так молодо, так молодо,
как будто годы
повернули вспять.
Когда метался
за двойными рамами
и бился в стекла
ветер-снеговой,
меня с моими бедами
и ранами
согрела ты
у нежности своей.
И было нам светло
вдали от города,
как будто в душах
солнышко взошло.
И было нам так молодо,
так молодо,
что быть иначе
просто не могло.

* * *

Н.Суслову

Что ж ты, Коля,
дружище по школе —
присно памятного ВПУ,
что молчишь?
Позабыл меня, что ли?

Что не спросишь,
а как я живу?
А живу —
не сказать чтобы сладко.
И хотя не ропщу на судьбу,
год проходит — и новая складка,
как змея, проползает по лбу.
Ну а ты-то как, названный брат мой,
все седеешь? Лысеешь, поди?
И доволен ли службою ратной,
как узнать?
Приезжай, заходи.
Посидим по старинке с тобою,
разговором украсим часок,
чтобы память горячим прибором
разметала забвенья песок.

ЧУЖАЯ БОЛЬ

В.С., хирург

Как потянуло вновь
к родной реке!
Вокзал. Перрон. Вагон.
И ты, собравшись,
едешь налегке
туда, где сосен звон.
Что вижу я
сквозь привокзальный дым,
сказать тебе? Изволь:
я вижу, как за поездом твоим
летит чужая боль.
А ты сидишь
среди других одна.
И сердце вдруг замрет:
звездой зябкой
в полынье окна
чужая боль мелькнет...
Ах, милый дом!
И ты спешишь к нему
укрыться от забот.
Я вижу, как по следу твоему
чужая боль бредет.
Чужая боль.
Чужая ли она,
когда в глазах мольба?
Чужою болью ты обожжена —
она твоя судьба.
Ты недоспишь,
ты выбьешься из сил:
в душе — добра печать.
Чужую боль
тебе Господь вручил.
Он знал, кому вручать.

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Глава 1

— **ЧЕРТ ЗНАЕТ** что! — воскликнул лорд Петер Вимси, оказавшись на площади Пиккадилли. — Эй, шофер!

Таксист разозлился в ответ на такой окрик: ему надоело кружить в путанице улиц.

— Я забыл взять каталог, — теперь уже умоляюще произнес лорд Петер. — Вечная моя рассеянность. Вы не против доставить меня на место?

— В Сэвил-клуб, сэр?

— Нет, на Пиккадилли, сто десять «а», и поскорее, если можно.

— Очень уж вы торопитесь, сэр, — обронил в сердцах водитель.

— По-моему, здесь неудобно поворачивать, — заметил лорд Петер. Его длинная добродушная физиономия под широкополой шляпой чем-то напоминала улитку, выглядывающую из своего домика.

Таксист, невзирая на стоящего рядом полисмена, чертыхаясь в душе, развернул машину...

Новый квартал, прекрасные дорогие квартиры. Именно здесь в одном из особняков, на втором этаже, напротив Грин-парка и проживал лорд Петер.

Войдя в дом, лорд услышал телефонный звонок.

— Кто это звонит, Бантер?

— Ваша матушка, и уже не первый раз. Я сказал, что вы уехали на аукцион.

— Спасибо, мой друг... Да, не попался ли вам каталог? Я оставил его, по всей вероятности, в спальне или где-то на письменном столе.

Не дожидаясь ответа, Вимси уселся к телефону.

— Алло, мама, это ты?

— О, наконец-то, дорогой! — раздалось в трубке. — Очень уж я соскучилась по тебе.

— Я только что прибыл с распродажи, хотел купить одну-две книги, но вернулся ни с чем. Как ты там?

— О, у нас такие странные события! — произнесла герцогиня-мать. — Расскажу по порядку. Ты знаешь коротышку Типса?

— Типса?! Конечно! Коротышка-архитектор. Он еще строил у нас церковную крышу. Так что с ним?

— Миссис Трогмортон только что была здесь, она в шоке.

— Прости, мамуля, плохо слышу. Миссис... какая?

— Трогмортон — жена викария.

— Ну и что же?

— Мистер Типс позвонил им этим утром. Он был приглашен викарием.

— И что?

— Он предупредил, что не может прийти, и был так взволнован, бедняга. Оказывается, в своей ванне он нашел труп.

— Прости, мамочка, не слышу, что нашел и где?

— Мертвое тело, дорогой, и прямо у себя в ванне.

— Что? Не вешай трубку. Алло, алло, это ты, матушка? Нас пытаются разьединить. Так что это за тело?

— Голый мертвец: на нем ничего не было, кроме пенсне. Миссис Трогмортон прямо вспыхнула, когда рассказывала об этом.

— Все как-то очень странно. Но его хотя бы кто-то опознал?

— Нет, дорогой. К тому же бедняга Типс не сообщил никаких подробностей, он в полном смятении. Сам понимаешь: уважаемый человек, и вдруг — полиция в доме. Тут любой растеряется.

— Бедный коротышка Типс! Как ужасно ему не повезло! Он, кажется, живет в районе Баттерси, не так ли?

— Да, дорогой. Квин Каролин Меншенс, пятьдесят девять, напротив парка. Я вот думаю, не забежишь ли ты к нему и не спросишь, не нужна ли наша помощь? Я ведь всегда к нему хорошо относилась.

— О, конечно, — согласился лорд Петер, усмехнувшись про себя.

Мамочка постоянно бывала самой главной помощницей в его пристрастии к криминальным расследованиям, хотя никогда не признавалась в этом.

— Когда все это произошло, мамуля?

— Тело обнаружено сегодня утром, но Типс о нем, думаю, не сразу сообщил викарию. Сама миссис Трогмортон появилась у меня перед ланчем, я предложила ей остаться. К счастью, дома никого не было, а то особа эта кого угодно изведет болтовней. Надоедлива — чистое наказание.

— Бедная ты моя старушка! Спасибо

за интересный рассказ. Я пошлю Бантера утешить несчастного. До встречи!

— БАНТЕР!

— Да.

— Я только что узнал, что всеми уважаемый архитектор обнаружил в своей ванне мертвеца.

— Неужели, милорд? Вот так удача!

— Еще бы, Бантер. Вы попали не в бровь, а прямо в глаз. Нашли каталог?

— Вот он.

— Спасибо. Теперь вот что. Поскольку мне срочно надо отбыть в Баттерси, я вас прошу поехать вместо меня на распродажу. Не теряйте времени. Я бы не хотел проворонить некоторые редкие издания 1493 и 1489 годов. К обеду вернуться.

— Все исполню.

— Возьмите мою машину и поторопитесь. Шофер не любит меня, а ради вас он полетит стрелой. Как вы думаете, прилично ли явиться к пострадавшему в таком щегольском пальто и высокой шляпе? — спросил сэр Петер, смотрясь в старинное зеркало на камине. — Он, чего доброго, не поймет, что я пришел к нему соболезновать, а примет меня за очередного заказчика. Нет, надену-ка я скромный серый костюм и шляпу в тон. Это будет гораздо лучше.

Лорд Петер направился в спальню переодеться, выбрал темно-серый галстук и тщательно завязал его, достал пару черных туфель, в боковой карман опустил монокль и взял великолепную трость с тяжелым серебряным набалдашником. Еще был прихвачен плоский, тоже серебряный, портсигар. Потом он глянул на часы: было уже без четверти три.

Лорд Петер сбежал по лестнице, крикнул такси и помчался в Баттерси-парк.

АЛЬФРЕД Типс — невысокий неврастеник, рано потерявший в борьбе с превратностями судьбы значительную часть волос. Отличительным делала его лицо огромная шишка под левой бровью.

Лорд Петер застал его чуть ли не в слезах.

— Вы, ваша светлость, добрейший человек, — запричитал он, быстро-быстро мигая маленькими глазками. — Никогда, никогда этого не забуду! И герцогиню Грейс тоже за ее чуткость. День, конечно, был ужасным, — добавил бедняга. — Полицейские в доме, и вообще... Мы с мамой всегда жили тихо, уединенно, и вдруг — такое свалилось! Хорошо, что моя родительница глухая и не все поняла, а то — что бы с ней было?!

Старая леди сидела возле камина и вязала. Взглянув на сына, она мрачновато кивнула:

— Я всегда говорила, что нужно следить за сантехникой, но при чем здесь полиция?! — громко, как все глухие, заговорила старушка.

— Видите ли, она поняла только то, что ванную закрыли и нельзя помыться, — извиняясь, пробормотал Типс. — Но я-то до сих пор в шоке, сэр. А поначалу и вообще голова пошла кругом. Не помню, как добрался до телефона и позвонил в полицию. К еде не прикасался весь день. Да и какая уж там еда! Как увидел это нагое ужасное тело в моей ванне, меня чуть не вывернуло наизнанку, сэр. Хорошо, что я в то утро послал служанку за бренди... Это мое правило — всегда иметь в доме бренди. Мало ли что!

— Весьма разумно, — заметил лорд Петер. — Вы дальновидный человек, мистер Типс. Глоток спиртного никогда не помешает... Кстати, ваша горничная — что вы можете сказать о ней?

— О, Глэдис — прекрасная девушка! Она, конечно, тоже была потрясена и ничего не понимала, но в критический момент оказалась весьма энергичной и находчивой. Считаю, что нам с мамой очень повезло: в наши дни нанять приличного человека... Правда, девушка иногда легкомысленна, забывчива, но это уже пустяки и вполне естественно для ее возраста. Она сокрушалась, что оставила открытым окно в ванную. Сначала я очень рассердился на такую рассеянность, но увидев, как она убивается, перестал ее ругать. Хотя... Вдруг бы влезли воры, раз окно открыто всю ночь? Нас могли убить прямо в постелях. Но вместо этого в ванне оказался мертвец. Саг, полицейский из Ярда, очень резко разговаривал с бедняжкой и окончательно перепугал ее. Такие грубые манеры я не мог стерпеть и сказал ему: "У вас есть право сомневаться насчет меня или Глэдис, инспектор, но грубости в моем доме я не потерплю!"

Когда мистер Типс это говорил, лысина его порозовела.

— Саг таков, я его знаю, — согласился лорд Петер. — Если не соображает, что сказать, то грубит. Чувь все это: вы и ваша горничная не собирались обзавестись трупом. Разве не понятно? Каждый нормальный человек в любой ситуации стремится поскорее распрощаться с покойником. Кстати, а вам уже это удалось?

— Нет, он все еще в ванне, — промямлил мистер Типс. — Инспектор велел до прихода полиции ничего не предпринимать. Жду их с минуты на минуту. Если интересуетесь, ваша светлость, можете взглянуть.

— Мне бы очень хотелось, если это, конечно, вас не затруднит, — сказал лорд Петер.

— Совсе нет, — заверил мистер Типс и повел гостя по коридору.

Поведение хозяина соответствовало ситуации: с одной стороны, он будто бы

гордился тем, что оказался в центре внимания, а с другой — был напуган причиной этого самого внимания. К тому же инспектор запретил ему показывать покойного кому-либо.

Ванная комната не представляла ничего особенного. Узкое длинное помещение с окном из матового стекла, достаточно широким, чтобы мог пролезть человек. Лорд Петер распахнул его и выглянул.

Квартира находилась на высоком первом этаже, в центре дома. Окно ванной выходило на задний дворик, занятый разными подсобными помещениями, гаражами, угольными ямами. Дальше шли небольшие частные садики. Справа возвышалось огромное здание больницы святого Луки, связанное подземным переходом с квартирой сэра Джулиана Фреке, главного врача хирургического отделения, о котором к тому же ходила слава тонкого психолога.

Всю эту информацию мистер Типс мгновенно обрушил на лорда Петера, стремясь хоть с кем-то поделиться несчастьем, излить душу.

— Этот доктор сам приходил утром посмотреть на покойника. А инспектор Саг думает, что тело сюда ради хохмы принес кто-то из новоиспеченных медиков, сотрудников больницы: у них же в анатомичке всегда есть трупы. Поэтому инспектор и отправился к сэру Джулиану спросить, не пропадал ли у них покойник. Доктор очень добросовестно перелистал книги записей умерших, зашел ко мне, осмотрел труп и сказал, что, к великому сожалению, не может ничем помочь. Из больницы ни одного мертвеца не исчезало. И вообще тот, что в моей ванне, не похож ни на одного из его бывших пациентов.

— И на нынешних, надеюсь, тоже? — вежливо подытожил лорд Петер.

От такого страшного намека мистер Типс побледнел.

— Я не слышал, как инспектор допрашивал доктора, но спаси и сохрани меня Бог, мне и в голову подобное не приходило!

— Однако если они все же потеряли

пациента, то могут найти его теперь. Давайте взглянем на тело, — предложил лорд Петер, вставляя монокль.

Он поднял простыню, покрывавшую ванну. Там лежал высокий тучный человек лет пятидесяти. Обращали на себя внимание крупные черты лица, длинный нос, тяжелый подбородок, гладко выбритые щеки, полные чувственные губы. Нижняя челюсть немного отвисла, обнажая потемневшие от курева зубы. На покойнике и впрямь ничего не было, кроме изящного золотого пенсне. Он лежал навтыжку. На руках, прижатых к телу, — ухоженные ногти. Тонкий запах духов исходил от него.

Лорд Петер поднял руку усопшего, слегка нахмурился:

— Вроде бы имеем дело с джентльменом, — пробормотал он. — Дорогие души, маникюр...

Наклонившись снова, он подsunул руки под голову покойника. Пенсне соскочило и упало в ванну. Хозяйина квартиры при этом передернуло.

— Извините, но вид его у меня вызывает тошноту, — промямлил мистер Типс и скрылся за дверью.

А лорд Петер тем временем приподнял тело и исследовал его от головы до пят. Затем он вытащил пенсне, внимательно осмотрел, надел на свой нос, поглядел. Потом снова пристроил пенсне на нос трупа, уложил его на прежнее место, в раздумье отошел к окну, но тут же вышел в коридор и вернулся к Типсу. Хозяин пригласил его выпить чашечку чая. Лорд Петер уже было согласился, однако, заметив карету скорой помощи, отказался. Он направился к выходу, распрощался с миссис Типс, попросил хозяина его не провожать. Выйдя из дому, он повернул к стоянке такси, заметив, как из кареты скорой помощи выскочил инспектор Саг с двумя констеблями. Инспектор заговорил с дежурным офицером и довольно подозрительно поглядел на сэра Петера.

“Старина Саг, — ласково про себя промолвил лорд, — милый потрепанный воробей! Как он ненавидит меня. И главное — непонятно почему..”

Глава 2

— **ОТЛИЧНАЯ** работа, Бантер, — промолвил лорд Петер, со вздохом опускаясь в роскошное кресло. — Я бы сам не мог купить ничего лучшего. К тому же

вы сэкономили немалые деньги, а это тоже большая удача. Что купить вам в награду? Может, для квартиры что-нибудь?

— Ну, если вашей светлости будет угодно, то пару бутылок выдержанного коньяка, пожалуйста.

— Со всем моим удовольствием, миленький, незаменимый старый мой телохранитель! Но у вас наверняка все-таки есть желание повесомее?

— Тогда двойной анастигмат с дополнительными линзами, — с дрожью в голосе проговорил Бантер. — И я бы мог отлично разбираться в отпечатках пальцев и разоблачить любой подлог.

— Ладно уж, разрешаю, купите, если так хочется.

— Спасибо большое, милорд!

— Покончили вы с уборкой?

— Не совсем еще.

— Когда все сделаете, возвращайтесь. Многого надо порассказать вам.

Раздался резкий звонок в дверь.

— Бантер, скажите, что меня нет дома, если там какая-нибудь пешка.

— Хорошо.

БИБЛИОТЕКА лорда Петера, выдержанная в черных и бледно-розовых тонах, была одним из самых замечательных холостяцких уголков в Лондоне. На стенах полки с раритетами, мягкие кресла и диван располагали к многочасовому отдыху. В углу стоял черный рояль, а рядом возвышался старомодный камин, старинные вазы пестрели красными и желтыми хризантемами. Для любого молодого человека, оказавшегося здесь в холодный серый ноябрьский день, все представлялось редким и даже сказочным.

— К нам мистер Паркер, милорд, — доложил Бантер.

При этом имени хозяин даже подпрыгнул от невероятного возбуждения.

— Мой дорогой, рад видеть вас. И что за зверски туманный вечер, не правда ли? Бантер, пожалуйста, крепкого кофе и сигар! Паркер, надеюсь, вы принесли нам что-нибудь интересенькое, вроде поджогов и убийств или того похуже? В такую гиблую погоду мы с Бантером попиваем от нечего делать. Я листаю томики Данте и Кекстона, купленные на распродаже, кстати, очень редкие экземпляры. А Бантер намеревается приобрести анастигмат, чтобы видеть все, что закрыто от невооруженного глаза. Это будет моим подарком ему, но пользоваться прибором будем мы оба... Послушайте, старина, вы должны помочь нам в одном дельце.

— А, знаю, вы были на Квин Каролин Меншенс. И я тоже. Встретил там Сага, и он рассказывал, что видел вас. Инспектор сердит и возмущен вашим вмешательством в это дело.

— Я предвидел, что так и получится. Ужас как люблю доводить старика. Ну и грубятина же он! И к девицам до сих пор неравнодушен. Я видел, как этот тухлявый пенек любезничал с Глэдис... А

198
между прочим, Паркер, вы-то что там делали?

— По правде говоря, мне захотелось осмотреть труп еврея в ванне мистера Типса. Подумалось, а вдруг это Рубен Леви?

— Сэр Рубен Леви? Подождите минутку. О нем я что-то слышал. Ах да! В газетной передовице значилось: "Таинственное исчезновение известного финансиста". Какие подробности? Я до конца не дочитал.

— Довольно странная история, хотя достоверного ничего не могу сообщить. Старик унес с собой свою тайну. Известно только, что в тот день он собирался на очень важное заседание финансистов, пахло миллиончиками. Деталей я и сам не знаю. У старика, конечно, были враги. Поэтому, как только до меня дошло известие о появлении незнакомца в ванне, я рванул туда, чтобы взглянуть на него. Однако покойник, на мой взгляд, весьма отдаленно напоминает сэра Леви, но тем не менее каких только чудес не бывает на белом свете. Старина Саг, узнав о пропавшем финансисте, тотчас дал телеграмму его жене, чтобы приехала опознать тело. И хотя шансы на нуле, инспектор подвел под дело целую теорию и продолжает стоять на своем.

— Саг — упрямый старый осел, похожий на детективов из чопорных романов. Финансиста я, конечно, не знаю, но тело видел и не думаю, что это мистер Леви. Как вы насчет бренди?

— Не против, но сначала хочу выслушать вашу версию, Вимси.

— Не возражаете, если Бантер будет при сем присутствовать? Это бесценный человек, полезный во всех отношениях. При любых обстоятельствах всегда на месте, не знаю даже, когда он спит, Бантер!

— Да, милорд.

— Перестаньте там возиться, идите сюда, приготовьте выпить и присоединяйтесь к нам.

— Сию минуту.

— Мистер Паркер принес нам занятную версию. Это — исчезнувший финансист. Отменная история!

— Боюсь, у меня маловато фактов, — сказал Паркер. — Сэр Рубен Леви прошлым вечером ужинал с тремя друзьями в "Ритце". После еды приятели отправились в театр, а Леви отказался идти с ними, сославшись на деловое свидание. Состоялось оно или нет, не знаю, но вернулся он домой на Парк Лейн, девять "а", в двенадцать часов.

— Кто видел его?

— Повариха, которая уже собиралась лечь в постель, заметила хозяина на лестнице. Он поднялся, снял пальто, поставил зонтик (прошлую ночь, вы помните, шел сильный дождь). Потом разделся и лег. На следующее утро его в постели не оказалось. Вот и все, —

резко оборвал себя Паркер и взмахнул рукой.

— Нет, не все, совсем не все, продолжайте, здесь только половина истории, — заметил лорд Петер.

— Больше я ничего не знаю. Разве что... Когда его слуга позвал хозяина, тот не откликнулся. Постель была смята, пижама и остальная одежда валялись в спальне скомканные, будто их владелец был сильно разгневан и швырялся в кого-то. Причем кругом валялась только та одежда, которую Леви постоянно носил. Остались следы утреннего туалета. Горничная в шесть спустилась вниз убрать холл. Она клянется, что никто не выходил. Остается предположить, что респектабельный еврей-финансист сошел с ума между двенадцатой ночи и шестью утра, выскользнув из дома в холодную ноябрьскую ночь, и превратился в невидимку, сбросив с себя все ненужное.

— Была ли входная дверь закрыта на задвижку?

— Заперт был только американский замок, поскольку некоторые из слуг ушли в театр. Сэр Рубен сознательно так поступил, чтобы женщины могли без осложнений вернуться в дом. Такое бывало и раньше.

— Теперь действительно все?

— Как будто да. Кроме разве еще одного крошечного обстояательства.

— В чем же дело?

— Хозяин и его жена — любящая пара. Они всегда спят в одной комнате. Но на этот раз леди Леви отсутствовала. Она занемогла и осталась в Ментоне. Без супруги сэр Леви ложится обычно всегда с одного края. Но в прошлую ночь он сложил вместе две подушки и улегся посреди кровати, скорее даже ближе к стене. Горничная, очень наблюдательная девица, сразу заметила это. Как настоящий детектив, она не коснулась постели и никому не разрешила дотрагиваться до нее.

— В доме никого не было, кроме сэра Рубена и слуг?

— Никого. Леди Леви уехала с дочерью и горничной. Слуга, повариха и несколько девушек-служанок оставались в доме. Естественно, они болтали, бездельничали и потихоньку сводили счеты друг с другом. Я пришел туда около десяти.

— И что же вы там так долго делали?

— Пытался найти какие-нибудь следы сэра Рубена с того времени, как повариха видела его в последний раз и до исчезновения.

— Объяснение может быть очень простым. Куда уходит среди ночи мужчина в отсутствие жены? Он даже мог предварительно переодеться.

— Вполне допустимый и даже почти единственно возможный вариант. Но вывод странный, Вимси. Известный в городе человек накануне важного заседания без всякого предупреждения ис-

чезает вдруг среди ночи, меняет одежду, оставляет часы, кошелек, чековую книжку и даже очки, без которых шагу не может ступить: финансист страшно близорук. Он...

— Это важное замечание. А вы уверены, что у него нет других?

— У сэра Леви неизменные привычки: только двое очков, одни постоянно на туалетном столике, другие в ящике письменного стола.

— Так вы считаете, что он сразу попал бы под машину при первом же переходе улицы?

— Но этого не произошло: я справлялся сегодня о несчастных случаях и могу, положа руку на сердце, заявить, что среди задавленных нет сэра Рубена. Кроме того, он взял с собой ключ — значит, намеревался вернуться.

— Вы видели людей, которые ужинали с ним?

— Двоих встретил в клубе. Они сказали, что Леви прекрасно себя чувствовал и настроение было отличное. Намеревался недельки через две после сделки ехать к жене, чтобы вместе отпраздновать Рождество. Говорил с большим энтузиазмом и о предстоящем совещании.

— Значит, в то время, около девяти часов, Леви не собирался никуда исчезать?

— Если даже у него и возникали какие-то соображения, их никто не смог бы отгадать: финансист был настоящим актером.

— Ну, Бантер, а что вы думаете по этому поводу?

— На мой взгляд, самое странное, что джентльмен, будучи настолько взволнованным или нездоровым, что не может сложить как обычно свою одежду, вспомнил, однако, о необходимости почистить зубы. Иногда на такие мелочи не обращают внимания.

— Если вы, Бантер, имеете в виду меня, — вскинулся лорд Петер, — то глубоко ошибаетесь. Потому что, наоборот, я слежу за каждой пустяковой, — и уже Паркер заметил: — Хотя вмешиваться не намерен, но спальню Леви завтра же утром обязательно осматрю.

— Конечно! А вдруг найдете нечто такое, чего я не заметил.

— Ну что вы, Паркер! Вы — честь и гордость Скотланд-Ярда! Когда сравниваю вас и Сага, то это ведь день и ночь. И как он только держится на службе?! Между прочим, каково его мнение относительно покойника?

— Саг говорит, — не торопясь, заметил Паркер, — что человек этот умер от удара по затылку. По крайней мере, таково заключение врача. С момента смерти не прошло и двух суток. Он заявил также, что убитый — состоятельный еврей лет пятидесяти и странно,

мол, думать, что труп внесен через окно, а никто этого не видел. Скорее,

незнакомец вошел в парадную дверь и был убит кем-нибудь из домашних. Саг арестовал девушку-служанку только за то, что она искоса поглядывала на крепкого и хорошо сложенного семита в ванне. Арестовал и Типса как свидетеля. И я не удивлюсь, если он возьмет под арест и старую глухую леди с ее клубками.

— Хорошо, что у малыша-архитектора есть много доводов для оправдания, — сказал лорд Петер. — Хотя, если вы захотите, то все его алиби полетят вверх тормашками. Постарайтесь подойти к делу серьезно, вы же не Саг. Действуйте с фактами в руках. Что вы сами думаете об умершем?

— Мыслей пока немного, я искренне озадачен. Несомненно, он богатый человек, но выбился из низов, и удача привалила ему сравнительно недавно.

— Вы заметили мозоли на руках?

— Да и на ногах старые потертости от дешевых ботинок и волдыри.

— Волка ноги кормят, — заметил лорд Петер. — Или вы другого мнения относительно волдырей?

— Право, не знаю. Человек мог их заработать, шатаясь целую ночь по предместьям. Возможно, последний поезд ушел, такси не было, а домой добраться надо.

— Всяко бывает.

— Есть небольшие царапины на спине и на одной из ног, не совсем понятно их происхождение.

— Я тоже заметил.

— А что вы думаете о них?

— Скажу после, продолжайте.

— Он очень близорук, страшно близорук для человека в расцвете лет. Очки как у старика. А на них великолепная цепочка из плоских звеньев, гравированная особым образом. По ней его можно было бы опознать.

— Я только что дал об этом объявление в "Таймс", — сказал лорд Петер.

— Эти очки незнакомец носил довольно долго. Дважды они были в починке.

— Bravo, Паркер, прекрасно. Понимаете важность этого замечания?

— Не особенно, а в чем дело?

— Потом, продолжайте.

— Человек, по-видимому, был угрюмым, с плохим характером: ногти его так коротко подпилены, будто он их сперва обкусывал. Курил незнакомец хорошие сигареты без фильтра. Внешность его заметная.

— Вы всю комнату осмотрели? Мне, к сожалению, не удалось.

— Отпечатков найдено немного. Саг и компания все захватили и не дали поговорить с беднягой Типсом и его горничной, но я заметил пластырь на затылке покойника.

— Пролетную ночь шел сильный дождь.

— Да, даже сажа на подоконнике почти смыта.

— Я это тоже, конечно, заметил, —

сказал Вимси. — Мы упорно вглядывались с Типсом, но ничего почти не осталось.

— Мы с Сагом обследовали землю за домом, — продолжал Паркер, — но следов никаких.

— Это интересно. А на крыше побывали?

— Нет. Завтра мы слазим и туда. На водосточном желобе обнаружены следы. Я замерил их очень тщательно.

— Есть еще какие-нибудь приметы?

— Вроде бы нет. Изложите теперь свою версию, Вимси.

— Думаю, что вы уже многого достигли. Только дважды противоречите себе. Например, у человека дорогое с золотой цепью пенсне, за которым он тщательно следит и уже дважды чинил. А с другой стороны, у него же — желтые, нечищенные зубы. В полости рта не хватает аж семи зубов, да еще спереди один наполовину сломан. Голова и ногти умершего говорят о том, что он следил за своей внешностью... Как же совместить все это?

— Простолюдины не интересуются зубами и избегают дантистов.

— Правильно, но край одного зуба был такой острый, что поранил язык, а это очень больно. Тут каждый побежит к зубному врачу, разве не так?

— Люди мы все разные, знавал я таких, которые даже в полубоморочном состоянии не обращались к доктору. Как отреагируете на такое, Вимси?

— Меня занимает следующее: джентльмен, надушенный дорогими духами, с маникюром — и нематыми ушами, забытыми серой...

— Вы внимательнее меня, Вимси. Я и не заметил.

— И еще. Человек с набриолиненной головой и маникюром страдал от блох.

— Боже праведный, да вы молодчина, сэр Петер! Укусы блох, никогда бы не додумался.

— Но это же ясно, старина! Следы хоть довольно слабые, но несомненные.

— Конечно, теперь вы сообщите о своем открытии? Мало ли что случается с людьми.

— Прибавьте к упомянутым уликам и еще одну — сильный запах карболового мыла, исходящий от тела, который сохранился более суток.

— Карболкой как раз избавляются от блох!

— Приплюсуйте и следующее: безобразно черные, нестриженные ногти на ногах.

— У каждого есть свои странности.

— Да, но что-то их набирается слишком много! И последнее: приличный джентльмен забирается в дождливую ночь в квартиру через окно, будучи уже минимум двадцать четыре часа мертвым, спокойно укладывается в ванну мистера Типса, одетый, как Адам, но в пенсне. Волосы на голове недавно ост-

рижены под ноль, а остатки видны на шее и на стенках ванны. Побрит он тоже недавно: на щеке остался маленький след.

— Вимси!

— Подождите еще минутку — высохшее мыло и во рту!

Бантер даже приподнялся, восторгаясь детективными способностями хозяйина.

— Еще немного бренди, сэръ? — проговорил он.

— Вимси, — сказал Паркер, — меня что-то знобит от ваших рассказов. — Он допил стакан, покрутил в руке, словно удивляясь, что тот пуст, подошел к книжному шкафу и прислонился к нему спиной. — Послушайте, друг мой, вы начитались детективных романов и теперь выдаете всю эту чепуху?

— Совсем нет. Разве наши обстоятельства неподходящи для криминаль-

ной истории? Мы такую и выдадим, а Бантер проиллюстрирует фотографии. Мыло — это еще пустяки. У него была борода!

Вслед за лордом Паркер поднес к свету и внимательно рассмотрел сквозь лупу один из волосков, потом передал его Бантеру.

— Может, хотите сказать, Вимси, если человек бреет бороду и его в этот момент убивают, то рот остается полон волос?

— Я так не говорил, — запротестовал лорд Петер. — У вас, полицейских, слишком прагматичный ум. Его побили после того, как убили! Разве не так? Небольшая работа для парикмахера, правда? Сядьте и не упрямитесь. На войне еще и не такое случалось. Я за криминальные истории, в которых присутствует воображение. Вот этим я наслаждаюсь, Паркер.

Глава 3

ЛОРД ПЕТЕР доиграл сонату Скарлатти и сел, задумчиво рассматривая собственные руки. Длинные пальцы не отличались изяществом: суставы были плоские, широкие, а сами кончики почти квадратными. Когда он играл, довольно суровые серые глаза смягчались. Лицо его казалось бы приятным, если б не упрямо выступающий вперед подбородок и слишком большой лоб, обрамленный густыми, как пакля, волосами.

— Что за великолепный инструмент, — сказал Паркер.

— Он, конечно, неплох, — согласился лорд Петер, — но для Скарлатти нужен клавесин. Пианино — совсем не то. А как наши дела, Паркер? Пришли к какому-нибудь заключению?

— Мужчина в ванне, судя по внешности, небогатый человек. Это трудяга, потерявший в настоящее время работу, в поисках которой и нашел себе погибель. Кто-то его убил, напоядил, побрил, чтобы скрыть происхождение, положил в ванну Типса, не оставив и следа. Вывод таков: убийца — силач, если смог одним ударом по затылку свалить человека. Это не только ледяное сердце, но и острый ум: он нигде не выдал себя. Он богат и даже утончен, судя по туалетным принадлежностям, оказавшимся у него под рукой. Это человек со странным и даже извращенным воображением: убитый положен

им в ванну совершенно голым, но в пенсне.

— Да это просто поэт! — воскликнул Вимси. — И между прочим, вопрос о пенсне выяснился. Очевидно, оно никогда не принадлежало покойнику. Пока утверждать что-либо определенное здесь трудно. Было бы странным, если б такой предусмотрительный убийца оставил пенсне в качестве улики.

— Можно уповать на другое: он обладал чувством юмора.

— Довольно-таки мрачный юмор!

— Конечно, тип, пытающийся хохмить при таких обстоятельствах, — ужасен!

— Интересно, что он делал с несчастным до того, как убил и поместил в ванну бедняги Типса? Возникает и еще много вопросов. Например, как он волок труп? Были ли у него помощники? Почему выбрал Типса для такой, мягко говоря, странной шутки? Причастен ли к делу сам хозяин квартиры или девушка-служанка? Имел ли Типс врагов? Кто с ним живет по соседству? Должны же быть какие-нибудь мотивы преступления?

— Возможно, мы имеем дело с сумасшедшим, — проговорил с сомнением Паркер.

— Очень уж странный этот ненормальный, не сделавший ни одной промашки, разве только оставил волосы во рту покойника.

Неожиданно зазвонил телефон.

Молчавший до сих пор Бантер подошел.

— Это старая леди, милорд. Она глуха, и я не могу ей ничего растолковать, но спрашивает она вас.

Лорд Петер схватил трубку и завопил в нее что есть мочи: «Алло!». Потом слушал несколько минут с улыбкой. Физиономия его выражала удовлетворение. Наконец он несколько раз гаркнул: «Отлично, отлично!» — и повесил трубку.

— Боже милосердный, — наконец проговорил лорд, сияя. — Старая перещница! Глуха как пень эта миссис Типс, и каково с ней говорить по телефону! Бестолковый Саг арестовал коротышку Типса, и старая леди встала на защиту сыночка. Перед уходом тот успел ей крикнуть: «Позвони лорду Петеру Вимси». И старушенция не оробела, порылась в телефонной книге, подняла соседей на помощь и обратилась ко мне за консультацией: что ей делать в данной ситуации? Она заявила, что чувствует себя в безопасности, рассчитывая на поддержку настоящего джентльмена. О, Паркер, Паркер! Я бы даже расцеловал старушенцию за такую рекламу. А пока, не теряя времени, отправимся на поиски и к завтрашнему утру разузнаем, кто этот блуждающий по чужим ваннам еврей. Бантер, мои ботинки! И вам, Паркер, я советовал бы сменить свои на каучуке, в подобных ситуациях они не годятся. Необходимы перчатки, не так ли? Здесь они. Моя палка, фонарик, черная краска, форцепс, нож, коробка для пилюль — вот, пожалуйста, и все.

— Готово, милорд!

— Ну, Бантер, полагаюсь на вас. А что деньги, которые получил, в порядке? Замечательно! Вы готовы, Паркер? Тогда пошли!

И они спустились по лестнице, а Бантер аккуратно погасил в доме свет.

... КОГДА НАШИ знакомцы вышли на довольно слабо освещенную Пикадилли, Вимси, вдруг негромко вскрикнув, остановился.

— Подождите секундочку! Мне только что пришло сейчас в голову: если Саг все еще в квартире Типса, он может наделать глупостей. Придется нам идти напролом.

Они быстро поймали такси и помчались на Квин Каролин Меншенс. Как и предполагал лорд Петер, инспектор на пару с подчиненным ему цербером перетряхивал дом. Свое появление Вимси объяснил кратко: «Приехал навестить старую миссис Типс по просьбе ее сына».

— Что ж, помогите ей! — рявкнул инспектор Саг. — Если вы только ради этого прикатили.

— Послушайте, инспектор, зачем

вам чинить мне всяческие препятствия? Будет гораздо лучше, если вы доверитесь мне и дадите распутать клубок до конца. Надеюсь, вы не считаете, что я хочу вырвать кусок у вас изо рта?

— Мой долг не пускать сюда посторонних, — заметил инспектор, насупившись.

— Да разве я говорю что-нибудь публике?! Конечно, осторожность делу не помешает, но и не надо излишне трястись.

— Мне незачем и некогда болтать с вами, — бесцеремонно заявил инспектор. — Можете пройти и переговорить с этой старой дурой, если она не оглушит вас своими воплями.

Неожиданно появился констебль:

— Звонили из Скотланд-Ярда, сэр, — кашлянув в кулак, проговорил он. — Главный приказал не чинить препятствий лорду Петеру Вимси, сэр. — И он отошел в сторону, преданно глядя в глаза Сагу.

— Мир не без добрых людей! — приободрившись, выпалил лорд Петер. — Ваш главный — хороший друг моей мамочки, я забыл совсем. Но не волнуйтесь, Саг, все будет в целости и сохранности, дом этот я с собой не унесу...

Тело уже вывезли несколько часов тому назад. Вся квартира, и особенно ванная, была многократно осмотрена и сфотографирована. Старуха-хозяйка миссис Типс осталась одна. В остальных квартирах дома обитало еще семь семейств, многие из которых в это время года любили выезжать за границу. На третьем этаже оставалась на месте лишь чрезвычайно респектабельная супружеская пара, для которой случившееся с Типсом было громом среди ясного неба. При появлении лорда Петера миссис Эплдор с трудом удалось успокоить совершенно растерявшегося мужа.

— Простите, боюсь, нам ни к чему вмешиваться в подобные дела, — заявила женщина. — Все выглядит слишком неприглядно, мистер... Извините, не запомнила вашего имени. И кроме того, мы никогда не связываемся с полицией. Конечно, я думаю, эти Типсы совершенно невиновны, им просто жутко не повезло. Но обстоятельства таковы, что мы все невольно оказываемся под подозрением и можем быть обвинены в чем угодно вами, юный мистер...

— Это лорд Петер Вимси, дорогая, — проговорил ее супруг.

— Ах да, по-моему, вы, юноша, дальний родственник моего младшего кузена — епископа из Карисбрука. Бедняга, его всегда считали мошенником. Он так и умер, не узнав лучшей доли. Мне даже кажется — вы похожи на него, лорд Петер.

— Сомневаюсь, слишком дальняя родня. Как говорится — седьмая вода на киселе. Однако все бывает. Извините, пожалуйста, леди, что я вторгся к вам

среди ночи. Хотя, коль мы в родстве, между родственниками любое возможно и прощительно. Так вот, я понимаю, что самое лучшее — это увезти миссис Типс к моей мамаше. Но если вы хотите проявить христианское милосердие, могу оставить ее у вас. Нет? Что ж, доброй ночи.

— Наконец-то! — процедила миссис Эплдор, когда дверь за гостем захлопнулась.

В ДВА ЧАСА дня лорд Петер на машине друга подкатил к дому в Денвере в компании старой леди и ее еще более древней дорожной сумки.

— Рада видеть тебя, дорогой, — безмятежно проворковала мамочка-герцогиня.

Это была маленькая полная женщина с копной прекрасных белых волос и с изнеженными ручками. Внешне мать и сын не походили друг на друга, зато по характеру — очень. Ее черные глазки весело подмигивали, а в движениях чувствовалась решительность.

Теперь она с удовольствием наблюдала, с какой жадностью поглощал холодное мясо и сыр ее ненаглядный сыночек, делая вид, будто ничего не произошло, а его появление тут — обыкновенный долг вежливости.

— Старая леди уже в постели? — наконец спросил лорд Петер.

— О да, дорогой. Такая ненормальная старуха, не правда ли? И очень смелая. Она мне сказала, что никогда раньше не ездила в автомашине. О тебе, миленький, миссис самого лучшего мнения. Она ценит внимание, которое было ей оказано. Ты напомнил ей ее собственного сына. Бедный коротышка Типс! Неужели твой друг инспектор думает, что он способен убить кого-либо?

— Мой друг? Нет уж, избавь нас от таких друзей! Мамуля, необходимо доказать, что человек в ванне мистера Типса — это сэр Рубен Леви, при таинственных обстоятельствах исчезнувший вчера ночью из дому. Версия должна быть такой: пропал среднего возраста голый джентльмен из района Парк Лейн. И мы нашли точно такого же в Баттерси. Значит, это один и тот же человек, что и требовалось доказать. Вот причина злоключений мистера Типса.

— Ты очень категоричен, мой дружок. Но при чем тут мистер Типс?

— Саг должен же был кого-то арестовать, — сказал лорд Петер. — Есть и еще одна небольшая зацепка, но она, по моему, не срывает. Вчера вечером, что-то около 9.15, некая молодая особа появилась на Баттерси. Тут она увидела джентльмена в меховом пальто и высокой шляпе под зонтиком, который читал названия улиц. Незнакомец потоптался на месте, а наша не страдающая излишней скромностью девица подо-

шла к нему и завела разговор. Тут-то он и спросил: не выйдет ли в этом направлении на Дорогу принца Уэльского? Она сказала, что выйдет, но в шутовой манере поинтересовалась, что делает здесь джентльмен в столь поздний час и не лучше ли зайти к ней в гости? Тот поблагодарил и отказался, ссылаясь на предстоящее деловое свидание. Он пошел своей дорогой, а та еще некоторое время глядела ему вслед, пока к ней не подошел дружок, который и сказал, мол, не трать зря время на этого Леви. Они, оказывается, были знакомы с тех времен, когда девицы определенного поведения окрестили Леви неподкупным джентльменом. Всю эту историю она выложила инспектору, желая облегчить душу. Разумеется, всю предыдущую ночь шельма и думать не думала о ней, а спохватилась лишь утром, когда молочник рассказал о случившемся на Квин Каролин Меншенс. Интересно и вот еще что. Разволновавшись, девица метнулась в полицию, и первое, о чем спросила, было: "Погибший с бородой?". А когда ей ответили, что безбородый, она облегченно воскликнула: "Значит, это не он!". "Не кто?", — переспросил ее Саг и отправил в кутузку. Инспектор, конечно, в восторге от ее росказней, но заодно с ней он прихватил и Типса.

— Надеюсь, у этой девушки не будет неприятностей, дорогой? — спросила герцогиня.

— Не должно быть, — ответил лорд Петер. — Если она не будет повторять глупостей того же Типса. Узнал я об этом также от Сага, несмотря на то, что инспектор старался побольше молчать. Типс что-то запутался во времени своего возвращения из Манчестера. Сначала сказал, что дома был в 10.30, потом — вроде в 11.45. Ему пришлось объяснить, на какой все-таки поезд он сел и почему не сходятся концы с концами в его ответах. А дальше — Саг сделал запрос на станцию Панкрас и узнал, что Типс там в 10 часов оставил в камере хранения сумку. Тогда его снова допросили, и он заявил, что потратил время, чтобы встретить друга, с которым увидеться не удалось. Однако Типс не смог толком объяснить, почему не вернулся за своей сумкой и откуда у него на лбу синяк. Фактически он никак себя не защитил. Снова допросили служанку Глэдис Хорракс, которая показала, будто бы хозяин вернулся в 10.30. Но потом стала говорить, что не слышала, когда он вошел. То слышала, то не слышала. Вместо внятного ответа разревелась. Ну и ее задержали тоже.

— Ты, дорогой, все бесстрастно разложил по полочкам, а бедняга Типс, наверное, волосы на себе рвет.

— Интересно, что он делал на станции? Не думаю, конечно, что этот коротышка — убийца.

— Все очень запутано, сынок. И с

бедным сэром Рубеном такая неприятность. Придется черкнуть несколько слов леди Леви. Я ее очень близко знала в Хемпшире, когда она была еще ребенком. Тогда ее звали Кристиной Форд. Помню, как болезненно приняла семья ее выход замуж за еврея. У него тогда деньги еще не водились, конечно. Нефтяной бизнес начался потом, уже в Америке. Родители хотели выдать дочь за Джулиана Фреке, своего хорошего знакомого. Однако девица влюбилась в мистера Леви и бежала с ним. Он был очень хорош, смахивал на иностранца. Форды ни за что не соглашались на брак, не признавали его веры. В наши дни все смешалось, и он мог выдать себя за кого угодно, как, например, мистер Симонс, который хвастал всегда своим «итальянским» носом, а жена его звалась ла Белла Симонетта, не замечая, как это выглядит глупо и неправдоподобно. Не знаю, по-моему, евреи — неплохие люди, хотя довольно странно, что они не работают по субботам, устраивают обрезание бедным малюткам, не едят сала и дают детям такие смешные имена, которые и произнести-то невозможно — язык сломаешь. Лучше бы Кристина вышла замуж за Фреке, он ведь так ее любил, и семья была бы довольна. Кстати, он до сих пор так и не женился, и живет сейчас

один в большом доме около больницы. Он очень богат, и многие сватались к нему. А с другой стороны — какой семейной жизни ждать от хирурга: он ведь постоянно занят, ты же знаешь, дорогой.

— Леди Леви удалось снова сойтись с семьей, несмотря на упрямство самого Леви, — заметил лорд Петер.

— Да, она всегда была умница и красавица. Говорят, дочь как две капли воды похожа на нее. Когда Кристина вышла замуж, я потеряла их из виду. Ты помнишь, твой отец не жаловал дельцов. Потом я снова их встретила, это была великолепная пара. Мистер Леви предан семейству и давно не выезжал за границу.

— Да, я знаю. Однако у него теперь наверняка появились враги.

— И немало, сынок! Разве Сити не ужасное место, а? Куча иноверцев собралась вместе, хотя сэру Рубену не понравилось бы такое определение.

Лорд Петер рассмеялся и зевнул.

— Исчезну-ка я на часок-другой, а вернусь в город к восьми: Паркер придет ужинать.

— Позабочусь, сыночек, об ужине к половине восьмого. Надеюсь, все тебе придется по вкусу, а в кровать велю положить грелку: простыни бывают такие холодные.

Глава 4

— ИТАК, продолжим, Паркер, — сказал лорд Петер, отодвинув пустую чашку и закуриив трубку. — Может, вы ухватили какую-нибудь ниточку в деле с ванной?

— Нет, но я побывал на крыше этим утром.

— Господи помилуй, какой же дьявол подталкивает вас! Послушайте, Паркер, мне кажется, если будем работать вместе, то быстрее дойдем до истины. Ведь не зря говорится: одна голова хорошо, а две лучше... Ну? Выискали что-нибудь?

— Кое-что, но не густо. Конечно, нашел какие-то следы, но вы ведь знаете — был страшный ливень. Если бы мы писали детективный роман, то дождь прошел бы за час до преступления и следы были бы отчетливо видны, но здесь обычная лондонская жизнь в конце ноября, а это почти то же самое, что искать следы в Ниагарском водопаде. Я буквально обнюхал всю крышу и при-

шел к заключению, что некий человек, пробравшись через крышу, доставил тело именно так.

— Поясните.

Паркер достал несколько листов, разложил их перед другом:

— Вот это след на водосточной трубе как раз над окном ванной Типса. Этот — на трещине каменного парапета под тем окном. А здесь — они видны позади дымовой трубы. Что скажете?

Лорд Петер опустил лупу:

— Интересно. Чрезвычайно занимательно. Вы сфотографировали их, Бантер? — спросил он вошедшего с корреспонденцией своего исполнительного слугу и помощника.

— Да, милорд.

— Видно хорошо?

— Не знаю, как вам сказать, сейчас принесу, посмотрите сами.

— Давайте сюда, — сказал Вимси. — Ага! Вот и наше объяснение в «Таймс», о золотой запяточке. Выглядит оно весь-

ма внушительно: "Пишите, звоните или посетите Пиккадилли, 110 „а".

— Уж не думаете ли вы, что человек, который повесил цепочку на мертвеца, придет и будет требовать ее обратно? — не без иронии заметил детектив.

— Я же не слабоумный, — и нотка подлинного аристократизма прозвучала в голосе лорда. — Так я искал ювелира, который продал цепочку. Понятно?

И Петер Вимси указал на фотографию.

— Цепочка вовсе не старинная и мало ношена. О, спасибо, Бантер. Посмотрите сюда, Паркер, вот отпечатки пальцев, которые вы вчера заметили, они были на подоконнике и в дальнем углу ванной. Я рассмотрел их.

И все трое уставились на снимки.

— Преступник влезал в сырую погоду на трубу и не измазал пальцев в саже, такое вряд ли возможно. Кроме одного варианта: он перенес тело в ванну, стер все следы, случайно сохранились только два, которые были любезно оставлены, чтобы помочь в нашей работе. По грязному пятну на полу можно определить, что на убийце были резиновые индийские ботинки, а по отпечаткам на стенке ванны — что количество пальцев у него обычное, а на руках резиновые перчатки. Вот какой это человек. Шутки в сторону, джентльмены.

Лорд принялся исследовать нитку, которую держал в руках, и неожиданно присвистнул:

— Она вырвана из грубой хлопчатобумажной ткани или даже из веревки.

— Да, — согласился Паркер.

— Как вы считаете, такой ниткой, только подлиннее и крепче, можно удавить человека?

Лорд замолчал, а его продолговатые глаза еще больше сузились и как бы спрятались за завесой табачного дыма.

— Что намереваетесь делать с утра? — спросил Паркер.

— Думаю помочь вам. Давайте движем в Парк Лейн и посмотрим, какие следы оставил прошлой ночью у себя на кровати сэр Рубен Леви.

— А ТЕПЕРЬ, миссис Пемминг, будьте так добры, дайте мне одеяло, — пробормотал Бантер, спускаясь в кухню. — Завесьте, пожалуйста, простыней окно так, чтобы никаких помех — мы будем здесь работать.

Повариха сэра Леви, увидев джентльменскую внешность и хорошо сшитый костюм незнакомца, тут же принялась за дело.

Гость же тем временем поставил на стол корзинку, в которой оказалась бутылка с водой, посеребренная щетка для волос, пара ботинок, небольшой рулон линолеума и книга в сафьяновом переплете. Потом он добавил к своей коллекции зонтик, шапnapar вперед, толкнув тяжелый фотоаппарат рядом с

кухонной плитой, расстелил газету на столе, начал засучивать рукава и надевать хирургические перчатки. В этот момент вошел слуга сэра Леви — Гравес. Застав гостя за таким занятием, он посмотрел на горничную, оказавшуюся здесь и критически осматривавшую аппарат. Мистер Бантер приветливо кивнул вошедшему, на ходу откупоривая бутылку с серым порошком.

— Станный тип ваш лорд, не так ли? — беззлобно заметил Гравес.

— Конечно, большой оригинал, — согласился Бантер. — А теперь, миленькая, постарайся высыпать немного серого порошка на этот ботинок. Спасибо, мисс. Как вас зовут? Прис? Но у вас же есть и другое имя, помимо Прис, не так ли? Мабл, да? А с ним связано много хорошего. Например, у вас, мисс Мабл, твердая рука. Видите это? Отпечатки трех пальцев тут и чуть ниже еще двух. Нет, не дотрагивайтесь, дорогуша, иначе вы сотрете их. А теперь, мисс Мабл, возьмите щетку. Вы же, миссис Пемминг, приподнимите эту щетку за волосики. А теперь вы, мистер Гравес, придвиньте лампу, но ни в коем случае не касайтесь книги.

— Неужели вам всякий раз приходится копаться в мусоре? — полюбопытствовал Гравес.

— Иногда да, — ответил Бантер и обратился к слуге за помощью. — Будьте добры, подержите линолеум за один конец. А я подниму за другой. Мисс Мабл развернет его. Да и ваша, мистер Гравес, работа камердинера тоже не из самых приятных. На ногах с утра до ночи, богатые об этом совсем не думают.

— Странно вы рассуждаете, — заметил слуга. — Конечно, Фигаро здесь, Фигаро там — зато определенное благополучие, домашняя жизнь, регулярное питание, приличная, респектабельная семья. А это немало. Правда, раньше я не служил в еврейских семьях, но сэр Рубен отличает хорошие манеры, а моя хозяйка и вообще из рода Фордов. Оба они — весьма значительные люди.

— Согласен с вами, мистер Гравес. Мы с лордом никогда не были узколобыми. И я всегда утверждал: качества человека не зависят от национальности. Например, ваш сэр Рубен — очень богат и все же скромнен. Не так ли?

— Действительно, совсем прост, — добавила повариха. — Сами супруги и их дочь, мисс Рахиль,нисколько не требовательны в еде, и если бы не гости, то мне вообще не пришлось бы показывать свое искусство.

Мистер Бантер понимающе кивнул и начал с помощью горничной прикреплять простыню к окну.

— Порядок, — проговорил он. — А теперь, миссис Пемминг, если вы положите на одеяло вешалку для полотенца, буду вам весьма благодарен. Ах! И мне бы очень хотелось, чтобы мой

хозяин и друг лорд Вимси никогда не беспокоил меня среди ночи, а получается, что иногда я сижу до двух, до трех и даже до четырех утра, чтобы соответствовать его "шерлокхолмсовским" увлечениям. Порой приходится тащиться с ним через всю страну. А уж какую грязь он приносит на одежде и обуви!..

— А по-моему, это свинство так себя вести, — осторожно произнесла миссис Пемминг. — Даже полицейская служба вашего лорда тут ничего не меняет.

— Трудная служба, ничего не скажешь, — заметил Бантер, изображая из себя благородную жертву.

— У сэра Рубена куда проще, — сказал Гравес. — К тому же он никогда не расстается с зазубренными с детства похвальными привычками: одежду складывает аккуратно, обувь всегда ставит ровненько, чтобы утром ничего не искать. Только в прошлую ночь башмаки почему-то оказались не на месте.

— Сэр Рубен всегда заботился о других. Ах! Надеюсь с ним ничего не случилось? — запричитала повариха.

— По всей вероятности, нет.

— Бедняга хозяин, — не унималась она. — Говорят, он ушел украдкой и собирався сделать что-то предсудительное. Никогда в это не поверю, мистер Бантер. Никогда, даже если бы меня распыли!

— Что ж, — сказал Бантер, — в жизни всякое бывает, иногда самое неожиданное.

КОГДА лорд Петер возился в спальне мистера Леви, проверяя размеры нательного белья хозяина, дверь неожиданно отворилась.

— В вас сидит, наверное, упрямый шотландец, Паркер? — с горькой иронией спросил лорд Петер.

— Совсем нет, а из чего вы так заключили?

— Из ваших постоянных придирок, осторожности, дьявольского хладнокровия и этой бульдожьей полицейской хватки — без энтузиазма и капли воображения.

— А по-моему, бессмысленно сразу делать какие-либо выводы.

— Ничего себе сразу! Даже если вы застанете кошку на месте преступления — ее голова будет в кувшине со сметаной, — то и тогда скажете, что, возможно, кувшин-то был уже пуст, — и лорд Петер, вложив монокль в глаз, наклонился над подушкой. — Дайте мне пинцет и не дышите, как паровоз, уничтожите все улики.

И он завис над чем-то почти невидимым.

— Что это? — спросил Паркер.

— Волос, — проговорил Вимси. — А теперь давайте осмотрим шляпы Леви, согласны?

Появившийся в спальне слуга был удивлен, увидя лорда Петера, ползая-

щего по полу на коленях перед грудой шляп хозяина.

— Вот девять шляп и три цилиндра. Можете ли вы, Гравес, подтвердить, что все они принадлежат сэру Рубену Леви? Не отрицаете? Хорошо. У меня еще к вам вопрос: какую из шляп надевал хозяин в ночь исчезновения? А впрочем, я догадался сам. Так как он собирався ужинать в "Ритце", то, наверное, надел цилиндр. Загадка решена?

— Вы правы, милорд, — проговорил без энтузиазма слуга.

— Спасибо. Это все, что требовалось доказать. Попросите сюда Бантера. А, вот и он сам! Дружище, гляньте-ка.

— Я только что был внизу и общался там с прислугой. Теперь у меня есть отпечатки каждого.

— Помогите, Христа ради, Бантер, мы с мистером Паркером все время препираемся. И заодно покажите, что обнаружили.

— К сожалению, фотографий у меня пока нет, но есть кое-что интересное. На столике лежала записная книжка и на ней отпечатки со шрамом на большом пальце правой руки только одного человека, которого легко опознать. На щетке для волос то же самое. Зонттик, стакан для полоскания рта, ботинки имеют две пары отпечатков: руки со шрамом — сэра Рубена, и каких-то пятен сверху. Скорее всего, это следы резиновых перчаток. Увидите сами, когда проявлю пленку. На линолеуме перед умывальником вместе со следами башмаков сэра Рубена есть другие — меньших размеров, и, скорее всего, они принадлежат...

— Неужели бандит ошибся? Нет! Он не мог этого сделать, — воскликнул лорд Петер. — Когда мыли полы в последний раз, Бантер?

— В понедельник утром. Горничная утверждает, что это сделала она, но в доме ведь есть еще слуги...

— А что я вам говорил, Паркер? Он не осмелился причесаться щеткой хозяина дома, и прекрасно! Но с цилиндром ему все-таки пришлось рискнуть, так как преступник понимал: джентльмен не вернется ночью в дождь домой без шляпы. Посмотрите-ка! Что мы обнаружили? Отпечатки пальцев двух людей на всем, кроме записной книжки и щетки для волос. Разные отпечатки ног на линолеуме и разноцветные волосы на шляпе!

Лорд поднес к свету цилиндр и пинцетом извлек находку.

— Вот они — черные и рыжевато-каштановые в том самом цилиндре, выбранном для ночной прогулки. А на подушке, которая оказалась на необычном месте, только один рыжеватый волосок. Все это меня просто умиляет.

— Вы хотите сказать... — начал медленно Паркер.

— Вот именно! — оборвал его лорд. —

Человек, которого видела на лестнице прошлой ночью повариха, вовсе не сэр Рубен Леви, а некто другой, возможно, двумя дюймами ниже хозяина дома. Он явился сюда в одежде сэра Леви и с ключом от его замка. О, это нахальный старый дьявол, Паркер! На нем были ботинки Леви, он стремился ничем от него не отличаться. На руках — резиновые перчатки. Он делал все, чтобы мы подумали: Леви спал здесь прошлую ночь. Хитрец прошел наверх, разделся, даже умылся и почистил зубы, но причесаться щеткой сэра Леви не решился, боясь оставить на ней рыжие волосы. Кровать должна была выглядеть так, будто на ней спали, и он улегся туда в пижаме своей жертвы. А рано утром, между двумя и тремя, когда все спят, переоделся в принесенную с собой собственную одежду и спустился по лестнице. Если бы кто-нибудь проснулся, преступник проиграл бы, но этот наглец рисковал, зная, что в такие часы сон, как правило, самый крепкий. Он открыл дверь на улицу — нет ли поблизости пешехода или полицейского? — и быстро вышел. Через несколько минут он уже был в Гайд Парк Корнер. А дальше... — Лорд сделал паузу. — Он уже ничем не рисковал, хотя само мероприятие было крайне опасным. Сэр Рубен Леви вряд ли был похищен ради какой-то глупой шутки, скорее, этот рыжий убил его.

— Дорогой мой! — воскликнул детектив. — Вы заранее уж очень драматизируете событие.

Лорд Петер устало провел рукой по волосам.

— Ну, дружок, по аналогии мне в голову пришла одна детская довольно бессмысленная песенка. В ней говорилось, как некий старик танцевал кадрили с вороном, но это абсурдно — возиться с птицей, и старикана укукошили.

— В нашем деле имеется тоже старик, который похищен, возможно, в шутку или сам решил свести счеты с жизнью, что еще нелепее.

— А знаете, Паркер, меня перестает занимать это дело.

— Которое из двух?

— Да оба. Я говорю себе: знаешь что, Петер, иди-ка ты спокойно домой, позавтракай и отправляйся в Колизей.

— Можете, конечно, если хотите, — заметил детектив, — но вы забыли: для меня-то ведь это кусок хлеба.

— Ладно, а что же дальше? Что предпримете в моем деле? — спросил лорд Петер.

— Примусь упорно за работу, — заявил Паркер. — Сагу, между прочим, насколько не доверяю. Надо подробно познакомиться с семьями, даже с каждым жильцом дома на Квин Каролин Меншенс. Исследую все закоулки, заведу с каждым разговор, вверну неожиданно "тело", "пенсне", и увижу реакцию.

— Ладно, покопайтесь в своем деле, а я — в своем. Потом обменяемся, — с усмешкой проронил лорд.

Паркер ухмыльнулся.

— Не надеюсь, что вы будете особенно стараться. Для вас это просто занятное времяпровождение, а не работа, Вимси. А как насчет завтрака?

— Меня уже пригласили, — буркнул лорд Петер. — Побегу в клуб. Неужели нас с Фредди Арбатнотом не накормят там? — И он, посвистывая, двинулся вниз по лестнице.

А детектив принялся упорно рыться в газетах, ища сообщения о сэре Леви. Для поднятия настроения он закусывал бутербродами с ветчиной, которые запивал легким вином.

ЛОРД ПЕТЕР и уважаемый Фредди Арбатнот просматривали вместе рекламы прогулочной одежды в гостинице Виндгема.

— Не встречал вас целую вечность. Где вы пропадаете последнее время? — спросил Фредди.

— Так, дурью маюсь, — промямлил неохотно лорд Петер.

— Что угодно, сэр? — обратился к Фредди официант.

— А вам, Вимси? — сказал джентльмен, передавая меню приятелю. — Помоему, у них все — отравы.

Сошлись, однако, на консомэ — французском мясном бульоне.

— Какие новости? — спросил Вимси.

— Ничего хорошего, — ответил Фредди.

— Могу я чем-нибудь помочь? — поинтересовался лорд.

— О нет, благодарю, это будет очень обременительно для вас. Надеюсь, все скоро наладится.

— Рад услышать, — добавил Петер.

— Черт побери, старик Леви исчез куда-то. Утонул, что ли?

— Не говорите так! — воскликнул лорд Петер. — А если серьезно — что, вы думаете, могло случиться со стариком?

— Один Бог знает, — вымолвил Фредди. — Пристукнули где-нибудь.

— А возможно, самому стало невмоготу? Двойная жизнь, знаете, всякое бывает. Какие-то махинации, головокружение от успехов?

— Совсем нет, Вимси. Он тихая домашняя птица, очень любит семью, обожает дочь. Кроме того, это прямой, честный человек, не способный ни на какие сделки. Старый Андерсон не понимает его.

— Кто такой Андерсон?

— Один из местных богатеев, который отсюда уехал. Он должен был встретиться с Леви в среду. Этот человек боится железнодорожных воротил.

— А кто здесь управляет железной дорогой? — спросил лорд Петер.

— Мерзавец, янки Джон Р. Миллиган. Он имеет все права или говорит, что

получил их. Нельзя доверять этим него-
дьям.

— Разве Андерсон не может бороть-
ся?

— Он не Леви. Андерсон — одиночка,
а Леви во главе группы и хорошо изучил
дело. Он может попортить кровь этому
Миллигану, если захочет. Вот где соба-
ка зарыта.

— Мне кажется, я где-то встречал
Миллигана, — сказал задумчиво лорд
Петер. — Не тот ли он неуклюжий грубия-
н с черными волосами и бородой?

— Вы ошибаетесь, — заметил Фред-
ди. — Миллиган не выше меня, и он
лысый.

— Я и не знал, что у Леви красавица
дочь.

— О да! — произнес Фредди с подчер-
кнутым восторгом. — Я встретил ее и
мамашу в прошлом году за границей.
Там же поближе узнал и старика. С
удовольствием присоединился бы к его
бизнесу в Аргентине. К тому же он и
перуанской нефтью интересуется.

— Что вы все о деньгах да о деньгах.
А сама леди Леви как украшает семью!
Моя матушка знала ее родню.

— Да, сама леди — великолепно, но
и старик не уступает ей. Он своеобраз-
ен, конечно, но не претендует на что-
то особенное. Никаких излишеств. От-
правляется каждое утро на работу 96-м
автобусом. Говорит: "Не могу до сих
пор ездить на такси — смолоду привык
считать каждую копейку". А его дочь,
Рахиль, потешается всегда над жадно-
стью отца...

— Видимо, послали за леди Леви? —
сказал лорд.

— Должно быть, так, — согласился
Фредди. — Надо бы выразить соболе-
знование или еще что? Может, это не-
удобно? Не знаю прямо, как себя вести.

— По-моему, лучше пока поменьше
разговоров, а вот помощь ваша нужна
будет, — заявил лорд Петер.

— С удовольствием, рассчитывайте
на меня. Звоните и днем и ночью, в
любое время.

МИСТЕРУ Джону Р. Миллигану, главе
железнодорожной и судовой компании,
секретарша положила на стол визитную
карточку. В ней значилось: "Лорд Пе-
тер Вимси, Мальборо-клуб".

Мистер Миллиган был раздражен
тем, что его прервали, но подобно мно-
гим американцам, если и имел какую-
нибудь слабость, то только к английско-
му аристократизму.

На минуту отложив свои занятия,
полностью обратился к гостю.

— Приветствую вас, — сказал вошед-
ший, — и очень благодарен, что вы со-
гласились потратить на меня свое дра-
гоценное время. Попытаюсь быть крат-

ким, хотя это посещение доставляет
мне большое удовольствие.

— Рад видеть вас, лорд Вимси. Разве
не присядете?

— Спасибо, я не имею чести знать вас
лично, а только через своего брата.
Зовут меня Петер. Мне всегда казалось
это имя старомодным и даже глупым,
но мои дедушка и бабушка при креще-
нии выдали именно это.

— Ближе к делу, лорд Петер. Чем
могу вам помочь?

— Знаете, моя мать — самая энергич-
ная, готовая к самопожертвованию
особа. Теперь она хочет помочь одному
несчастному по имени Типс, который
живет в Баттерси со старухой ма-
терью... Прошу прощения, что занял у
вас уйму времени. Моя матушка сказа-
ла, что вы знаете много влиятельных
людей, и она будет счастлива встретить
их всех у себя, а вас, мистер Миллиган,
тем паче.

— Почему бы и нет?! — сказал Милли-
ган. — Я буду рад, лорд Петер, возмож-
но, вы примете и мой скромный денеж-
ный вклад.

Такой поворот дела заставил лорда
подумать о щедрости этого джентльме-
на.

— Огромное спасибо! Я уверен, что
все будут вам благодарны. Лучше не
отдавайте денег мне: могу потерять или
потратить — я не очень надежен. По-
шлите их на имя викария в Денвер.

— Так и сделаем, — сказал Миллиган,
обращаясь к секретарю. — Напишите
расписку на тысячу фунтов, чтобы я не
запамятовал.

Рыжеволосый юнец с выступающим
подбородком молча выполнил приказан-
ие.

— Хотел переговорить по тому же по-
воду с коммерсантом Леви, но он исчез
неизвестно куда.

— Да, очень странная история, лорд
Петер, хотя я как-то не верю в худшее.
Я никогда не держал зла на этого чело-
века, всегда готов подать ему руку.

— Я тоже поражен, но, думаю, у него
была какая-то причина к исчезнове-
нию, тем более что мой приятель поли-
цейский говорит, что старик перекра-
сил волосы, прежде чем ушел.

— Он-то? — изумился Миллиган.

— Да! В рыжий цвет, — пояснил лорд
Петер. — Удивительная вещь, какая-то
афера, не так ли?

Юноша-секретарь, проявлявший ин-
терес к началу разговора, теперь, каза-
лось, совсем к нему охладел.

— Не смею больше вас беспокоить, —
вымолвил Вимси.

— Весьма тронут, — сказал Милли-
ган. — Очень приятно было с вами по-
знакомиться.

(Продолжение следует)

САЛОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА · ЮМОР

Виктор КНЯХИН — автор довольно известный и довольно известных миниатюр, публиковавшихся в разделах юмора многих периодических изданий под рубриками "Афоризмы," и т.д. и т.п. Подполковник запаса Виктор ВЛАСОВ — лауреат конкурсов по афористике. Как видим, их объединяет довольно многое, а сегодня еще и полоса наших "Сапог", в которых они оба дебютируют.

Итак...

Виктор КНЯХИН

- Начальник тюрьмы подавал всем пример усидчивости.
- Как природу ни охраняй, а жить в ней надо.
- Если пенёк зелёный, значит, он покрыт мхом.
- Каждый будильник считает себя машиной времени.
- Любви хватило на первый взгляд.
- Поэзия — обыкновенная книга жалоб на любимых.
- Дон Жуан составил завещание: похоронить его на Новодевичьем кладбище.
- Одни женщины всю жизнь живут в наших сердцах, другие — в наших квартирах.
- Бюрократы умирают, а их копии остаются.
- Не стой под указательным пальцем!
- Клещи на диванах не отдыхают. Клещи на диванах работают.
- В бессилии расписываются неразборчиво.
- Очень много о себе думал. Больше, чем позволяло образование.
- Не допускайте селекционеров к древу жизни.
- Смеяться, право, не грешно, если ты святой.
- И сливки общества прокисают.
- Из двуглавых самые опасные — двуличные.
- Косметика — лицо нашего времени.
- Если тебя хлопают по плечу, значит, хотят взвалить дополнительный груз.
- Глоотаючи обиды, сыт не будешь.
- Каждый пытается называть свои неудачи творческими.
- Для карликов горизонт ближе.
- Идущие наперекор судьбе, соблюдайте правила дорожного движения!

- Она уверяла: "Не женское это дело — говорить правду".
- Каждый хочет жить среди людей, но без соседей.
- Микроб и под микроскопом микроб.
- Мало иметь ум. Надо иметь что-нибудь и на уме.
- Трутень — это теоретическая пчела.
- Когда у него заговорила совесть, одновременно пропал дар речи.
- Внутренний голос редко бывает собственным.
- Надпись на этом лице рассчитана на среднюю грамотность.
- "Делай, как я," — орел учил слона летать. И тот хлопал ушами.
- Впервые мягкость в человеке оценили людоеды.
- Ока сливается с Волгой. А что ей остается делать?
- Изобрел велосипед? Катись отсюда!

Виктор ВЛАСОВ

- Чтобы учить, необходимы знания, чтобы поучать — достаточно звания.
- Офицер мечтал, чтобы жизнь наконец-то загнала его в угол.
- Все норовят командовать, и никто не желает ходить в строю.
- Держался за кресло рукой сверху.
- На ином не то что мундир, костюм Адама висит мешком.
- Солдат мечтает стать генералом, лейтенант — хотя бы полковником.
- Кроме мишеней, у солдата должны быть и другие цели.
- Кто болеет за подразделение, без нужды в санчасть не бегают.
- Солдат и днем ориентируется по звездам.
- И без мундира должен оставаться в форме.
- Так долго целился, что попал впросак.
- Без промаха стрелял только холостыми.

Старший прапорщик
Александр
ПАНКРАТЬЕВ

Пересмешник

Не спеть мне с дятлом
"Из-за острова",
Не для него камыш шумит...

Недавно я услышал кенара,
Вот это был солист большой.
Мне б завести такого тенора,
Чтоб он всегда мне пел с душой.

Виктор БОКОВ.

Однажды
среди кустов орешника
Я отдыхал, светлел душой.
Но чу!
Услышал пересмешника —
О, это был солист большой!

До моего до слуха острого
Дошло
сквозь занавес ветвей,
Как пересмешник
"Из-за острова,"
Завел, —
ну прямо как Орфей!

А вот он
притворился кенаром
И, разорвав лесную тишь,
Запел
срывающимся тенором:
"Шумел камыш.
Шумел камыш..."

Деревья
гнулись камертонами,
Певец послушал, помолчал,
Вдруг
замурлыкал баритоном, и
В лесу "Бродяга" зазвучал!

Дойдя до баса
до глубокого, —
Ах, пересмешник-чародей! —
Он объявил:
— Пою для Бокова!
Романс. Алябьев.
"Соловей".

г.Уфа.

ИЗ АВТОРСКОГО АРСЕНАЛА

"А картошка манила. Выбрасывая ее из костра, еще дымящуюся, парни, обжигая пальцы и ладони, а то и пятки от разлетающихся во все стороны углей, снимали с картофелин обуглившуюся кожу и метали их торопливо в рот. Теперь уже, обжигая губы и язык, парни издавали чмокающий звук, закатывая при этом глаза глубоко под лоб, выражая этим свое явное удовлетворение.."

* * *

"Я темноволосый, правда, лысый, хотя волосы начинают расти: нас ведь всех налысо постригли... А в крови у меня бурное количество национальностей, я — интернационалист.."

ИЗ НЕВЫРУБАЕМОГО ТОПОРОМ

- "В результате длительного розыска шуба окончательно пропала...."
(Из приказа по части об утере полушубка).
- "В артиллерийской батарее создана группа рационализаторов. Сделанного ничего нет, но мысль группы работает...."
(Из протокола заседания БРИЗ части).

- "... Допустил издевательство над молодыми солдатами сержант Павлов, заставивший их петь песни после обеда".
(Из материалов служебного расследования).
- "В подсобном хозяйстве роты содержалось 24 головы крупного рогатого скота. В том числе: коров — 9 голов; лошадей — 5 голов; птицы — 10 голов".
(Из акта проверки подсобного хозяйства).
- "Вывод: обязанности мужа знает, но не выполняет.."
(Из материалов служебного расследования).
- "Мне говорят, что я только обрезаю электропровода в казармах, а помощи не оказываю. Но это единственное средство предотвращения пожара".
(Из выступления на собрании).
- "В госпиталь обратился военнослужащий Голадзе с жалобами на опухоль лица, которую якобы "надуло холодным ветром во время несения службы в карауле". Только благодаря опыту специалистов госпиталя удалось установить, что у солдата перелом нижней челюсти. Но и после этого он продолжал утверждать, что не знает, откуда взялся перелом. Видно, не все благополучно в этом подразделении с морально-психологическим климатом".
(Из доклада начальника отделения госпиталя).

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

"Проверяя внутренний порядок в роте, старшина увидел, что вещи военнослужащего, отправленного в санчасть, не сданы в кладовую, хотя утром такая задача ставилась дежурному. На резонный вопрос дежурный ответил, что он закрутился и забыл. Тогда старшина произнес: "Почему я должен видеть, а вы не должны помнить?!"

Прапорщик
Анатолий ЯГОДИН

Часто битым я бываю
Без вины.
Потому что выступаю
Из стены.

(иолд)

За помаду с пудрой
биться?!
Бейтесь вы,
коль вам не лень.
Я свои меняю лица
По сто с лишним раз
за день!

(оиказо)

* * *
Я работаю без жлобства
И, профессию любя,
Вижу массу неудобства —
Каждый тянет на себя.

(чаеаг)

* * *
Без лишних драм,
Без жалоб: "Давят!...",
Я упираюсь там,
Куда поставят.

(етинствел)

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Уроки по методике школы Тадеуша Касьянова
дает инструктор рукопашного боя
майор Владимир БАРАНОВСКИЙ

СЭН'Э – ПУТЬ ЖИЗНИ

ЗАВСЕГДАТЯМ видеосалонов хорошо знаком заключающий сюжет японских, китайских, гонконговских, американских боевиков о непримиримом противостоянии различных школ и стилей единоборств, которые "разящими кулаками,, "непобедимыми ногами,, мыслимыми и немислимыми приемами, имитирующими боевые повадки драконов, обезьян, богомолов, журавлей и множества других представителей реальной и мифической фауны, утверждают в жарких схватках свой приоритет.

Один мой приятель после просмотра такого "каратэшного,, видика, скептически хмыкнув, заметил: "У всех этих трюкачей не было достойного противника. Вспомни Лермонтова: „Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый, наш рукопашный бой". Богатырский стиль русичей – вот где истинная мощь. Куда твоим "кия,,.

Что ж, если не ограничивать проблему тесными рамками приключенческого кино, где, как известно, побеждает тот, на чьей стороне симпатии выполняющих "социальный заказ,, авторов, а вести речь всерьез, то действительно "за державу обидно,,. Повальное увлечение восточными единоборствами, возникновение в стране многочисленных секций и федераций по различным видам каратэ, ушу, айкидо, кендо, тхэквондо, джиу-джитсу потеснили некогда очень популярное отечественное самбо, затормозили процесс возрождения старинных боевых искусств.

В последние годы, правда, благодаря усилиям энтузиастов заметно пришло полку приверженцев таких исконно русских стилей, как славяно-горичская борьба, тверская буза, кулачный бой. Широкую популярность приобрела замечательная школа А. Кадочникова. Но здесь подстерегает другая крайность: абсолютизация собственных боевых искусств (дескать, мы тоже не лыком шиты) в ущерб освоению поистине бесценного, уходящего корнями в глубь тысячелетий бойцовского опыта Востока и даже полное отрицание последнего, как это сделал А. Ретюнский, утверждающий в своей книге "Русский стиль рукопашного боя. Стиль Кадочникова,, что "восточные боевые искусства чужды нам не только психологически, но и физически,,. Слов нет, далеко не все приемы из этого арсенала пригодны для вооружения российского рукопашника. Однако разумно ли вместе с водой выплескивать и ребенка? Органический синтез достижений различных боевых стилей – вот наиболее перспективный путь развития современных единоборств. К стати сказать, это хорошо понимали основатели отечественной школы рукопашного боя В. Ощепков, В. Ознобишин и другие специалисты, объединившие в единую систему элементы французского савата, английского классического бокса, японского дзюдо и джиу-джитсу. По разработанной ими методике в 1930 году выпускаются специальные наставления для сотрудников НКВД. В послевоенные годы новый стиль

усовершенствовал А. Харлампиев за счет включения в него приемов из национальных единоборств народов Закавказья и Дальнего Востока.

Традиции синтезирования элементов боевых искусств разных времен и народов получили развитие в школе рукопашного боя сэн'э, основанной в начале 70-х годов Тадеушем Касьяновым на базе корейских единоборств ("сэн'э" в переводе с корейского — это "путь жизни", "дорога жизни", "дело всей жизни").

История боевых искусств корейского народа насчитывает около двух тысячелетий. При раскопках древних гробниц Когурю обнаружены настенные росписи, свидетельствующие о существовании уже в I в. н.э. целой системы приемов и методов самозащиты. С расцветом государства Силлы к VII в. они достигают значительного развития. В этот период возникает уникальный военно-религиозный институт хваранов ("цветов-юношей"), ядро которого составляли отпрыски аристократических семей. Обучали технике единоборств в закрытых школах. Считалось, что из общих принципов тренировок можно не делать секретов, а вот методика психологической подготовки, специальных упражнений являлась для непосвященных тайной за семью печатями. Постепенно учебный хваран-до превратилось в сложный разветвленный комплекс, включающий удары руками и ногами, подсечки, зацепы, броски, прыжки, подкаты и множество других специфических стилевых деталей.

О дальнейшем совершенствовании традиционных корейских единоборств бытует несколько версий. Одни склоняются к признанию доминирующей роли стиля тхе-кен, другие считают ведущим направление квоппо. Но так или иначе, корейское искусство рукопашного боя развивалось самостоятельно и было тесно связано с историей государства. Так, в эпоху Коре, после распада Силлы, квоппо прогрессирует, с одной стороны, как школа, культивирующая турнирные поединки, с другой — дает начало системе чхарек на основе даосско-буддийской концепции единства человека и природы.

МИНОВАЛИ столетия. Многочисленные войны, прокатившиеся по благодатной земле Кореи, оказали существенное влияние на характер рукопашного боя различных школ и направлений, которые объединились под общим названием "тхэквондо". Но остался неизменным главный принцип, связывающий все боевые искусства Востока: зло всегда наказывается, а порядок и добро торжествуют.

Этот принцип пронизывает и философскую концепцию сэн'э. Вот некоторые требования, предъявляемые к бойцу школы: не применять свои знания в ущерб другим, помочь людям, попавшим в беду; предательство, трусость, двуличие, бездеятельность — не прощаются; неустанно повышай профессиональные и моральные качества; не бойся противников, не спрашивай, сколько их, каковы они, где они, — твой долг защищать слабых.

Такова предыстория школы Тадеуша Касьянова. В современном же виде сэн'э — это удары, броски, зацепы и другие элементы работы ног, позаимствованные из древних корейских единоборств, отдельные формальные упражнения пумсэ из тхэквондо, приемы и высшие формальные комплексы ката из каратэ-до. Кроме того, широко используются приемы джиу-джитсу, айкидо, ушу, элементы единоборств народов Дальнего Востока. И наконец, самое ценное — разнообразные комплексы нашего самбо, которые обогатили школу благодаря многолетней дружбе Т. Касьянова и А. Харлампиева.

Сегодня развитие сэн'э происходит в двух направлениях — прикладном и спортивном. Первое — особенно ценно для военнослужащих внутренних войск, десантников, которые часто выполняют боевые задачи в экстремальных ситуациях: кроме ударной техники, в школе Тадеуша Касьянова прекрасно поставлена работа с оружием и против него. Это — нож, автомат, малая саперная лопата, короткая и длинная палки, различные виды метательного оружия.

Спортивные соревнования борцов сэн'э проводятся под эгидой Федерации рукопашного боя и традиционного каратэ, созданной в апреле 1990 года. Правила поединков разрешают зацепы, подкаты, броски, болевые и удушающие приемы, удары руками и ногами в корпус — вплоть до технических нокаутов, удары коленями, локтями, основанием и ребром ладони. Исключаются "контакты" с головой, позвоночником, коленными, локтевыми и тазобедренными суставами противника.

Даже этот скупой перечень боевых и спортивных приемов дает представление о богатстве и разнообразии арсенала школы.

У сэн'э хорошие перспективы развития на международном уровне, чего, к сожалению, не скажешь об исконно русских стилях. Проблема в том, что по правилам соревнований высокого ранга предусмотрены специальные квалификационные требования по выполнению боевого комплекса (ката, пумсэ) и разбиванию доски толщиной 3—4 см. Только потом спортсмен допускается к поединку. Подобные правила соблюдаются и на соревнованиях, проводимых Федерацией рукопашного боя и каратэ.

Ну а теперь предлагаю несколько уроков рукопашного боя по системе сэн'э, которые составлены с помощью коммерческого директора школы Софии Касьяновой.

ТЕМА ПЕРВОГО ЗАНЯТИЯ: специальные подготовительные упражнения при изучении приемов с ножом; приемы самозащиты против ударов ножом.

1. Разминка — 15 мин. Выполняется в традиционном стиле: упражнения в движении и на месте.

2. Акробатические упражнения — 20 мин. Могут включать как простые, так и сложные элементы.

3. Специальные подготовительные упражнения на координацию движений и для увеличения чувствительности пальцев при изучении приемов с ножом:

- переброс ножа из руки в руку перед собой;
- переброс ножа из руки в руку за спиной;
- переброс ножа из руки в руку над головой;
- перехват ножа острием вверх, затем острием вниз;
- переброс ножа вокруг кисти с перехватом одной рукой;
- переброс ножа вокруг кисти одной рукой и из бросающей руки в другую руку;
- вращение ножа в ладони "восьмеркой", в горизонтальной плоскости.

4. Парные упражнения:

- партнер держит нож в руке, вы захватываете плоскость ножа таким образом, чтобы большой палец руки лежал на одной его стороне, остальные — на другой. По заранее оговоренному плану партнер начинает медленно перемещать руку с ножом вперед-назад, влево-вправо, вверх-вниз. Движение вашей руки должно полностью совпадать по скорости и направлению с движениями руки партнера. Партнер прижимает нож к вашей груди или животу и делает движение рукой вперед, стараясь прикоснуться к вам. Вы делаете шаг назад, перемещаясь со скоростью движения руки, постоянно выдерживая расстояние между своим туловищем и острием ножа. Как только движение партнера остановится в мертвой точке и он начнет перемещаться назад, последуйте за ним на той же скорости;
- сделайте то же самое упражнение из положений: стоя на месте, отклоняя корпус назад и возвращая его в исходное положение;

— следующее упражнение синтезирует два предыдущих — вы делаете шаг назад, отклоняете туловище в сторону атаки партнера и возвращаетесь в исходное положение;

- партнер приставляет острие ножа к вашему животу и делает движение вперед, пытаясь прикоснуться к вам. Вы делаете небольшой шаг назад, наклоняете туловище вперед и поворачиваетесь на месте на 90 градусов, пропуская движение противника мимо себя;

— партнер приставляет нож к вашей спине. Вы делаете шаг вперед и поворачиваете туловище на 90 градусов или в зависимости от направления удара наклоняете туловище вперед, в сторону атаки, пропуская вооруженную руку противника мимо себя.

По мере овладения техникой упражнений необходимо изменять направления атаки и увеличивать скорость перемещения туловища, выполнять задание с завязанными глазами.

5. Прием самозащиты против удара ножом сверху.

Оба партнера стоят на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Атакующий правой рукой наносит сверху удар ножом в голову.

Защищающийся предплечьем левой руки проводит верхний блок (агэ-укэ) (фото 1) и с переходом на захват кисти наносит удар в уязвимое место (фото 2). Надавливая и выдавливая левым предплечьем нож, захватывает его снизу и вырывает (фото 3).

Выполнить прием 20 раз правой и левой рукой и поменяться с партнером ролями.

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото А. БАЧИЛО.

Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренних войск, пострадавшим в международных конфликтах.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

ЛЕТОМ НА РЕКЕ

Первые поимки щуки на червя, выползка, пиявку говорят о начале ее посленерестового жора. Вначале лучше ловить на снасточку с рыбкой. Вблизи берегов у коряг и поднимающихся водорослей хорошо проводить снасточку и блесну ближе ко дну. Блесна предпочтительнее вращающаяся.

После нереста отходит от берегов на быстрое течение голавль. Его ужение более успешно идет на донные удочки.

Начинаются первые поклевки язей. Они занимают свои летние места: возле перекатов, у прибрежных

кустов и деревьев, в протоках между островами. В сумерках и ночью посещают галечные и песчаные отмели. Ловить можно донными, поплавочными удочками и в проводку. Насадки — червь, выползок, пиявка, опарыш, веретенка. Если вода мут-

новата, язь берет наживку все светлое время, но чаще утром. Захватывающая ловля язя и головля на майского жука. Его нередко хватает и жерех, но только поверху.

Подходит время посленерестового жора окуня на озерах и водохранилищах. Клеует он чаще всего на малька. Вытаскивает рыболов и подуста на кусочки червя, мотыля, бабку и опарыша в проводку.

На местах с тихим, ровным течением все активнее ловятся подязики, плотва, густера, окуни. При ужении поплавочными и донными удочками, когда рыба слабо

ВРЕМЕНА ГОДА

клеует, иногда полезно вызывать ее на решительные действия: лесу плавно подтянуть на 10 — 15 см и отпустить, а через две-три секунды подсечь. Особенно эффективен данный прием при ужении на пиявку, веретенку и выползка.

Ночью на донные удочки вблизи ям на тихих, неглубоких плесах, возле всевозможных укрытий ловят сомов. Для ужения больше подходят места с твердым дном на глубине 1,5 — 2 метра. Поплавочными удочками лучше удить в полводы. Но при этом необходимо знать: абсолютная тишина — непременно условие успеха.

Хороша летняя пора. Любит ее рыболовы. Но хочется напомнить: собираясь на водоем, обязательно ознакомьтесь с правилами любительского и спортивного рыболовства на нем.

Полковник запаса
Ю. ПРОТАСОВ.

Герой этих забавных историй — старшина одного из наших отдаленных подразделений. Страстная охотничья душа, весельчак и балагур, он при всем при том смелый и находчивый воин, отличник службы, бережливый хозяйственник, заботливый воспитатель солдат и сержантов.

Охота пуще неволи

Договорился как-то старшина роты с товарищами в нечастый свой выходной на охоту сходить на рыбчиков, а заодно в рябинник заглянуть, куда в последнее время медведи стали наведываться. Лето в том году выдалось засушливое, лесная ягода не уродилась. Только вот рябину жара не взяла. Манили яркие грозди и людей, и животных. Потянулись в кормные места и косяки. Поначалу мишки только ягодой лакомились, а потом пошаловать стали — на домашний скот нападают. Одного медведя охотники подстрелили, на второго лицензию взяли. Но получилось в тот день так, что чуть было не пропала охота — заболела жена у прапорщика, пришлось ему по дому заниматься.

Но это еще полбеды. Только с делами управился, соседка забежала: в магазин тюль на занавески завезли. Жена услышала новость такую, уговоривать стала — сходи да сходи. Не-

трудно старшине до магазина прогуляться, хотя и расстояние немалое — пять километров, да вот досада — все планы охотничьи рушатся окончательно. Но делать нечего, отправился за покупкой.

Вошел в поселок и ахнул. Очередь у магазина длинная-предлинная, дай Бог до вечера обернуться. Подошел старшина к очереди, с людьми поздоровался и говорит соседям как будто между прочим: недалеко от поселка медведь, мол, корову задрал. "Информация", сработала. Люди к прапорщику подходят стали, подробностями интересоваться: какой масти корова, где все случилось. Узнав, что буренка окраса черно-белого — в поселке почти все коровы такие были, — народ призадумался. Многие не выдержали, домой побежали. Очередь на глазах таять стала. Старшине только того и надо было. И тюля купил, и на охоту с товарищами пошел.

А все, кто клюнул на его байку, ни топтыгина, ни коровы в указанном месте, конечно, не нашли. Поняли, что их провели, назад к магазину вернулись. А смекалистого служивого к тому времени и след простыл.

Зимний взятки

В хозяйстве ротном имела небольшая пасека. Душистый, янтарного цвета

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

медок с нее отправлялся на солдатский стол. И лишь маленькую толику от взятка оставлял заботливый старшина на зиму — пчел подкармливать да больных побаловать.

Как-то зимой появился в роте проверяющий. Он бывал здесь осенью, и тогда его угощали медом... Корооче, не особо церемонясь, выпросил он медка и на этот раз.

— Жидкий какой! Как будто только что из улья! — удивился он, когда старшина, недовольно хмурясь, принес, выполняя приказ ротного, лакомство из своих запасников.

— Почему "как будто", — в глазах старшины вспыхнули и тут же погасли лукавые искорки. — У меня в теплице улей стоит. Огурчики там сейчас цветут. С них пчелки и медок собирают.

Проверяющий, человек в пчелином деле несведущий, принял все за чистую монету. Вернувшись из командировки, офицер похвастался сослуживцам, как хорошо его встретили, как медом потчевали из зимнего взятка. Товарищи его на смех подняли, потом сжалились, преподали азы пчеловодства: зимой пчелке дай Бог саму себя прокормить, не то что проверяющего. Понял офицер, что стал жертвой розыгрыша прапорщика. А может, и еще что-то осознал?!

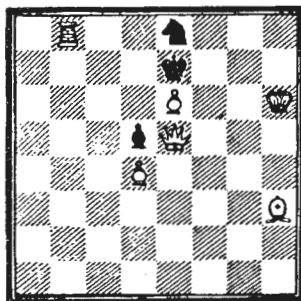
Полковник в отставке
В. ЖУКОВ.

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

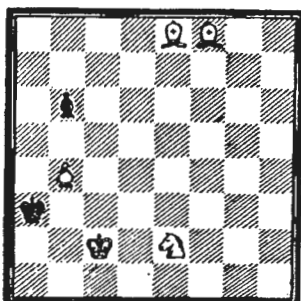
КОНКУРС РЕШЕНИЙ

№ 13 (1 балл)

Мат в 2 хода

№ 14 (2 балла)

Мат в 3 хода

№ 15 (2 балла)

Мат в 4 хода

Очередные задания нашего конкурса, как и прежние, относятся к художественному стилю. Их решения не отличаются сложностью, но любопытны. Условия конкурса даны в 2 – 4 номерах журнала.

Компьютер обыграл гроссмейстера

Компьютеры вторглись в шахматы, и список поверженных ими гроссмейстеров непрерывно растет. Вот наиболее яркие примеры последних лет.

В конце 1989 года в США состоялся турнир, в котором участвовали 10 гроссмейстеров, 13 международных мастеров, ряд других шахматистов и компьютеры – “Дип сот”, (чемпион мира среди больших машин) и “Мефисто”, (чемпион мира среди микрокомпьютеров). Итоги турнира оказались интересными: компьютер “Дип сот”, занял в этом сильном по составу турнире шестое место, оставив позади многих маститых гроссмейстеров и мастеров. Приводим одну из партий, игранных с компьютером.

Э. Майлс – “Дип сот”. Принятый ферзевый гамбит D20. 1. d4 d5 2. c4 dc 3. e4 Kf6 4. Kc3. Сильнее 4. e5. 4... e5 5. Kf3 e6 6. Ф: d4 Cd6 7. С: c4 0 – 0 8. Cq5 Kc6 9. Фd2 h6 10. Ch4 Cq4 11. 0 – 0 0 С: f3 12. qf K: e4! 13. С: d8 K: d2 14. С: c7 С: h2! Компьютер взял пешку и без труда реализовал материальный перевес.

В 1990 году во время проведения Олимпиады в г. Нови-Сад (Югославия) с компьютером “Мефисто”, сражался Михаил Таль. Матч состоял из 10 партий, игра шла в быстром темпе. “Мефисто”, не уступил, счет был ничейный – 5:5. Годом ранее Таль играл с “Мефисто”, но уступил со счетом 2:4, т. е. реванша он не добился.

Для “человеческих”, шахмат компьютеры угрозы не представляют, матчи и турниры проходят и будут проходить. Но изменения в порядке их проведения, несомненно, будут,

например, при откладывании и доигрывании партий. Вмешательство электроники в ход соревнований недопустимо.

“Все мы – одна семья”,

Таков девиз ФИДЕ – международной шахматной организации, имеющей свой флаг и гимн, входящей в состав ЮНЕСКО. Название “ФИДЕ”, происходит от начальных букв ее наименования на французском языке: “Федерация Интернационале Дес Ечесс”. Основали ФИДЕ в 1924 году 14 стран: Аргентина, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Польша, Румыния, Франция, Чехословакия, Швейцария, Югославия. СССР стал членом ФИДЕ в 1947 году. Теперь в составе ФИДЕ 125 стран.

Заслуги ФИДЕ в мировом шахматном движении огромны. Она установила международные правила игры в шахматы, ввела международные спортивные и судейские звания, разработала регламент чемпионатов мира и континентов, всемирных шахматных олимпиад, под ее флагом проводятся международные соревнования.

ФИДЕ – единственная организация, обладающая правом проведения мировых матчей и первенств. Но вот сенсация: обладатель титула чемпиона мира Г. Каспаров и претендент на этот титул – английский гроссмейстер Н. Шорт в феврале этого года заявили о непризнании ФИДЕ и создании “Профессиональной шахматной федерации”, под патронажем которой они якобы будут вести борьбу за обладание короной чемпиона мира.

Реакция ФИДЕ на это такова: она не признает законность подобного акта и организует в этом случае матч за звание чемпиона мира между А. Карповым и Я. Тимманом. Будущее покажет, как разрешится этот неожиданный конфликт.

000371—С. Д.

Грустная у меня жизнь без любимой — 28 уже, а я все еще холост. "Возможна встреча", помоги! Служу прапорщиком в большом городе на Волге, служба, книги, телевизор, ну что еще... Экс-"афганец", но никого теперь это не интересует. Познакомьте меня, пожалуйста, с хорошей, верной девушкой 20—25 лет.

Сергей.

000374—Н. Т.

Мне 43 года (рост 164), русская, работаю на заводе, живем с дочкой в Москве, увлекаемся домашними хлопотами, вяжем, умеем вкусно готовить (когда есть из чего!). Но главное мое увлечение — деревенский дом, огородничество. Рассчитываю в вашем клубе познакомиться только с военнослужащим до 50 лет, который сможет стать настоящим хозяином в деревенском доме, если, конечно, у него есть склонность к крестьянской жизни.

Надежда.

000377—Т. Г.

Мне 19 лет, внешность самая обыкновенная, голубоглазая блондинка, Водолей. Заканчиваю педагогическое училище, есть мечта пойти учиться в школу милиции. Ценю в людях искренность, доброту, смелость. Буду рада, если на мое письмо откликнется курсант военного училища или молодой офицер, служащий в органах внутренних дел. Внешность значения не имеет, но хотелось бы, чтобы парень был выше меня, а мой рост 168.

Таня.

000378—Т. М.

Мы родные сестры, веселые, юморные. Владеем английским в совершенстве. Материально и жильем обеспечена каждая. Живем без родителей. Татьяна — 22 года (рост 176), мастер спорта, окончила институт физкультуры, учитель физкультуры; Наташе — 21 год (рост 178), занимается восточными видами боевых искусств, офицер милиции, учится в академии. Познакомимся с добрыми и отзывчивыми ребятами с целью создания дружных и крепких семей.

Татьяна и Наташа.

За публикацию одного объявления надо переслать почтовым переводом 200 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207, к/с 43716 1900 в РКЦ ГУ ЦБ РФ), а затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом надо направить в банк 40 руб., а письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Если вы хотите опубликовать свое письмо в газете "Ситуация", (приложение к журналу), надо точно так же заплатить за него 200 руб. При публикации одновременно и в газете, и в журнале вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 400, а 360 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 50 руб., при одновременной публикации в двух изданиях — 90 руб., за адрес одного абонента — 20 руб.

Для более оперативного ответа на ваше письмо присылайте, пожалуйста, конверт с вашим обратным адресом.

Заранее приносим извинения за то, что письма без оплаты рассматриваться не будут.

000379—О. Ф.

Мы — друзья, курсанты высшего военного командного училища, первокурсники. Нам по 18, любим спорт, хорошую музыку. Ценим в людях чувство юмора, умение не унывать в трудную минуту. Надеемся познакомиться с симпатичными, веселыми девушками 16—19 лет.

Алексей, Олег, Рустам.

000380—В. Г.

Служу срочную во внутренних войсках, осталось не так уж и много до приказа, а вот девушки любимой нет. Может, встречу ее в нашем клубе — добрую, милую, умеющую понять другого человека, для которой любовь и верность — не пустые слова. Желательно, чтобы ей было 17—19 лет. А мне 19 (рост 178), русский, мой знак Зодиака — Рыбы. Люблю современную музыку и путешествия. Немного стеснительный, но не паинька, потому что воспитывался я в детдоме, родителей у меня нет.

Вадим.

000381—С. Н.

Две симпатичные сибирячки 17 и 19 лет невысокого роста надеются на встречу с верными, смелыми, умными и не лишеными юмора парнями, испытавшими себя военной службой. Знаем, что таким ребятам никакие житейские трудности не страшны. Мы сами тоже способны выдержать любые невзгоды, относимся к себе требовательно — наперекор нашим сибирским морозам закаляемся, зимой плаваем, вообще занимаемся спортом, а в свободное время предпочитаем хорошую музыку. вредных привычек нет, хорошо бы их не было и у наших будущих друзей.

Наташа, Светлана.

000382—А. П.

Трудно мне сейчас, "Встреча"!.. Была у меня девушка, но вот ушел в армию, прослужил полтора года и узнал, что любовь моя вышла замуж. Решил: а вдруг вы можете мне найти верную подружку? Мне 20 лет, рост 175, русский, знак Зодиака — Овен, до армии увлекался боксом (первый разряд), а сейчас — кикбоксингом, играю на гитаре, люблю современную музыку. Вредная привычка

есть — курю. Буду рад знакомству с веселой, стройной девушкой 18—20 лет, которая любит детей и умеет ждать.

Алексей.

000383—М. В.

Живу в Ташкенте в благоустроенной квартире вместе с дочерью 11 лет, разведена. Мне 33 года, русская, рост 164, шатенка, образование высшее, по гороскопу Водолей. Надеюсь, что откликнется добродушный человек, военнослужащий, 35—45 лет, с целью создания семьи. В случае необходимости согласна на переезд.

Марина.

000384—М. С.

Если ты не боишься дорог бесконечных, Если радость и слезы разделишь со мной — Вот тогда, моя девочка — с прядкой беспечной,

Я тебя назову офицерской женой.

С таким предложением обращаются к вам, девушки, два курсанта высшего командно-тылового училища, веселые, общительные парни. Любим природу, путешествия, хип-хоп. Сергею — 19, рост 178, Максиму — 18, рост 180. Остальные сведения — при переписке, а письма желательно с фото.

Сергей и Максим.

000385—И. К.

Меня зовут Ирина, мне 17 лет, среднего роста (глаза серо-зеленые, а волосы темно-русые, до плеч, если это важно), работаю монтажницей электронного оборудования и учусь в вечерней школе — трудновато мне пришлось в жизни без мамы. Поэтому теперь трудностей не боюсь. Очень надеюсь познакомиться в вашем клубе с парнем, хорошим и верным — курсантом военного училища

(лучше — командно-тылового) или другим военным человеком 19—24 лет, по характеру отзывчивым и умеющим понять другого.

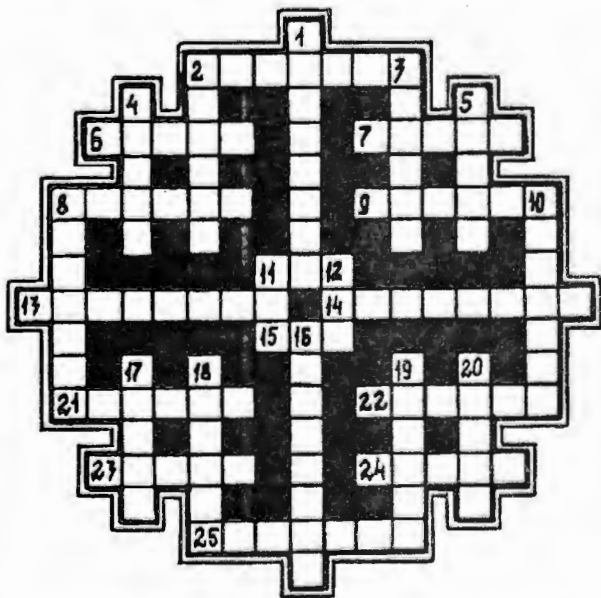
Ирина.

000386—А. Г.

Пишу в надежде найти в нашем клубе сначала друзей, а потом, может, и любимую. Пусть отзовется веселая симпатичная девушка 16—19 лет хорошим и теплым письмом, желательно с фотографией. Конечно, понимаю, что шансов немного, но все же надежда — это лучше, чем ничего. А мне 19, характер веселый, уравновешенный, занимаюсь спортом, люблю современную музыку, танцы, вредных привычек нет. Начался второй год моей срочной службы, друзей у меня много, а вот единственную и любимую еще не нашел...

Александр.

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Оружие массового поражения. 6. Безветрие. 7. Приверженец. 8. Домашняя прислуга в помещицком доме.

9. Повреждение механизма. 11. Название попугая. 13. Военнослужащий, несущий дежурство в составе суточного наряда.

14. Ионизирующее излучение. 15. Название реки Урал до 1775 года. 21. Установка для крепления пулеметов. 22. Специальный брус, прикрепленный к мачте параллельно палубе. 23. Швейцарский психолог. 24. Горизонтальная площадка, оставляемая при отрыве стрелкового окопа. 25. Определенное количество патронов, выпущенных пулеметом в один прием.

По вертикали: 1. Насыпь в фортификационных сооружениях. 2. Фруктовое дерево. 3. Посуда, употреблявшаяся в древней Руси для вина. 4. Установленное уставом размещение военнослужащих. 5. В Византии градоначальник Константинополя. 8. Выборный или назначенный представитель. 10. Город в Ташкентской области. 11. Мыс на южном берегу Крыма. 12. Крепость в средневековых городах Средней Азии. 16. Последователи школ буддизма. 17. Оперативное объединение. 18. Советский астроном. 19. Русский советский писатель. 20. Сооружение из скрепленных стержней, брусьев.

Составил В. ЯКИМОВ.

РОССИЙСКИЕ ПРОСТОРЫ

Фото Б. ПОПОВА

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

Сергей ЕСЕНИН

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
БОЕВЫХ ИСКУССТВ «ШОУ ДАО»
И ЦЕНТР «ЗДОРОВЬЕ НАРОДА»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ
СЕРИЮ ВИДЕОФИЛЬМОВ**

**“БОЕВЫЕ
ИСКУССТВА
МИРА”**

Стоимость одного видеофильма (90 минут) — 9500 руб., стоимость двух видеофильмов на одной кассете — 12000 руб.

Для приобретения видеофильмов необходимо перечислить указанные суммы на расчетный счет: 161601 корсчет в Измайловском отделении Мосбизнесбанка, МФО 201423, МКБ «Экспресс-кредит», с обязательной пометкой «Центр „Здоровье народа“». Почтовый индекс банка 105483.

Квитанцию о почтовом переводе или копию платежного поручения вышлите заказным письмом по адресу: 105203, Москва, ул. Нижняя Первомайская, д.45. Центр «Здоровье народа». Видеокассеты высылаются ценными бандеролями. Не забудьте указать Ф.И.О. и почтовый индекс. В письмо вложите два конверта со своим обратным адресом. Организации доплачивают 20% НДС.

Наши видеофильмы широко используются при обучении личного состава подразделений ОМОНа, морской пехоты Северного и Черноморского флотов, войсковых соединений Российской Армии, армий стран СНГ.

Фильм I

«КОГОТЬ

КАМЕННОЙ ПТИЦЫ»

Умение вести бой в темноте или с закрытыми глазами против нескольких нападающих, используя при этом лишь короткую палочку и молниеносную, эффективную, красивую и рациональную технику Шоу Дао. Больше сотни разящих приемов и комбинаций, специальные дыхательные упражнения, боевые крики и способы вхождения в транс для обнаружения засады.

Фильм II

«САМООБОРОНА И НАПАДЕНИЕ В УНИБОС»

Универсальная боевая система (УНИБОС) имеет в своем арсенале проверенные в боевых условиях приемы из прикладных комплексов спецподразделений США, Германии, Франции и других стран, боевых школ тайных кланов, «старого», и «нового», русских стилей.

Акцент делается на технике выведения из равновесия, позволяющей в мгновение ока получить решающее преимущество.

Фильм III

«АЙКИДО И КАРАТЭ»

Совершенная база технических приемов БУДО, взятая на вооружение охраной американского президента. Техника каратэ и айкидо против нападающих, вооруженных холодным оружием. В фильме принимали участие Сержо Амони, вице-чемпион Европы по каратэ (стиль Вадо-рю, 3 дан), главный инструктор Сан-Франциско Роберт Надо (8 дан, айкидо), внук Морихея Уесибы (10 дан, айкидо).

Фильм IV

«УЛОВКИ И ТЕХНИКА БОЯ ШПИОНОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НАШИХ ДНЕЙ»

Тайны передвижений. Воздействия взглядом и звуком, азы гипноза и суггестии. Избранные приемы нападения и самозащиты с оружием и против него, в том числе работа с нунчаками и против них из индзютсу, Шоу Дао, прикладных комплексов спецназа разных стран, в том числе Смерша и «Зеленых беретов».

Телефон для справок: 165-75-31